

У СВАТЫНЬ ПРІДНЬПРОВЬА

ЗАМѢТКИ СТРАННИКА

С. Астафьева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе П. П. Сойкина

12, СТРЕМЯННАЯ, 12

30/

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Іюня 1898 года.

109258

«Со страхомъ и трепетомъ совершайте
свое спасеніе».

(Филлит. II—12. Ап. Павелъ.)

Монастыри и святія обители издавна служили народу какъ оздоравлиющіе источники въ дни его отечественныхъ болѣзней.

(Изъ московской хроники).

I.

Полоса обложныхъ майскихъ дождей на Югѣ смѣнилась знойными днями іюня. Они начались съ праздника Св. Троицы — періодъ, когда паломничество къ приднѣпровскимъ святынямъ возрастаетъ усиленно. Поѣзда, пароходы и кони доставляютъ ежедневно богомольцевъ къ Кіеву; приходятъ и пѣшкомъ кто побѣднѣе.

Если для богомолья требуется извѣстное настроеніе, то оно давно овладѣло мною. Его можно назвать прозрѣніемъ, нравственнымъ возстаніемъ, какъ угодно. Дѣло не въ названіи. Важно то, что сущность моей собственной особы представилась мнѣ виолнѣ опредѣленно:—я плохой христіанинъ, еще хуже—послѣдователь условной нравственности. Конечно, все это—слѣды неопрятной жизни. Нужно было смыть ихъ, но я не зналъ какъ?

Тогда я обратился къ той же очистительной купели, къ которой, со временъ апостоловъ, обращались вѣрныя.

Это была церковь со всѣмъ ея примиряющимъ значеніемъ. Я признателенъ небу за свое духовное пробужденіе и страшусь одного, чтобы оно не было скоро-проходящимъ. Тогда—опять пустыня въ душѣ, въ сердцѣ—скептической холодъ, тогда смерть! На что нуженъ духъ, лишенный познаній божественнаго? Ни на что. Тогда онъ душный паръ, холодный и мертвящій...

Почти такія же размышленія сопровождали меня, когда я собрался въ дорогу. Мой спутникъ, наоборотъ, былъ жизнерадостенъ и даже шаловливъ. Онъ премило, какъ воробей, попрыгивалъ по тротуару, потому что былъ хромъ, весь проникнутый художественнымъ созерцаніемъ красокъ сверкающаго южнаго утра. Это съ нимъ не часто случалось. Признакъ веселости скорѣе былъ чуждъ его нѣсколько самоуглубленной и пытливой натурѣ. Въ ней гнѣздилась чаще неудовлетворенная горечь жизни, чѣмъ радость. Его нельзя было бы назвать пессимистомъ, хотя онъ старательно навязывалъ себѣ эту модную роль. Это просто былъ славный малый съ добродушной претензіей на славу, даровитый и немножко капризный. Онъ капризничалъ чисто по-женски: неуступчиво, обидчиво и подчасъ смѣшно. Но все это были весьма простительныя отступленія отъ его общей сердечности.

У станціи городской электрической дороги, что ведетъ на Печерскъ, дѣлаемъ непродолжительную передышку. Вагона, идущаго къ Кіево-Печерской Лаврѣ, еще нѣтъ. Подъ станціоннымъ навѣсомъ, на скамьяхъ уже сидѣли богомольцы, нетерпѣливые отъ ожиданія и полусонные, потому что было еще слишкомъ рано. Мы попали въ общую очередь ожидающихъ. Воздухъ сухъ и слышно какъ за нами звенятъ струи городского фонтана. Гдѣ-то вблизи лопнула городская труба газопровода и разносится острый запахъ газа.

Соединительный рычагъ вагона, съ нѣжнымъ металлическимъ шелестомъ, скользитъ по воздушному про-

воду и мы трогаемся. Передъ глазами пробѣгаютъ сочныя кучи купеческаго и царскаго садовъ, скрывающія вершины отроговъ, за которыми клубится старый Днѣпръ. Вагонъ, со скоростью 25 верстъ въ часъ, обгоняетъ пѣшія группы богомольцевъ; утренникъ золотистъ и обливаешь позолотой цвѣтныя пятна живописныхъ мало-русскихъ одеждъ. Слѣдомъ промелькнули лотки папиросниковъ съ мутно-желтоватой влагой и плавающими въ ней кружками лимоновъ. Это напитокъ, отъ котораго тошнить непривычнаго потребителя и который охотно истребляется простонародьемъ.

Пассажиры безмолвно изнываютъ, дожидаясь съ покорностью конечной станціи. Прохлады не откуда ожидать. Небо все также свѣтитъ прозрачной, безоблачной синевой.

— Никольскіе ворота!—провозгласилъ кондукторъ. Многіе облегченно отдувались, выходя изъ вагона-бани.

Дорога постепенно оживлялась. Толпы пѣшеходовъ становились гуще. Слѣва протянулись ряды иконныхъ лавокъ и кустарныхъ издѣлій. Подъ скатами легкихъ крышъ висѣли толстые мотки коралловъ—шедевръ дешевой поддѣлки,—стекляруса и бусъ. На прилавкахъ блестѣли крестики, образки, вперемежку съ глиняной посудой и плетушками.

Торговки потягивали лѣниво чай изъ рѣсписныхъ кружекъ. Зоркіе глаза ихъ привычно оглядывали проходящихъ и точно говорили:

— „Отъ васъ корысти не много, проходите себѣ мимо!“

Онѣ не ошибались. Покупатель рядовъ совсѣмъ не похожъ на мѣстнаго жителя. Онъ сѣрый, закорузлый, довѣрчивый, благоговѣйный. Богъ вѣсть откуда, изда-лека, приходитъ онъ, торгуется робко, приобрѣтаетъ покупку съ крестнымъ знаменіемъ и выраженіемъ умиленія въ запуганномъ взорѣ. А тѣ, что проходили, при-

надлежали къ городскому и окрестному населенію: военные писаря, чиновная мелкота, слобожане и мастеровые. Истый богомолецъ давно уже былъ въ стѣнахъ лавры. Нѣкоторые съ вечера забрались туда, а кто и того ранѣе. Онъ пойдетъ позже, когда отбудетъ полное стояніе литургіи, послѣ отпустительной молитвы и монастырской трапезы.

Но и на улицѣ чувствуется благочиніе. Плоскихъ шутокъ и смѣха не слышать. Интеллигенція почти отсутствуетъ. Коляски на резиновыхъ шинахъ—рѣдкость. Пара извозчичьихъ горбылей провезетъ ипогда помѣщичью семью или тульского купца съ купчихой, подушками, чемоданами и узлами. Это будущіе жильцы монастырскаго подворья. Они собрались основательно пожить скромной жизнью обители, помолиться, осмотрѣть за свои деньги все до усталы. Ничего легкомысленнаго не замѣтно въ ихъ внушительныхъ позахъ и всей ихъ внѣшности. Но и въ этихъ мелькающихъ, неладно скроенныхъ сюртукахъ, простенькихъ платьяхъ изъ бежа, сарпинки и цвѣтнаго ситца, опрятныхъ, насколько опрятна чистоплотная бѣдность,—чувствуется что-то хорошее. Наблюдаются больше простыя соломенные шляпки и платочки, платочки..

Есть нѣчто привлекательное въ безхитростной простотѣ костюма. Въ ней какъ бы таится нелицемерное смиреніе, можетъ быть наивное, но не преднамеренное.

Простой народъ сознаетъ глубже, нежели мы, необходимость посѣщенія чтимыхъ издревле святынь. Онѣ неудержимо привлекаютъ его сердце.

Если я сохранилъ еще въ себѣ „душу живу“, то этимъ обязанъ примѣрамъ вѣры, преподааннымъ мнѣ народомъ. Я безконечно ему признателенъ за себя и за всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе увлекся его религіознымъ настроеніемъ. „Блаженны чистиі сердцемъ, яко тии Бога узрятъ“.

И имѣю основаніе полагать, что духовное оскудѣніе

передовыхъ классовъ общества временно. Потребность къ возврату прежней одухотворенной вѣры ощущается все сильнѣе. А это пророчить, что недалекъ тотъ день, когда настанетъ полное религіозное объединеніе и исчезнетъ разномысліе. Блаженный Исаія говоритъ: „приближается утро, но еще ночь“!

Будемъ надѣяться и ждать, что ночь духовной мысли смѣнится благодатнымъ утромъ сердца.

О томъ, что мы у стѣнъ лавры, заявляютъ намъ встрѣчные нищіе и пѣніемъ, и просьбами. Пока они еще рѣдки. На краю дороги, пролегающей между брустверовъ Николаевской цитадели, насъ привѣтствуетъ непрерывными поклонами „монастырскій шатунъ“. Народное прозвище укоренилось за нимъ съ той поры, когда онъ пересталъ работать и питался подачками, кочуя по обителямъ. „Шатунъ“ — типъ закоснѣлаго тунеядца. Намѣтивъ болѣе состоятельную жертву состраданія, „шатунъ“, копясь пальцами въ своей путанной бородѣ, заводитъ:

— Чадо Божіе, Христовъ поклоничекъ, земной невольничекъ, милосердный даватель, нищему сострадатель! Не оставь убогаго, слѣпаго странника, о своихъ грѣхахъ печальника. Пожертвуй копѣчку за упокой родичей твоихъ, усопшихъ рабовъ, и за здравіе живыхъ; помолюся Господу, что бы онъ на всякіе случаи послалъ вамъ благополучіе. Аминь.

Ему охотно подаютъ, тронутые скорѣе его складнымъ запѣвомъ, чѣмъ фальшивою ницетою.

Нѣсколько шаговъ и... снова васъ осаждаеть плаксиво-тягучій голосъ:

— Подайте калицѣ на пропитаніе!—Благополучный видъ нищенки-малороски опять наводитъ на сомнѣнія. „Калѣка“ она потому, что, подкорчивъ одну ногу, держитъ костыль, который ей въ другое время не нуженъ. Наконецъ, вы узнаете, случайно, что все это привилегированныя попрошайки, побирушки по профессіи, при-

творщики и своего рода монополисты. Они арендуют мѣста своихъ стоянокъ и сгоняютъ съ нихъ новопрішедшихъ, истинныхъ бѣдняковъ, незнакомыхъ съ этой своеобразной организаціей. Неподдѣльная нищенская голь впереди. Она ужасна. Своевременно я останавлиюсь на ней подробнѣе. Покуда что, оставляемъ вопіющихъ и взывающихъ на всякіе лады тунеядцевъ и углубляемся съ художникомъ въ толпу.

У „Святыхъ воротъ“ Лавры тѣснота усиливается. Бѣлобородый инокъ, съ молодыми глазами, кропитъ поочередно св. водою входящихъ. Подъ аркадой воротъ опять крестики, образки, колечки... Они разложены симметрично въ высокихъ ларькахъ подъ остекленными крышками. Раскупаются крестьянами преимущественно кипарисовые крестики, ладанъ и четки. Богомольцы приносятъ ихъ домой и вѣшаютъ подъ образа. Это священные реликвіи парода. Они напоминаютъ ему до конца жизни о посѣщеніи св. мѣстъ. Торговаться за такіе предметы, по народному повѣрью, — грѣхъ. Поэтому между торговцемъ-монахомъ и покупателемъ продажа улаживается съ двухъ-трехъ словъ. Не слышно ни божбы, ни торгашескихъ увѣреній.

Брошюрки о „житіяхъ“ раскупались грамотными паломниками. Нѣкоторые изъ нихъ, выбравъ на дворѣ потѣннѣе уголокъ, располагались на землѣ въ качествѣ слушателей. Лекторъ занималъ мѣсто по срединѣ; устройвъ импровизованную кафедру изъ груды котомокъ, онъ раскладывалъ на ней книжку и читалъ:

„В-о гра-дѣ Стол-номъ въ Че-хахъ, во вре-мя нѣ-кое, бысть чу-до ве-лі-е за пред-ста-тель-ствомъ свя-ты-я и слав-ны-я Ве-лико-му-че-ницы Вар-ва-ры... и т. д.“

Аудиторія слушала благоговѣнно, не шевелясь и недружелюбно поглядывая на болтливыхъ сосѣдей изъ чужихъ губерній, раскинувшихъ неподалеку свой паломническій станъ. Тамъ иного рода времяпровожденіе. Старый инвалидъ-странникъ оповѣщаетъ слушателей о

причинахъ, побудившихъ его къ „хожденію Христову“. Его оспариваетъ юноша съ блѣднымъ сквознымъ лицомъ аскета, находя, что въ разсказѣ солдата много вымысла.

Группы смѣняются группами. У стѣнъ лаврскихъ церквей, подъ стволами густолистныхъ тополей и вязовъ, у монастырскаго фонтана—всюду примациваются „Божіи путники“, загорѣлые, утомленные, лежа и сидя, въ разнообразныхъ положеніяхъ. На виду всѣхъ, тутъ же, сложенъ ихъ подорожный скарбъ, иногда представляющій изъ себя сплошную рвань, сочетаніе грязныхъ заплатъ, тряпья и обносковъ. У болѣе зажиточныхъ, ручной багажъ приведенъ въ удобоносимую форму: кожанья сумы, мѣшки изъ рядины, сундучки съ необходимой утварью.

На всемъ протяженіи лаврскихъ дворовъ, улицъ и переулковъ — неугомонное движеніе народныхъ массъ. Богатство красокъ и тоновъ поглощаетъ самый обильный запасъ наблюдательности. Ея не хватаетъ на все. Однѣ характерныя частности переносятъ вниманіе наблюдателя съ одного пункта на другой, не давая времени сосредоточиться. Впечатлѣнія подавляютъ, жизнь толпы бьется и кипитъ, картины и типы бѣгутъ какъ въ волшебной панорамѣ. Надо быть олицетвореннымъ вниманіемъ, потому что все драгоцѣнно какъ для бытописателя, такъ и для мастера кисти. Ни одинъ штрихъ не можетъ быть здѣсь лишнимъ. Его набрасываетъ сама жизнь картинно, выпукло, съ удивительной экспрессіей.

И работа ея грандіозно-художественна и высоко-этична, потому что натуральна, какъ сама природа.

Вотъ живой корридоръ изъ плотно сомкнутыхъ человѣческихъ тѣлъ. Здѣсь можно отмѣтить коленкоровыя лѣтнія рубахи солдатъ, бѣлыя суконныя свитки „полѣщукъ“, высокіе гречневѣки самарцевъ, тяжеловѣсныя съ наборомъ пояса и расшитые шолкомъ кафтаны житомирскихъ поселянъ, краснояркіе козакины и „очипки“ полтавокъ, черниговокъ и смѣшанныя уборы кievлянъ.

Но строгая индивидуальность костюма повсюду уже утрачена. На немъ сказывается вліяніе города, нелѣпая подражательность нелѣпой модѣ.

Корридоръ длинень, зыблется тихо, пополняемый притоками новыхъ лицъ и соединяетъ собой церковь Успенія Богоматери съ покаями митрополита. Въ концѣ его—черныя рясы, клобуки, пѣвческая капелла въ стихаряхъ... Признакъ, что вскорѣ преосвященный владыко прослѣдуетъ въ церковь.

У „экономскихъ“ воротъ посвободнѣе. Подъ оградой кое-гдѣ приткнулся одинокій паломникъ; кажется, дремлетъ стоя, осѣненный ближайшимъ тополемъ. Благовѣсть встрепенеть его. Онъ схватится и спѣшно запагаетъ къ храму. За то къ монастырскому фонтану, что журчитъ въ сторонѣ,—нѣтъ доступа. Обнесенный хрупкимъ штахетникомъ, въ тѣни каштановъ, дворикъ его переполненъ жаждащими. Жестяная кружка на привязи, съ кристальной влагой, холодной и вкусной, переходитъ изъ рукъ въ руки.

— Вотъ это уже непристойно! — произноситъ кто-то за моей спиной. Оборачиваюсь — знакомое лицо ремесленника изъ вагона.

— Что такое?—спрашиваю я.

— Какъ же-съ! Прохладный пріютъ, а они умывальню устроили. Грязь производятъ. Темнота!

Какая-то баба, первобытнымъ способомъ, изо рта, снабжала свои пригоршни водой и плескала его на лицо. Тоже самое продѣлывала и ея товарка. Я попробовалъ оправдать ихъ:

— Надо же имъ помыться.

— Отнюдь! Развѣ другого мѣста не найти? Сказано: „прежде очистишь и входи во святилище“.

— Да, вѣдь, здѣсь дворъ, а не храмъ.

— Святой дворъ,—поправилъ онъ. — Подвигоположники и святые пещерники по немъ ступали, значитъ почитай его, а не то, чтобы...

Онъ недоговорилъ. Я понялъ его мысль— и не спорилъ. Мягкій блескъ впалыхъ глазъ, безкровныя строгія губы и черная борода моего знакольца производили пріятное впечатлѣніе. Онъ вѣжливо поклонился и отошелъ къ столикамъ на дворъ, за которыми монастырскія служки продавали выпеченныя вкусно бѣлыя просфоры. Одного изъ нихъ, помоложе и внимательнаго, обступили неграмотные. Онъ толсто выводилъ чернилами на днѣ просфоры имена „за здравіе“ родственниковъ многочисленныхъ подателей на проскомидію. Впереди, раздѣльно и твердо, пожилой крестьянинъ изъ Черкассъ говорилъ

— Пропиши еще, батюшка, рабовъ Божіихъ Ликсандра, Кискенкина и старицу Манею...

— Все?—спросилъ служка.

— Все, батюшка. Много благодарны тебѣ.

Крестьянинъ задумчиво вздохнулъ и перешелъ изъ-подъ солнпека къ тѣнистой вербѣ у фонтана. Ни тючка за спиной, ни подорожной сумы у него не было. Налегкѣ, въ подержанной коричневой свитѣ съ бѣлыми нитками по швамъ, болѣзненный, онъ казался бездомнымъ и пришибленнымъ. Бѣлосіѣжная борода его въ два клына и усы подернулись старческой желтизной. Онъ завернулъ просфору въ обрывокъ газеты, а бирюзово-мутные глаза его слезливо щурились на снующую непрерывно толпу. Бѣдность, но чистая и смиренная, отпечаталась на всемъ его вѣшнемъ обликѣ, начиная съ бѣлыхъ онучей и новыхъ лаптей, до сплющенного картуза съ зеленымъ каптомъ, подаркомъ чиновника или казеннаго курьера.

— Прочтика, господинъ радостный, какъ тутъ адресъ обозначенъ.

Онъ протянулъ мнѣ бумажку, гдѣ карандашемъ неразборчиво было набросано:

— „Отцу-миссіонеру Амфилохію. Пречистенское подворіе. Спросить новообращеннаго раба Геннадія, что кухопникомъ“.

— Вотъ, спаси тебя Господь,—поблагодарилъ онъ, когда я объяснилъ ему, какъ розыскать о. Амфилохія, обличителя штундистовъ и раскольниковъ.

— Побесѣдовать надумалъ съ нимъ?—спросилъ я, предполагая въ немъ одного изъ сектантовъ, наводняющихъ юго-западный край нашей родины.

Онъ съ ласковой грустью отвѣтилъ:

— Я не супротивецъ отцовской вѣрѣ. Мнѣ не о чемъ говорить съ батюшкой. А сказываютъ, онъ силу Божию въ рѣчи имѣетъ противъ богоотступниковъ... Который, ежели, отъ вѣры хрестьянской отбился, онъ такого съизнова въ стадо Христово пригонить. Никто изъ еретиковъ отъ слова его устоять не можетъ... Божій благовѣстникъ истинно!.. Буду молить его къ сынамъ моимъ заявиться.

— А что-же твои сыновья? Раскольники?

— Кто же ихъ знаетъ, что это! Мы, говорятъ, братья шкундисты. Шкунда—это, видишь ли господинъ радостный, какъ бы напимѣрно—безбожіе и зачалась она отъ нѣмца. Нѣмецъ завезъ ее нечестивую. О бокъ нашей деревни колонисты нѣмцы, ну съ этого и пошло.

Лицо крестьянина омрачилось застарѣлой печалью. Я уловилъ одинъ моментъ, когда онъ какъ бы возмущился моими разспросами. Пытливо и осторожно онъ спросилъ:

— А вы изъ какихъ, господинъ? Можетъ шкундистъ, ась?

Я разубѣдилъ его.

— Такъ, я потому спросилъ,—оправдался онъ,—что промежду молодыхъ маловѣріе понъче пошло. Пустомыслиемъ заняты. Вотъ, напимѣрно, взять городскихъ: приходятъ къ мощамъ святымъ приложиться, а опосля того губы обтираютъ, словно, прости имъ Господь, къ сквернѣ какой пригубились. Нешто такъ полагается? Лучше не ходи, коли невѣріе имѣешь, либо противность. Себѣ грѣхъ великій, а простому народу соблазнъ.

„Намъ, говорятъ, штуденты сказывали, что заразиться можно. Тысячи, молъ, людей въ одно мѣсто мощу цѣлуютъ. Другой-де прокаженный либо прилипчикомъ боленъ. Опасно-де“.

— Несмысленный народъ! Они хоть бы подумали, сколько на міру болѣстей лихихъ бываетъ: и моръ черный, и холера, и проказа струпная, а не бывало еще того николи, чтобы отъ святынь заразу кто принесъ, либо въ монастыряхъ отъ нея помёръ кто. Во всей округѣ мрутъ какъ мухи, а у святыхъ мѣсть живутъ и Господа славословятъ. Бываетъ, что невѣръ, али насмѣятель какой изъ господчиковъ очумится. Такъ это за его нераскаянность дается. Бывали и такія чудеса, что придетъ такой-то пустельга къ тому же святому, надъ которымъ дурное помыслилъ, да со слезми повинится передъ нимъ, безъ блажи, и исцѣленіе получаетъ. Какъ же это возможно, чтобы иконы, али мощи святыя, отъ которыхъ благодать и здравіе посылается вѣрующимъ,— заразу источали! Истинно слабоуміе и ересь агарянская пародъ затемнила. Взять, на примѣрно, шкунду, чего она подѣлала? Раздѣлила отца съ сыномъ, дочь съ матерью, брата съ сестрой... хозяйство разбила. Охо-хо! Научи мя, Господи, оправданіямъ Твоимъ! Времена, времена!

Разсказчикъ какъ-то размякъ. Больное воспоминаіе чего-то близкаго навело на него краткое раздумье.

— Что же ты, не живешь съ сыновьями?

— Нѣтъ, хорошій господинъ, не живу. Гдѣ ужъ тутъ вмѣстяхъ жить? Неспособно. Раздѣлились мы; старуха моя померла, а я по монастырямъ пошелъ. Допрежь нѣмцевъ, всѣ сообча жили, однимъ семействомъ. Воронцовскіе мы, изъ вотчинъ князей Воронцовыхъ. Сыны подросли, поженилъ ихъ, избы отдалъ свои молодымъ, живите, молъ, и меня, старика, кормите. Спервоначалу ладкомъ все шло. Колонисты сами по себѣ, а мы сами по себѣ, только живемъ съ ними, стало быть,

въ добромъ сусѣдствѣ. Порядокъ у нихъ, это точно, отмѣнный. И машины, и скотинка кругленькая да сытая, и живутъ-то они безъ сварь, другъ за дружку держатся, и урожаи у нихъ богатѣе нашего. Въ одной, почти полосѣ живемъ: у нихъ рожь, либо пшено полнымъ зерномъ вышло, да густякомъ, а у насъ жиденько и въ пустоколосье. По сусѣдски, завсегда помогутъ зерномъ, либо пряжей... Ребятишки у нихъ ходятъ чистенькія, сами они по ихнему всѣ грамотные, виномъ не упиваются... Посмотрѣли мои ребята,—видятъ народъ ничего, степенный да привѣтливый... Побывали они у насъ за рѣкой, сходили и мы къ нимъ. Все это дружественно.

— Только сталъ я примѣчать за сынами и вижу дѣло нехорошее. Обучены они у меня были страху Божьему по хрестьянскому и въ церковь ходили каждый праздникъ. А тутъ вдругъ перестали ходить. Прослѣдили это я, а они съ женами, какъ воскресенья, такъ на ту сторону, къ нѣмцамъ. Сталъ это я уговаривать ихъ: „Дѣтки, говорю, побойтесь Господа. Развѣ можно вѣру православную мѣнять на басурманскую? Грѣхъ то какой! Ни дѣды ваши, ни я отъ Христа не отступали. Подумайте, милые, что дѣлаете!“

— А они въ отвѣтъ: „Мы, говорятъ, по Христу молимся и псалмы поемъ всѣмъ обществомъ, по братски. Теперь говорятъ, православная вѣра не по времени. Время новое и вѣра-де новая должна объявиться. А жить нужно-де по новому, чтобы промежь насъ въ миру не было недостатку или нехватки какой. Богатъ кто—дѣлись съ бѣднымъ въ половину; обидѣли кого неправедно—цѣлой деревней подымись за него; штрафу начальство наложило на одного—плати всѣ хоть по грошику и штрафному легче будетъ; коня у сосѣда украли и поле оттого не орано—дай ему свой плугъ, своего коня, пусть пашетъ. И ненадо намъ ни церквей, ни поповъ, а гдѣ собрались, тамъ одну молитву про-

пой согласно; вотъ тебѣ и службѣ конецъ и Богъ не осудить. Ступай къ намъ отецъ, посмотри, какъ другимъ станешь“.

— Какая же, спрашиваю, дѣтки у васъ молитва? „Отчу“ читаете вы? „Вѣрую“ читаете? „Богородицу“ читаете?

А они въ отвѣтъ:

— Нѣтъ, батюшка, „Вѣрую“ мы не читаемъ, потому что Богъ и такъ знаетъ, что мы вѣруемъ въ Него, а читаемъ мы такъ:

— „Братья, славимъ Христа и Бога за то, что Онъ далъ намъ небо, воду, землю и воздухъ. Они наши. Будемъ слушаться великую Совѣсть, помнишь Смерть и возносить Разумъ, тогда не будетъ зла меду нами. Хвалите трудъ рукъ своихъ и Бога. Слава труду, милосердію и правдѣ!“

Молитву эту я прочелъ на другомъ лоскуткѣ бумаги, который откуда-то изъ-за пазухи вынулъ взволнованный старикъ. Онъ продолжалъ:

— Посмотрѣлъ это я на нихъ, заплакалъ, да и говорю: „Нѣтъ, дѣтки, къ вамъ я не пойду и жить у васъ не стану. Поздно мнѣ, у могилы, Бога своего и вѣру продавать. Пойду молиться за васъ и можетъ Господь долготерпѣливый и многомилостивый обратить души ваши отъ ереси“. Вотъ и хожу пятый годъ, господиня мой. Не уживается сердце мое съ сыновьями. Гордыни много въ ихъ новой вѣрѣ. И поле, и небо все, видишь-ли ихнее, а Божьяго ничего нѣту. Сперва хвалятъ руки свои, а потомъ уже Бога. Онъ, милосердный, у нихъ въ послѣднихъ значится. Разуму молятся да смерти, а того не вѣдаютъ, что разумъ и смерть и животь отъ Бога дадены. Говорятъ, что не будетъ зла между ими. А это развѣ не зло, что я по старости да хворости долженъ по міру ходить изъ-за сыновъ. А церковь забыть развѣ не зло?

Сильное движеніе головъ въ живомъ корридорѣ дало знать о выходѣ митрополита. Донеслось пѣніе. Колокольный звонъ и прибой шаловливаго вѣтра обрывали звуки хора.

Старикъ спѣшно подобрался и, бережно переставляя свои ноги, словно стекляныя, подвинулся ко мнѣ. Восторженно онъ заговорилъ:

— Вотъ, примѣчайте, господинъ, какъ по православному-то благолѣпно служба церковная правится. Иладыко самъ соборне служить будутъ. И прадѣды наши такъ молились, и дѣды, и отцы, и мы по старинѣ святой такъ молимся. А то безъ церкви, безъ священства! Да церковью народъ хрестьянскій держится. Онъ къ ней и въ нужу и на радостяхъ, какъ къ матери, идетъ. Безъ нея—сироты мы, нищіе... И что это за вѣра новая, коли Христось Господь загодя еще приказалъ любовью да миромъ съ человѣками обходиться, пособлять другъ дружкѣ. Шкунда! И слово-то паскудное, не хрестьянское. По моему разсужденію, ничего новаго не придумаютъ люди насчетъ вѣры, потому что все, допрежь еще, Богомъ указано въ писаніяхъ. Хоть и темень я въ грамотѣ, а отцы монастырники сказывали, что новыя учителя изъ стараго берутъ, да на свой глазъ передѣлываютъ. Баловство несообразное! Вотъ поговоришь такъ съ благочестивымъ человѣкомъ и на душѣ посвѣтлѣетъ. Простите меня болтуна стараго: всякъ о своей болѣсти жалится, такъ и я.

Онъ отвѣсилъ мнѣ поясной поклонъ и присталъ къ идущимъ въ церковь богомольцамъ.

— Господи, научи мя оправданіямъ Твоимъ!—дoleтѣлъ ко мнѣ его подавленный возгласъ.

Одного-ли его поразила эта болѣзнь? Возвратить-ли еще сыновей убѣдительность о. Амфилохія? Кто можетъ рѣшить эти вопросы! Въ разсказѣ паломника я уловилъ знаменіе времени. Оно грозитъ поселить духов-

ный разладъ въ семьяхъ народа, какъ поселило уже въ семьѣ этого несокрушимаго вѣроносителя церковныхъ завѣтовъ.

Я восхищался непоколебимою вѣрою старика и видѣлъ въ немъ одного изъ тѣхъ чистыхъ носителей православія, которымъ суждено положить начало къ истребленію ложно-религіозныхъ теорій, вносимыхъ разными новаторами въ народную тьму.

II.

На лаврской главной колокольнѣ отзвонили. Послѣ кремлевскаго Ивана Великаго—это одна изъ гигантскихъ построекъ. Въ прозрачныя вѣшнія зори она доступна невооруженному глазу за 50 верстъ, со стороны черниговскаго побережья. Видно ее и съ темносиннихъ излучинъ Днѣпра, при ясной погодѣ, далеко-далеко, по пути къ Екатеринославу. Съ ея золотой вышки—окрестныя картины и перспективы волшебны. У заѣзжихъ иностранцевъ онѣ вызываютъ восторгъ.

Мнѣ лично не понравилась глава колокольни. Она была слишкомъ мала сравнительно съ башней, что во многомъ портило общее впечатлѣніе. Можетъ быть это оплошность зодчаго? Представьте себѣ корпусъ слона съ головой ягненка. Если это стиль смѣшанной архитектуры, византійской съ западной, то онъ не изъ удачныхъ. Миниатюрныя луковицы главъ умаляютъ общій контуръ сооруженія. Мы, русскіе, одинаково привыкли какъ къ внутреннему благолѣпію храмовъ, такъ и къ наружному ихъ представительству. Вѣроятно, эта форма колоколенъ укоренилась въ Кіевѣ, потому что она замѣтна и при другихъ большихъ церквахъ: Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ, гдѣ почиваютъ мощи великомученицы Варвары, и Софійскомъ кафедральномъ соборѣ.

Въ церкви Успенія Богоматери обѣдня отошла. Богомольцы расходились—кто трапезовать въ монастырской столовой, кто по другимъ пріютамъ спасительныхъ наставниковъ слова Божія. Кстати объ Успенской церкви: мимоходомъ я узналъ, что чудотворный образъ Владычицы, находящійся въ храмѣ, врученъ, при постройкѣ его, рабочимъ Пресвятою Дѣвою. Предаіе это записано въ исторіи лавры, а самый образъ привлекаетъ къ себѣ тысячи почитателей: больныхъ, удрученныхъ житейскими бурями, измученныхъ сердцемъ... Непритворная вѣра въ него облегчаетъ этихъ израненныхъ борцовъ жизни, окрыляетъ ихъ слабѣющій духъ и даетъ обновленіе. Дурно одно, что обращаемся мы къ такимъ цѣлительнымъ родникамъ только въ минуты нашей боязни за себя, неувѣренности.

Подъ свѣсомъ деревянной пристройки къ полисаднику сидѣли трое паломниковъ съ женщиной въ шелковомъ разстегаѣ. Всѣ они коренасты, обвѣтрены, широкогруды и одѣты домовито; смотрятъ зорко, даже какъ-то шельмовато. Хозяйственный избытокъ и сила чувствуется въ ихъ поступи, размахѣ рукъ. Привычка къ упорной борьбѣ съ суровой природой закалила ихъ тѣло мѣдно-бурой окраски.

- Откуда?—спрашиваютъ ихъ.
- Изъ подъ Томска.
- Давно въ дорогѣ?
- Шесть мѣсяцевъ и восемь день.
- И все пѣшкомъ?
- Пѣшой. Зарокъ, вѣдь.

Они пришли изъ глубли сибирской тайги „по зароку“—и никому это не въ диковину. Везъ рисовки, скромно они отмахали путицу въ нѣсколько тысячъ верстъ, чтобы помолиться у святынь за болящаго родственника, а, быть можетъ, и искупить собственные проступки. И такихъ ходоковъ, каждня весну и лѣто, прохаживаютъ по св. Руси цѣлыя тысячи.

Благословенная привычка, лишпій разъ подтверждающая смиренную мощъ русскаго крестьянина.

Въ чайной, на открытомъ воздухѣ (есть и зимнее помѣщеніе), застаемъ цѣлое общество. Это отдѣленіе для чистой публики. Немного вглубь, по главной лаврской улицѣ, подъ каштанами, пьютъ чай, кто попроче.

— Приборчикъ прикажете?—обратился къ намъ въ бѣломъ передникѣ чайный служка.

Не зная вмѣстимости и назначенія „приборчика“, мы затруднились отвѣтомъ.

— А то можно и „парочку“,—предложилъ онъ.

— Какая-же разница между „парочкой“ и „приборчикомъ“?—чтобы выпутаться изъ затрудненія, спросилъ я.

— Самая маломальская...—Приборчикъ—это ежели у васъ свои чай и сахарокъ, а парочка—ежели они монастырскіе. Въ первомъ случаѣ беремъ только за посудку...

— А во второмъ?

— Положено 22 копѣйки... Кто, иной ежели отъ усердія своего...

Мы попросили нарочку, потому что у насъ никакихъ провіантскихъ запасовъ не имѣлось. Насчетъ „усердія“ рѣшили быть щедрыми, въ виду дешевизны спрощеннаго.

Намъ подали ароматный чай и кипятокъ, котораго могло хватить съ избыткомъ на пятерыхъ.

— А булки?—спросилъ художникъ.

— Пожалуйте-съ. Вонъ ларекъ булочный,—указаль въ сторону монастырской больницы служка. Я направился по указанію. Рядомъ съ гостинными воротами, почти у входа, инокъ въ лѣтахъ выдерживаль осаду покупателей. Они напирали на барачекъ съ пряниками, коврижками, бубликами и продолговатыми монастырскими хлѣбцами. Помятый изрядно толпою, я выдрался изъ нея съ двумя увѣсистыми сайками.

— Утоляйтесь!—положилъ я передъ пріятелемъ мою

сдобную пошу. Пріятелю моему смертельно захотѣлось покурить. Но нигдѣ не было видно курящихъ. Въ стѣнахъ Лавры, должно быть, курильщики не поощрялись, и мой охотникъ до куренія долженъ былъ подчиниться обстоятельствамъ.

Мы уже разсчитались со служкой-чайникомъ и направились къ народнымъ столовымъ. Народная волна сразу охватила насъ со всеѣхъ сторонъ. Это все были монастырскіе даровые нахлѣбники, подгородняя голь, бездомовная бродячая нищета, перебивающаяся гдѣ день, гдѣ ночь. Изъ разныхъ угловъ просторной родины, голодная и обдерганная, стекается она въ монастыри за бесплатнымъ кускомъ хлѣба. Здѣсь можно близко познаться съ человѣческимъ паденіемъ. Истинная пужда въ перемежку съ тунеядствомъ и врожденной порочной праздностью, беспросный трудъ рядомъ съ преступными пропойцами, утратившими навсегда все то, чѣмъ человѣкъ отличается отъ животнаго. Ихъ такъ много, этихъ невольныхъ и добровольныхъ бѣдняковъ: и невыразимо озлобленныхъ, и покорно смиренныхъ, сознающихъ бесплодность какого-либо протеста противъ судьбы.

Замѣчается между этими испытанными или опухшими лицами и богомолецъ, но его сравнительно немного. Онъ чаще питается принесеннымъ съ собою домашнимъ запасомъ и если садится за монастырскую трапезу, то экономіи ради, чтобы сберечь нѣсколько трепанныхъ цѣлковиковъ на дальнѣйшій путь: въ Іерусалимъ или Соловки.

У входныхъ дверей длиннаго деревяннаго барака— дожидается сплошная толпа даровыхъ столовниковъ. Монастырскіе служки, приставленные у входовъ, и выборные отъ тѣхъ-же, что на дворѣ бѣдняковъ, бдительно слѣдятъ за очередными смѣнами объѣдающихъ. Впускаютъ въ строгомъ порядкѣ, черезъ извѣстный промежутокъ времени, партіями. Изъ надписи на баракъ узнаемъ, что

трапезная для парода освящена въ мартѣ 1870 г., стало быть болѣе двадцати пяти лѣтъ служить доброму дѣлу безвозмездно, съ истинно--христіанской задачей: накормить голоднаго и напоить жаждущаго.

Спрашиваемъ общительнаго послушника о количествѣ приходящихъ столовниковъ:

— Какъ задастся! Иной день, въ богомолье, тысячъ десять, а то и пятнадцать переходитъ,—обязательно общается онъ.

— Каждый день?

— Да, да.

— А зимою?

— Зимою много меньше... Зимою и половины не будетъ.

Цифра настолько солидна, что остается преклониться передъ дѣятельностью монастырской кухни, успѣвающей ежедневно готовить обѣдъ и ужинъ на пятнадцатитысячную армію паломниковъ.

Меня занимали рослые, въ отрепьяхъ, носильщики хлѣба и варева. Съ легкостью гимнастовъ они вносили въ столовую на плечахъ огромныя кадки гороховаго супа или капустной похлебки, поддержанныя на вѣсу продѣтыми въ ушки шестомъ. Такимъ же способомъ вносились деревянныя большія корзины, напоминающія собой скорѣе ящики, съ переполненными верхомъ ломтями душистаго ржаного хлѣба.

Обѣдающіе входили съ благоговѣніемъ, крестясь на угловую икону, и размѣщались за длинными столами. Служка читаль предъобѣденную молитву. Втеченіи обѣда происходило также чтеніе священнаго писанія или житія какого-либо святаго, преимущественно того, который приходился по святцамъ въ этотъ день.

На вкусъ обѣдъ мнѣ понравился. Опъ былъ простой, невзыскательно приготовленъ, изъ двухъ перемѣнъ: горячаго и каши или капустника. Квасъ, приготовляемый изъ остающихся хлѣбныхъ корокъ, расходовался,

благодаря жарѣ, въ увеличенномъ количествѣ. То и дѣло его таскали носильщики цѣлыми ведрами, наполнили большой деревянный кубъ на дворѣ, и оттуда онъ раздавался желающимъ.

Къ двумъ часамъ пополудни, монастырская сутолока поулеглась. Движеніе въ лаврскихъ переулкахъ и церквахъ уменьшилось. Послѣ трапезы, пѣкоторые изъ посѣтителей предавались сну въ страннопріимномъ домѣ. Закрытое помѣщеніе его могло дать пріютъ сразу пѣсколькимъ сотнямъ паломниковъ. Здѣсь не было тонкаго бѣлья и мягкихъ подушекъ, которыми снабжалъ монастырь номера въ гостинницѣ для болѣе чистой публики. Вдоль бревенчатыхъ стѣнъ, тянулись сплошныя бары, вродѣ крытыхъ закрововъ. Внутри, на всемъ протяженіи, онѣ раздѣлялись небольшими переборками съ крышками, родъ сундука, гдѣ хранились одежда и вещи странниковъ-ночлежниковъ.

Въ развалку, по одиночкѣ и семьями спятъ странники... Вонъ одинъ закинулся: руки въ стороны, лицомъ вверхъ, ноги разбросаны... Сладко ему спится. Не слышитъ даже какъ прилипчивыя мухи черными стайками бредятъ по жаркому лицу, забираются въ полуоткрытый ротъ, бороду... Намаялся онъ за день. Отстоялъ раннюю и позднюю обѣдни, исходилъ ближія и дальнія пещеры, и вездѣ помолился.

Тихо въ страннопріимницѣ... Полумракъ—полусвѣтъ и мерцаніе одинокой лампадки передъ угловымъ образомъ... Легкій женскій возгласъ во снѣ или богатырскій хрипъ мужика—и снова тишина. Даже тѣ, что входятъ сюда, стараются не громыхать и сдерживать голосъ. Каждому понятна трудность пути странника-пѣшехода и усталъ и, въ этомъ случаѣ, простой человекъ очень предупредителенъ къ утомленному ближнему.

Пахнетъ березками и травой айромъ... Весь полъ усыпанъ ею. Откуда-то пахнули ароматомъ свѣжаго сѣна... Это нѣсколько бабъ-паломницъ, взяли его съ мо-

настырскаго луга и теперь нѣжатся на немъ дремотно, перебрасываясь шепотливыми словами.

Кто-то убралъ одну изъ березокъ бумажными цвѣтами. Должно быть крестьянскія дѣвушки-невѣсты. Ихъ не мало приходитъ на богомолье.

Жаръ сваливаетъ... Удлиняются тѣни отъ многочисленныхъ куполовъ и зданій лавры. Время бѣжитъ, неумолимо. Завѣдывающій конторой гостинницы, благообразный инокъ, предлагаетъ намъ любезно перепочевать.

— Дадимъ вамъ померокъ, изъ котораго дивный видъ на окресть,—говорить онъ.

— Но мы не захватили съ собой документовъ,—начально заявляю я. А здѣсь, хотя бы вы и знали меня, кажется, нельзя одной ночи безъ вида на жительство проспать?

— Нельзя. Теперь строго установлено властями наблюденіе. Сами знаете, всякій народъ теперь здѣсь, пришлый и озорной мѣстный...

А ѣхать въ городъ за документами не имѣло смысла. Это было далеко, а намъ предстояло еще посѣтить въ этотъ день двѣ обители.

— Скажите, батюшка, въ этомъ году много-ли паломниковъ изъ другихъ губерній?—освѣдомился я, выходя изъ конторы, у привратника.

— Нынче мало. Тысячъ семь, кромѣ тѣхъ, что живутъ въ номерахъ гостинницъ и въ страннопріимномъ домѣ.

— А номеровъ много?

— Да вотъ, изволите видѣть эти корпуса?

Онъ указалъ намъ на четыре трехъ-этажныхъ надворныхъ флигеля. Всѣ они были каменные, прочной кладки, съ высокими ступенчатыми крыльцами.

— Сейчасъ нѣтъ ни одного свободнаго номера, кромѣ предложеннаго вамъ. Кладите, значить, еще тысячу полторы.

— И это вы, батюшка, считаете малымъ?

— Какъ вамъ сказать... Конечно, наплывъ средній. Вотъ, въ прошлые годы вдвое больше было.

— Чѣмъ же, вы, объясняете это уменьшеніе?

— Не сѣумѣю вамъ сказать. Полагаю такъ, что народъ сталъ больше о мірскомъ помышлять, нежели о Господѣ... Да, при томъ, чума теперь... Кто изъ Палестины путешествуетъ, тѣмъ задержка, карантинныя въ Одессѣ. Прежде много изъ Святой Земли приходило.

Братъ-привратникъ указалъ намъ ближайшую дорогу къ Выдубицкому монастырю, черезъ крѣпостныя ворота, минуя ближнія пещеры.

Такимъ образомъ, не давая крюку, мы могли вдостоль налюбоваться окружными пейзажами, которые чередовались отъ стѣнъ лавры вплоть до того мѣста, гдѣ по преданію, нѣкогда „выдыбалъ“ изъ Днѣпра языческой идолъ Перупа и гдѣ теперь усердіемъ и любовью благовѣрныхъ царей русскихъ красуется православный Выдубицкій монастырь. При поворотѣ на такъ называемую „Батарейку“, обоняніе поражается насыщеннымъ какою-то ѣдкою смѣсью воздухомъ. Она доносится еще издали съ тягою вѣтерка. Это атмосфера изъ человѣческаго пота, грязныхъ испареній тѣлъ и заношенной рвани, припеченной солнцемъ.

Мы у преддверія „улицы нищихъ“. Ноющіе, читающіе и молящіе голоса осаждаютъ нашъ слухъ... Столько разомъ просьбъ слезныхъ и заученныхъ напередъ, искреннихъ и дѣланыхъ съ ласкательными причитаціями, что отъ непривычки можно потеряться... Вамъ хочется сразу помочь всѣмъ этимъ бѣднякамъ, унять ихъ просительныя вопли, но это не выполнимо. Кошелекъ вашъ такъ тощъ, а рукъ протянуто такъ много, что ваше желаніе остается только однимъ добрымъ намѣреніемъ.

Конечно, какой-нибудь современный Крезъ, тратящій тысячи на свои прихоти, могъ бы успѣшно осуществить это намѣреніе. Но помогло бы оно или нѣтъ—

вотъ что существенно знать. Я думаю—нѣтъ. Лаврскій нищій это профессионалистъ; онъ сжился со своимъ положеніемъ и обстановкой. Сегодня вы можете его одѣть съ ногъ до головы, дать обезпеченный трудъ — завтра онъ будетъ на томъ же мѣстѣ, въ тѣхъ же зловонныхъ лохмотьяхъ. Это особый міръ, требующій особаго внимательнаго изученія. Останавливаться на немъ подробно не входитъ въ нашу задачу, потому что это составитъ вполнѣ отдѣльный нашъ трудъ, которымъ мы своевременно подѣлимся съ читателемъ.

Такъ или иначе, но здѣсь необходимо оговориться. Нашъ нищій—существо отданное вполнѣ самому себѣ. Его преслѣдуютъ за сборъ подаянія на городскихъ улицахъ и подвергаютъ заточенію за попрошайство, бездомность и бродяжество. Это заставляетъ его собираться тамъ, гдѣ болѣе безопасно для его свободы. Такія собранія выдѣляютъ изъ себя кружки. Каждый кружокъ корпоративно обособленъ и вырабатываетъ свои правила. Можетъ быть, этотъ кодексъ рѣзко граничитъ съ нравственностью, но тогда мы сами виноваты. Недостаточно помогать нищенству матеріально или же, наоборотъ, преслѣдовать его. Мнѣ кажется прежде всего и первѣе всего нужно пробудить въ немъ сознаніе своей человѣчности, извлечь его изъ пропасти полной и безповоротной апатіи къ себѣ и нечуждости къ зажиточнымъ классамъ общества. А достигается все это только тѣми средствами, которыя съ такимъ христіанскимъ терпѣніемъ и любовью, примѣнялъ популярный англичанинъ Бутсъ къ своей „арміи спасенія“. Пусть въ этомъ направленіи работаютъ наши филантропы, увлеченные примѣромъ генерала Бутса, этого современнаго апостола милосердія, или же пусть вдохновятся дѣлами братолюбія глубокочтимаго Кронштадтскаго пастыря. Побольше рабочихъ домовъ, ремесленныхъ общинъ, пріютовъ трудолюбія, побольше морально-нравственнаго воздѣйствія на падшую братію въ духѣ евангельскомъ—и нищеп-

ство станетъ меньшимъ зломъ цивилизованныхъ обществъ.

Представьте себѣ улицу, читатель, на которую мы только-что вступили. Небольшимъ спускомъ она ведетъ внизъ къ пещерамъ. По обѣимъ ея сторонамъ хромыя, слѣпые, увѣчные... Есть такія калѣнки, отъ которыхъ дуна ваша, если она отзывчива, заледѣнѣетъ, умретъ на мгновеніе отъ ужаса. Онѣ лежатъ на припекѣ обезображенные, вопя и взывая; подползаютъ къ прохожимъ... На телѣжкахъ, въ отвратительныхъ тряпкахъ, копошатся безногія старухи... Это живыя покойницы.

Такихъ искалѣченныхъ, невѣроятныхъ уродовъ, передъ которыми блѣднѣютъ пищіе всѣхъ странъ, мнѣ никогда не доводилось встрѣчать. Какія болѣзни, несчастныя случайности, собственная неосторожность—могли создать эти страшныя говорящія призраки? Кто согналъ ихъ сюда ползущихъ, скрипящихъ костылями, невыносимыхъ при одномъ уже своемъ приближеніи?

Вотъ что-то пыльное, живое жметъ къ моимъ ногамъ... Какая-то студенистая масса, съ искривленной назадъ головой, безъ ногъ, безъ рукъ... Она ползетъ по тротуару на доскѣ, прикрѣпленной къ животу, упираясь голыми обрубками рукъ въ горячіе камни. Ужасны и эти обнаженные съ трещинами обрубки и это пресмыкающееся безформенное существо, носящее еще названіе человѣка!

Вы бросаете, закрывъ глаза, монету несчастному и хотите пройти далѣе. Но путь вашъ преграждаетъ устремленный на небо взоръ слѣпца. Это кочегаръ паровоза, ошнаренный паромъ котла. Зрачковъ нѣтъ. Однѣ неподвижныя, немигающія бѣлыя глядятъ, не видя, въ небесную синеву, какъ бы ожидая свыше прозрѣнія...

Довольно, довольно...

Кидаемъ на ходу еще нѣсколько монетъ и торопимся прошагать улицу. Старый севастополецъ-ратникъ, въ

живописныхъ обрывкахъ пальто-крылатки и вязкой сушекъ въ рукѣ, прихрамывая, ковыляетъ за нами.

У стѣнъ забора стоятъ десятки нищихъ и нищенокъ. Нѣкоторые читаютъ, сквозь битые очки, замусоленные псалтири или дѣлаютъ видъ, что читаютъ. Другіе творятъ наизусть, громко, во всеуслышаніе, молитвы. Но какія это странныя непостижимыя молитвы! Онѣ всё безъ исключенія составлены изъ набора словъ, рассчитаннаго на незнаніе давателя. Безъ всякой связи, безтолково онѣ повторяются нараспѣвъ, безостановочно весь день.

Только темноглубая украинская ночь прекращаетъ, до зарни, гудѣніе, стоны, суету и слезы „улицы нищихъ“. На тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ недавно звучали на разнородныя лады голоса бѣдняковъ, устраивается на ночлегъ вся эта обездоленная армія „перехожихъ калѣкъ“.

— Помилуй мя Бо-о-же по величѣй милости Твоей и спаси рабовъ Своихъ, яко же отнынѣ ублажатъ мя венери. Насыщаются кедры Ливанскія во Сионѣ... Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Препоблагословенъ Богъ Саваоѣ на небеси... Аلیلлу-ія, аلیلлу-ія...

Эта молитвенная импровизація выливалась изъ устъ тучнаго, рыхлаго мужичка. Онъ, безъ сомнѣнія, былъ неграмотенъ и смотрѣлъ въ книгу для пушчаго вразумленія проходящихъ.

Темное и жалкое средство невѣжества, для возбужденія столь же темныхъ слушателей къ состраданію!

Опять новые потоки народа... Они пересѣкаютъ копецъ „улицы нищихъ“ и стекаются у крытой деревянной галлерей, ведущей къ ближнимъ пещерамъ.

Но о пещерахъ съ останками святыхъ мощей—въ другой разъ. Въ „Описаніи Кіево-Печерской лавры“, читатели найдутъ обстоятельное изложеніе о нихъ, съ точнымъ переименованіемъ мощей святыхъ угодниковъ Божіихъ и древнихъ священныхъ реликвій, хранящихся въ ближнихъ и дальнихъ пещерахъ св. обители. Пом-

нится, есть два изданія: одно синодальное, другое—Кіево-Печерской лаврской типографіи. Отсылаемъ желающихъ къ нимъ. Наша цѣль—посильно обрисовать только картины паломничества на югѣ Россіи и, если мы достигнемъ ее хотя въ половину, мы будемъ счастливы.

Часы съ курантами на лаврской башнѣ бьютъ три. Музыкальной мелодіей проносится ихъ нѣжный звонъ надъ обителью. Монастырскія стѣны остаются позади, а за ними весь праздничный шумъ и говоръ многотысячнаго народа. Крѣпость кончается... Кое-гдѣ видны еще ея поросшіе зеленью брустверы, углы рововъ и фортификаціонные плато. Справа раскинулись безпорядочной цѣпью городскія окраины Печерска, малорослые домики предмѣстій, охваченные кудрявыми поясами зелени.

Слѣва, принаряженная какъ невѣста, бѣлѣетъ церковь во имя св. Христова Воскресенія. Это послѣдній храмъ изъ лаврской группы, который мы проходимъ. За крѣпостными воротами уже разстилается великолѣпная шоссированная дорога, прорѣзающая предмѣстье Звѣринецъ причудливыми изгибами, то ускользя, за выемкой, на поворотѣ, изъ глазъ, то снова выдѣляясь по крутому откосу глубокаго оврага. Съ боковъ ея, какъ сторожевые великаны, тихо перешептываются граціозные тополи. По легкой покатой плоскости, зигзагами сбѣгаетъ она къ Днѣпру. Но пока мы на высокой ея части, намъ видны впереди холмистыя очертанія днѣпровскаго побережья, стальная полоса рѣки, играющая золотыми отблесками солнечныхъ лучей, и далекія песчаныя плѣши черниговскаго зарѣчнаго низколѣсья.

— Какая дорога! Очарованіе! — не удержался художникъ.

Проходящая мимо, бывалая богомолка, изъ мѣстныхъ, приняла это восклицаніе за вопросъ.

— То старая Неводницкая дорога до Выдубицкаго монастыря,—предупредительно сказала она.

Такимъ образомъ случайно мы узнали названіе этого поэтичнаго пути. Навстрѣчу намъ, изъ туннеля, выпала гурьба молодежи: дѣвушки съ березовыми вѣнками на головахъ, въ честь св. Троицы, и паробки въ бѣлыхъ рубахахъ съ пышными, длинными кушаками. Впереди крѣпостной солдатикъ наигрывалъ что-то безпечально-молодецкое на скрипкѣ. Компанія, съ молодымъ смѣхомъ, скрылась за выступомъ туннеля. Отсюда уже картина развивалась полнѣе, свободнѣе... Внизу, сбоку, въ зеленой ложбинѣ, подъ цвѣтушими вишнями и густыми вербами лѣпились на склонѣ оврага мазанки загородной бѣдности. Онѣ смотрѣли своими крошечными окнами на Божій міръ, какъ подслѣповатыя старушки. Ничто, казалось, не въ силахъ было ихъ оторвать отъ этихъ холмистыхъ отроговъ, между которыми вздымала свою уступчатую вершину высокая Выдубицкая гора. Прямой, отвѣсный обрывъ ея говорилъ о давно минувшихъ дняхъ, когда старый Днѣпръ въ мятежной удали лобзалъ ея упругое подножье и, въ порывѣ дикой забавы, бурный и неукротимый, унесъ лучшую ея часть съ собою.

Тогда, быть можетъ, его смѣлыя волны заливали и самую ложбину, ласкаясь и плача, гдѣ не отваживался мѣшать ему человѣкъ и кособокія избы-старушки.

Но присмирѣлъ теперь величавый старецъ. Отодвинулся онъ вглубь украинскихъ полей, одиноко, и оставилъ на гористомъ берегу своемъ неизгладимый слѣдъ мощнаго раздолья: гдѣ песчаный обвалъ, гдѣ овражистыя ложбины. Сжатый пустынными отмелями, изрѣзанный пароходами, обмѣлѣлъ онъ, раздробился и сковали его нынѣ люди желѣзнымъ мостомъ, какъ цѣпью.

Печально синѣлъ онъ передъ нами, нѣкогда грозный, и невѣдомо о чемъ лещетали намъ теперь его сонныя волны.

Можетъ быть, то была поздняя жалоба...

Набережная закруглилась и по правой сторонѣ ея,

за рядами зеленых холмовъ, внизу мелькнула блѣдно-розовая ограда Выдубицкой обители.

На рѣкѣ, у береговыхъ отсыпей, колыхались при-ставшія гонки. Два-три рыбачьихъ челна недвижно за-мерли посрединѣ, отражая въ водяномъ зеркалѣ рва-ный парусъ.

Глазъ отчетливо различалъ рѣшетчатая формы же-лѣзнаго моста Кіево-Воронежской дороги.

До монастыря оставалось не болѣе двухъ верстъ.

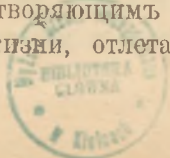
Еще нѣсколько побережныхъ избушекъ, одинъ ко-роткій переходъ и... мы у цѣли.

III.

— Сюда!—сказалъ мнѣ художникъ.—Это мѣсто я отлично узнаю. Волшебный уголокъ! Это самое картин-ное мѣстечко на Днѣпрѣ.

Дѣйствительно, вся окружающая мѣстность блистала декоративными красотами. Съ трехъ сторонъ маленькую обитель давили вычурными уступами лѣсистые горные склоны. Она чуть-чуть выступая къ рѣкѣ, словно укры-лась подъ вѣтвистымъ покровомъ чудовищныхъ дубовъ, широколиственныхъ каштановъ и рослыхъ акацій. Въ прорѣзяхъ свѣжей листвы солнце набросало золотыя пятна. Онѣ трепещутъ, мѣняются и заигрываютъ съ тѣнистыми впадинами задумчиваго монастырскаго парка, вѣнчающаго ближайшій береговой холмъ. Нагнулся надъ обителью старый паркъ, простеръ къ ней свои косматыя руки, какъ сказочный богатырь, и бережетъ ее отъ вѣтровъ и непогоды.

Изъ cadaго уголка, изъ-подъ всякой зеленой за-росли здѣсь вѣетъ перушимымъ покоемъ. Такъ тихо, что плакать хочется... Больная душа переполняется какимъ-то умиротворяющимъ чувствомъ. Отходятъ му-чительные сны жизни, отлетаютъ прочь безъ возврата

надменные, холодныя мечты. Забывается даже то, что дорого сердцу, что близко душѣ. Присутствіе божественнаго величія разлито кругомъ и въ надзвѣздной голубой равнинѣ, и въ шелестѣ ветхаго парка, и въ незыблемой глади днѣпровскихъ водъ. Оно окропляетъ живою росой запуганную мысль и ведетъ ее властно за собой къ небесному чертогу.

Вотъ гдѣ молиться, молиться...

Какая противоположность кипучей жизнедѣятельности лавры! Тамъ толпы богомольцевъ, здѣсь ихъ не наберется и сотни; тамъ непрерывное дневное движеніе, говоръ подъ звонъ колоколовъ, пѣніе нищихъ, — здѣсь почти пустынно, не видно иноковъ и колоколъ пѣвуче возвѣщаетъ о наступленіи вечерни.

Все располагаетъ къ мысленному созерцанію Бога. Что-то знакомое, по дѣтскимъ воспоминаніямъ, пробуждается въ памяти. Такой же отдаленный сельскій храмъ, въ сторонѣ отъ городской шумихи, такія же точно простенькія ворота ограды, и такое же кладбище, примыкающее къ церкви... Только памятники надъ дорогими мертвецами не такъ богаты, и даже, какъ знать! — уничтожены уже неумолимымъ временемъ...

А здѣсь любимыя руки украсили драгоценный гранитъ металлическимъ вѣнкомъ орхидей... Въ другомъ мѣстѣ мраморный ангелъ льетъ слезы надъ бронзовой урпой... Какой-то заботливый другъ начерталъ по чугуну надъ безвременно погибшей жизнью:

«Прекрасное увяло въ полнонь цвѣтѣ...

Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!»

И еще, и еще могилы... Ихъ много — разныя, съ разными надписями, эпитафіями, ненужными покойникамъ, не говорящими для живыхъ языкомъ любви или дружбы.

Памятники, почти кругомъ, опоясываютъ церковь во имя св. Великомученика Георгія Побѣдоносца. Это придаетъ ей видъ кладбищенскаго храма. Сюда приходятъ

поклониться чудотворной иконѣ Христа Спасителя и ракѣ съ частицами мощей св. Георгія.

Застаемъ у притвора нѣсколькихъ утомленныхъ паломниковъ. Они истово крестятся и разглядываютъ со вниманіемъ художественное письмо на фронтопѣ.

Эго такъ называемая верхняя церковь. Правѣе, поодаль, скрытая на половину кустарникомъ и деревьями, находится другая, нижняя церковь съ двумя престолами: Благовѣщенія и архистратига Михаила.

На крыльцѣ, повитомъ плющемъ, монастырской гостинницы сидѣли двое пожилыхъ иноковъ о чемъ-то разговаривая въ полголоса.

Мой англійскій вестонъ и жокейская шапка отвлекаютъ ихъ на секунду отъ бесѣды.

— Иностранцы?—лаконично спрашиваетъ одинъ изъ нихъ. Я посиѣшилъ убѣдить честныхъ отцовъ въ своей чистокровной принадлежности къ великорусскому племени.

— Простите!—извинился онъ. — Нынче русскаго человѣка отъ иностранца не отличить по одеждѣ-то. Ужъ очень мудренныя одѣянія стали носить. Свое-то, отечественное, пріѣлось видно!

— Помилуйте, батюшка, лапти, шаровары и кумачевая рубаха давно сыграли свою роль...—попробовалъ оправдаться художникъ.

— Такъ, такъ. Я не въ осужденіе... Къ слову только сказалъ.

Онъ мечтательно вздохнулъ и замолчалъ.

— Не сыграли, а забыты, — поправилъ его другой инокъ.—А къ чему привело забвеніе-то это? Къ тому, что и крестьянство теперь въ моду ударилось: пиджаки, тросточки да разныя тамъ бирюльки пошли, глядя на баръ, перенимать. Вотъ сколько лѣтъ я тутъ живу; много простого народу видывалъ. Теперь отъ его одежды мало-мало что осталось. Ту, старую-то свитку онъ самъ ткалъ, прядъ и шилъ. Гроши ему это стоило. А пыпче

расточительность. Нынче онъ въ городъ покупать идетъ пиджакъ-то, да больше думаетъ о томъ, какъ-бы поще-голять, чѣмъ благомыслиемъ заняться. Грамота ему, господа, нужна, а не заграничный покровъ.

Монахъ-народникъ намѣренъ былъ распространиться на эту тему, но художникъ перебилъ его:

— Позвольте, батюшка, спросить васъ, которое мѣсто называется тутъ „княжимъ дворомъ“? Я хотя и бывалъ тутъ, но забылъ.

Инокъ поочередно взглянули на насъ. Я присѣлъ на побурѣвшій пенъ; передо мной, по дорожкѣ, разбѣжались переполошенные муравьи.

— Вотъ видите-ли этотъ холмъ?

Инокъ приподнялся и указалъ мнѣ на возвышенность, поросшую паркомъ.

— Назывался онъ встарь Выдубецкимъ холмомъ. На немъ великій князь кievскій Всеволодъ построилъ Красный теремъ. Теперь отъ него и слѣдовъ нѣтъ. Половецкія орды, кажется, если не вру, въ 1096 году, сожгли его до тла.

— А монастырь какъ же образовался?

— Монастырь? Это будетъ немного ранѣе. Когда свергли кумира Перуна при св. князѣ еще Владимірѣ...

— Это я знаю...

— Такъ позвольте-съ. Идолъ-то приплылъ сюда вотъ, на это мѣсто и прибился здѣсь, ниже Печерской крѣпости, къ берегу. Какъ тамъ ни кричали кievляне-язычники „выдыбай го-го Перуне!“—онъ, вѣстимо, какъ бездушное созданіе рукъ человѣческихъ, и не подумалъ возстать.

Слово „выдыбай“ инокъ подкрѣпилъ выразительнымъ взмахиваніемъ рукъ, которое, по его мнѣнію, непременно продѣлывалось язычниками-кievлянами.

— Да-съ. Вотъ вскорѣ послѣ введенія христіанства, въ 1071 году, впускъ св. Владиміра Всеволодъ далъ основаніе нашей обители. Тогда-же былъ сооруженъ и храмъ во

имя Архангела Михаила. Уже позднѣе пристроилась церковь Георгія Побѣдоносца. Монастырь нашъ считается 3-го класса и недавно еще именовался Выдыбаевскимъ. А это теперь уже, поновому, зовутъ его Выдубскимъ. А замѣчательнъ онъ еще и тѣмъ, что въ немъ пребывалъ на житіи пр. Силиверстъ—игуменъ, продолжатель несторовской лѣтописи. Вотъ все, что могу вамъ сказать. Да вамъ лучше всего справиться въ лаврской библіотекѣ; тамъ полнѣе свѣдѣнія найдутся.

Но мнѣ было достаточно слышаннаго и мы откланялись сообщительнымъ инокамъ.

Въ паркѣ пасъ охватываетъ прохладный полумракъ... По усыпанной мертвыми листьями тропинкѣ добираемся до верхней площадки. Это узкая луговина, покрытая бархатнымъ ковромъ подкошенной травы. Она мыскомъ, между деревьевъ, врѣзается въ обрывистый берегъ Днѣпра. Дальше по ней идти некуда. Мы у самага края обрыва. Внизу, саженой па тридцать подъ нами, спокойно песеть свои воды рѣка. На рубежѣ горизонта, за нею, дымчатой полосой тянется зубчатая кайма черниговскихъ лѣсовъ. Самый Днѣпръ, желѣзный мостъ, зарѣчныя дали и деревушки — какъ на ладони. Какое обиліе свѣтовыхъ эфффектовъ! Подернутые румянцемъ надходящаго вечера, они брыжжутъ идеальными цвѣтами летучихъ красокъ. То замираетъ свѣтъ и возрождается тѣнь, то наоборотъ...

Художникъ устраивается на древесномъ пнѣ и заполняетъ свой альбомъ ландшафтомъ. Отсюда, отчетливо виденъ боковой фасадъ Свято-Троицкой обители. Она господствуетъ, справа, надъ балками и холмами Выдубецкаго монастыря, потому что расположена значительно выше. Границей между обоими монастырями служить смѣшанный заборъ изъ досокъ и плетня. Держась по протяженію этой безыскусственной границы, можно добраться до открытой долины, безлѣсой и унылой. Оттуда не болѣе 3-хъ верстъ—до Троицкой обители.

Пока художникъ занятъ набросками, я люблюсь сценической нѣсколько иного характера.

Какая-то мѣщанская молодежь безцеремонно разбила таборъ подъ вязами и открыто бражничаютъ. Пользуясь отсутствіемъ надзора въ паркѣ, попойка намѣрена перейти въ разгулъ. Участники ея уже полураздѣлись и, безъ верхняго платья, подъ хмѣлькомъ нескладно затынули: „Баламутовъ“ — малорусскую пѣсню, очень популярную на югѣ. Какъ пѣвцы ни понижали свои голоса, однако были захвачены врасплохъ.

Появленіе служки разогнало ихъ скорѣе, чѣмъ я ожидалъ. Были забыты недопитыя бутылки, малодушно оставлена закуска.

— Безобразники! — наставительно замѣтилъ служка. — Господи прости наше согрѣшеніе! Нашли мѣсто, гдѣ вино пить. И непонятно, какую власть въ міру висло взяло! Подлинно, говорится, дьяволово питье. Тьфу! Нѣтъ, чтобы человѣкъ грѣховный разумъ свой прояснилъ—и безъ того темный, онъ еще нарочитъ совсѣмъ его омрачить виномъ. Искушеніе!

Все это онъ говорилъ въ сторону, собирая остатки пирушки и бросая ихъ подъ обрывъ.

— А вы ихъ не пускали бы сюда,—посоветовалъ я.

— И то не пускаемъ... Понаѣдутъ изъ города, будто на богомолье, а сами грѣховодничаютъ. Прежде, дѣйствительно, мы не разбирали; ну а теперь запрещено допускать, потому что оно все-таки оскверненіе мѣста пристойнаго. Тутъ душеспасительно, тихо, а они накомъ... пѣсни!

Служка покачалъ укоризненно головой, какъ бы осуждая мірскія слабости, и строгіе вдумчивые глаза его долго еще провожали насъ, пока мы совсѣмъ не скрылись за извилинами тропинки.

Укромный уголокъ долго еще посылалъ намъ свой прощальный привѣтъ, кивая тихо своей таинственной листвою.

Свято-Троицкая обитель сама по себѣ уже не внушаетъ, какъ ея сосѣдка, того художественнаго очарованія по своему мѣстоположенію. Запимаемая ею возвышенность мало задрапирована растительностью, хотя монастырскій садъ, богатый фруктовыми породами, украшаетъ значительно общій ея видъ. Это общежительный мужской монастырь, въ которомъ насчитывается до 400 человѣкъ братіи. По своему основанію онъ принадлежитъ уже къ новѣйшей эпохѣ. Утвержденіе монастыря послѣдовало 6 апрѣля 1866 г. въ царствованіе блаженной памяти Царя-Освободителя Александра II.

При входѣ въ сравнительно небольшой, монастырскій дворъ васъ пріятно поражаетъ симметричное размѣщеніе зданій и церквей. Бѣлая окраска ихъ и ярко-зеленныя крыши съ куполами выгодно выдѣляются на фонѣ неба, привлекая своею внѣшностью. Сюда приходятъ вѣрующіе не только за молитвой, но за духовнымъ совѣтомъ къ маститому настоятелю обители, высокопочитаемому отцу Іонѣ. Одаренный благодатью познанія человѣческихъ страстей и недуговъ, онъ является истиннымъ врачомъ для прибѣгающихъ къ нему разслабленныхъ душою, разбитыхъ житейскими бурями... Народная молва приписываетъ ему духъ особой прозорливости и предвидѣнія. По крайней мѣрѣ, на югѣ имя о. Іоны пользуется почти такой же извѣстностью, какъ имя настоятеля кропштадтскаго собора.

Основнымъ моимъ намѣреніемъ было желаніе получить доступъ къ этому свѣточу современнаго христіанства. Быть можетъ, откровенная бесѣда со старцемъ могла бы мнѣ разобраться въ одолѣвающихъ меня духовныхъ вопросахъ, уяснила глубже и непоколебимѣе требованія истинной жизни, предстоящей передъ пугливымъ разумомъ во всей своей беспощадной наготѣ.

Но мнѣ не суждено было встрѣтиться съ провидцемъ. Облегчительныя слова его не коснулись ранъ моей наболѣвшей души.

Мнѣ сказали, что настоятель занемогъ и никого не прививаетъ. Это извѣстіе опечалило не одного меня. У калитки гостиницы стояли двѣ какихъ-то дамы и блѣд-нолицая золотушная дѣвушка. Онѣ, вѣроятно, пришли съ тѣмъ же желаніемъ, съ какимъ и я.

Вѣсть о болѣзни о. Іоны особенно чутко отразилась на дѣвущкѣ. Я видѣлъ, въ ея глазахъ стояли слезы. Она держала въ рукахъ платокъ съ визитной карточкой... Губы ея нервно вздрагивали. Я слышалъ шепотъ одной изъ дамъ:

— Ну что дѣлать, мой дружокъ! Что дѣлать! Пойдемъ домой.

Но дѣвушка не уходила. Влажные, крупные глаза ея съ неугасающей надеждой были обращены въ ту сторону, гдѣ предполагалось жилище о. Іоны.

— У меня здѣсь есть знакомый іеромонахъ, — сказала художникъ.—Пройдемте къ нему.

— Что же мы тамъ будемъ дѣлать?

— А видите ли, здѣсь долженъ былъ работать одинъ мой пріятель, нѣкто архитекторъ Г. Ему поручено было составить проектъ достройки одной изъ монастырскихъ церквей. И мнѣ предстояла здѣсь кой-какая работишка по иконописи и вообще реставраціи. Теперь это дѣло не склеилось. Работы, кажется, поручены другому. Такъ вотъ хотѣлось бы узнать о причинахъ такого измѣненія. Этотъ самый іеромонахъ тогда условливался съ моимъ пріятелемъ о ходѣ работъ. Только я забылъ его имя. Ихъ тогда было двое—и второго не помню какъ зовутъ.

Я пожурилъ художника за безпамятность. Имѣть возможность заработать и не знать имени человѣка, отъ котораго зависѣлъ этотъ заработокъ. Чисто артистическая разсѣянность!

— Оба они экономы, кажется,—вспомнилъ художникъ.

Стали попутно расспрашивать о мѣстонахожденіи отцовъ экономовъ. Мальчикъ-канонархъ указалъ намъ небольшой свѣтленькій домикъ. Онъ спросилъ:

— Вамъ котораго изъ нихъ о. Гервасія или о. Смарагда? Такъ вотъ о. Смарагдъ въ этомъ домикѣ. Тамъ и келья у него. Только теперь они правила читають. Придется пообожждать.

Сѣли на лавочку у домика — ждемъ. Въ открытое окно слышны говорящіе голоса. На пригоркѣ, наискось отъ насъ, монастырская колокольня, деревянная въ прежнемъ стилѣ. Веревка отъ металлическаго языка большого колокола болтается тихо, колеблемая вѣтеркомъ. По двору бродятъ по одиночкѣ и группами богомольцы.

— О. Смарагда поджидаете, господа?—раздался надъ нами голосъ баритоннаго отгѣнка.—Онъ не скоро освободится. А какое дѣло у васъ? Скажите мнѣ — это все равно.

Но такъ какъ, говоря по правдѣ, дѣла особеннаго у насъ не было — мы смутились. Впрочемъ, художникъ сейчасъ же оправился.

— Вы меня не узнаете?—бодро спросилъ НІ.

— Какъ же! Какъ же! Милости просимъ. Давненько васъ не видѣлъ.

Я отрекомедовался и въ сторонѣ,—пока они заняты были воспоминаніями первой своей встрѣчи,—разглядывалъ инока. Дѣловитой энергіей свѣтились его ласкающіе, умные глаза. Съ темнокаштановой бородой, статный, онъ говорилъ:

— Чѣмъ бы дожидаться, господа, вы бы кого-нибудь попросили меня вызвать...

Художникъ конфузливо извинился:

— Простите... Но я забылъ ваше имя.

— Иеромонахъ Гервасій... — привѣтливо улыбнулся онъ. — Ну, да не мудрено! Вы всего два раза меня видѣли. Такъ вотъ ежели вы любопытствуете касательно проекта, такъ пройдемте со мной. Здѣсь вышло маленькое недоразумѣніе. О. игумень почему-то передали пристройку храма академику Н. А вашъ пріятель также,

кажется, хороши́й строитель? И его знаю по другимъ работамъ.

— Да, онъ мастеръ своего дѣла.

— Я покажу вамъ чертежи по проекту г. Н. Хорошо составлено!

Онъ повелъ насъ за собой, свободно шагая, по хозяйски. Мы поравнялись съ корпусомъ-особнякомъ, что бѣлѣлъ противъ гостиницы. Въ немъ находилась приемная келья настоятеля.

— Пожалуйте.....—пропустилъ насъ впередъ о. Гервасій.

Опять передо мной сверкнули крупные плачущіе глаза... Блѣднолицая дѣвушка проводила насъ взоромъ досадливой зависти.

— Думаетъ, что мы по особой протекціи о. Гервасія идемъ къ настоятелю... — указавъ глазами на дѣвушку, шепнулъ мнѣ Ш.

Я пожалъ плечами.

Она, между тѣмъ, продолжала стоять на томъ же мѣстѣ съ выжидательнымъ унорствомъ.

Сверху повѣяло на насъ аппетитно свѣже-испеченнымъ хлѣбомъ. Въ проходной комнатѣ мы обошли корзины, нагруженные имъ до краевъ. Вѣроятно, это предназначалось къ вечерней трапезѣ.

О. Гервасій ввелъ насъ въ длинную стеклянную веранду, распахнулъ окно и пододвинулъ простые крѣпко сколоченные стулья. Онъ коротко сказалъ:

— Прошу.

Взорамъ снова открылся съ веранды утопающій въ волнистыхъ переливахъ листвы Выдубецкій монастырь, лазурная полоса Днѣпра; за нимъ меркли и тускнѣли краски уходящаго дня.

Изнутри зданія два или три окна выходили на веранду. Въ нихъ была видна внутренность низкаго, темноватаго покоя, съ поясными портретами іерарховъ на стѣнахъ и громоздкой старинной мебелью посредниѣ.

Сумерки уже закрались въ его углы и онъ казался необитаемымъ.

— Здѣсь, иногда, о. Иона принимаетъ желающихъ его видѣть,—сказалъ монахъ.

— А всѣхъ ли онъ принимаетъ?—спросилъ я.

— Какъ ему заохотится. Теперь не всѣхъ. Лѣтами сталъ преклопенъ, хотя въ обители о всемъ печется самолично. Долгія бесѣды его утомляютъ, а приходящихъ много. Вотъ видѣли крестьянокъ и двухъ барынь съ дѣвницей? Да? Такъ вѣдь съ утра ранняго ждуть... Не вѣрятъ, что онъ боленъ. Подите же! Его, вѣдь, почитаютъ какъ-бы за пророка...

— На самомъ ли дѣлѣ онъ такъ прозорливъ, о. Гервасій?

— Есть и это... А больше по молитвѣ.

Въ объясненіи развернутыхъ передъ нами, на подоконникѣ, чертежей о. Гервасій выказалъ недюжинныя техническія дарованія. Онъ математически высчиталъ, сколько потребуется рабочей силы и матеріала для предстоящихъ работъ. Не надо было смѣты—все ясно опредѣлилось: размѣры фундамента, цоколя, стѣнъ... Во всѣ мелочи постройки, со стороны ея хозяйственности, онъ былъ основательно посвященъ. Званіе эконома досталось ему по заслугамъ.

— Теперь, если пожелаете, осмотрите самый храмъ и мѣсто постройки. А тамъ и чайку въ пору испить.

Отъ чаю мы отказались и занялись осмотромъ храма. Онъ, по моему, былъ слишкомъ приближенъ къ на-дворнымъ постройкамъ. Это значительно скрадывало его величавость. Два боковые крыла храма, по новому проекту, должны быть удлинены. Предполагается выборка части существующихъ стѣнъ главнаго корпуса храма и соединеніе ихъ, съ удлиненными уже крыльями, сводчатыми арками. Въ этой, именуемой верхней, церкви имѣется три престола: лѣвый во имя Богоматери Взысканіе погибшихъ, правый — Присно-

дѣвы Троеручицы, а средній — во имя Св. Троицы. Достройка храма, главнымъ образомъ, и направлена къ тому, чтобы увеличить вмѣстимость придѣловъ и двухъ ризницъ. Ниже вторая церковь также во имя св. Троицы и въ отличіе отъ первой зовется малою или нижнею.

Надъ заперитворными дверями, внутри верхней церкви св. Троицы, наше вниманіе приковала пастѣпная живопись. Она не претендовала на письмо высокой кисти, но поражала своей аллегорической идеей. По сторонамъ картины, въ сгущенныхъ краскахъ, были изображены святые угодники и грѣшники. Между ними, посрединѣ, находилась Богоматерь, окруженная взлетающими голубями. Грѣшники разрываютъ руками голубей, при чемъ одинъ изъ нихъ поверженъ и извергаетъ пламя изъ усть.

Монахъ-свѣчникъ истолковалъ значеніе картины такъ: голуби—это души. У псалмопѣвца Давида не разъ встрѣчается такая метафора. Грѣхами человекъ разрываетъ свою душу. Но очищаясь, въ послѣдствіи, огнемъ раскаенія передъ всепрощающей Владычицей, онъ получаетъ душу обновенную Ея милосердіемъ. Въ заключеніе свѣчникъ добавилъ, что замыселъ художника не выполненъ и картина неокончена.

Въ Святотроицкой обители наблюдается несравненно болѣе дѣятельности и движенія, чѣмъ въ Выдубецкомъ монастырѣ. Она намъ показалась даже зажиточнѣе послѣдняго, когда мы посѣтили, въ полуверстѣ отъ нея, обширную монастырскую пасѣку. Свыше семисотъ ульевъ, уставленныхъ на открытой площади, огороженной жердевымъ перекладникомъ, даютъ монастырскому свѣчпому заводу ежегодно массу воска. Выдѣлываемыя изъ него церковныя свѣчи исключительно расходуются самой обителью, безъ вывоза на сторону. Сбытъ, и то въ ограниченной мѣрѣ, получаетъ только медъ. Для пчело-вода-любителя полезно побывать на Святотроицкой па-

сѣкъ хотя-бы для того, чтобы усвоить новѣйшій уходъ за пчелами, конструкцію самыхъ ульевъ и высшую культуру привадки пчелиныхъ роевъ. Издревле православные монастыри славились, какъ искусные пчеловоды и, пожалуй, до сихъ поръ они являются достойными образцами въ этомъ смыслѣ.

Сумерочно становилось... Изъ-за далекихъ холмовъ багрянымъ кругомъ глядѣлось вечернее солнце. Еще нѣсколько минутъ и темноглубая южная ночь обниметъ землю. Въ окна храма пробивались прощальные лучи. Они позолотили пылинки, бѣгущія навстрѣчу послѣднимъ огнямъ умирающаго дня. Два-три огнистыхъ мазка задѣли лики святыхъ въ иконостасѣ, изъ липы и сосны, фарнированномъ по базикамъ и капителямъ орѣхомъ.

Въ куполѣ еще бился и трепеталъ послѣдній свѣтъ...

— Пора!—сказалъ художникъ.

Мы разстались съ о. Гервасіемъ.

Ночь замѣтно близилась... Чтобы засвѣтло добраться до города, надо было искать кратчайшей дороги. За часовенькой, съ престарѣлымъ маптейнымъ инокомъ, находились выходные ворота подъ иконой Богоматери въ деревянной остекленной рамѣ. Онѣ выводили на бугроватую поляну, лежащую за монастырской стѣной. Отсюда, пламенѣющія закатомъ придиѣпровскія высоты, закрывали кудрявымъ пологомъ дремлющихъ деревьевъ отдаленныя точки горизонта. Лавра едва-едва виднѣлась однимъ своимъ фасомъ, очерченная линіями нагорныхъ кустарниковъ. Но ея горячіе подъ закатомъ купола служили намъ путеводными звѣздами.

Пустынная поляна завершилась узкимъ Троицкимъ проходомъ. Сразу, какъ-то, она оборвалась и погрузила насъ въ зелень дикаго винограда, барвинки и боярышника. Оттуда, на встрѣчу, звучалъ невидимый хоръ музыкальныхъ стрекозъ и щелкуновъ-кузнечиковъ.

Дорожная пыль поулеглась, было слышно бляеніе стадъ, грохотъ запоздалой телѣги... Но стѣны нашего грота— дороги были непроницаемы и только слухъ отмѣчалъ движеніе и звуки вечера.

Постепенно закругляясь, гротъ порѣдѣлъ, сталъ шириться, открывая жалкія мазанки, колодезные очены, свороченный на бокъ улей...

Мы на спускъ между „Звѣринцемъ“ и мѣстностью, называемою „Землянкой“.

Но какой это спускъ!

„Землянка“ вся повита садами... Бѣгущая внизъ змѣей, чуть примѣтная тропа исчезаетъ въ долину, прячется на бѣгу за каменистые отвалы горъ... На крайней вершинѣ одной изъ нихъ выступаетъ силуэтъ чело-вѣка. Озаренный вечернимъ блескомъ догорающаго солнца онъ кажется титаномъ, пришедшимъ низринуть эти горныя громады въ долину, забросать ими звонко журчащій на днѣ ея кристальный ручей.

Чудовищныя тѣни наползаютъ, жмутся къ оголен-нымъ выступамъ полусонныхъ ущелій... Борьба мрака, и свѣта оживляетъ неподвижные горныя массивы.

Подъ однимъ изъ нихъ съ звонкимъ лепетомъ струится холодный родникъ. Онъ собираетъ свои прозрач-ныя чистыя капли въ каменный колодезь у края тропинки.

Смертельно хочется пить. Подходимъ къ колодцу. Баба-водоноски съ кривымъ коромысломъ нетерпѣливо накрепко намъ переполненное влагой ведро. Ей некогда. Съ поля вернулись коровы и ждуть питье.

— На здоровичко!—бросаетъ небрежно она утолив-шему жажду художнику и безъ труда взбѣгаетъ по горной дорожкѣ.

А ночныя тѣни уже встали на стражѣ. Долина затягивается туманными испареніями. Точно призрачныя пелены свиваются онѣ надъ нею, легкими затѣйливыми клубами, растутъ и стелются низко, низко...

Какъ дѣти, полные игриваго счастья, стремительно проносимся тропинкою внизъ, перескакиваемъ ручей долины и взбираемся по глинистой насыпи на шоссе.

Нагоняемъ отсталыхъ богомольцевъ. Устало бредутъ они и удивлены тѣмъ, что мы ихъ опередили, хотя позже нихъ оставили Свято-Троицкую обитель. Раздались обоюдныя привѣтствія:

— Бувайте здоровеньки!

— А и шпаркія ноги у господъ!

— Нехай васъ Богъ милуетъ!

Лица у всѣхъ загорѣли, но смотрять на васъ доброжелательно. Обгоняемъ ихъ, торопясь на мигающіе впереди огоньки.

Скоро городъ...

IV.

По расписанію пароходныхъ сообщеній значилось, что въ 8 часовъ утра съ Кіевской пристани отбываетъ ежедневно на Черниговъ одинъ изъ пароходовъ 1-го или 2-го „Общества пароходства по Днѣпру и его притокамъ“. Это же самое расписаніе опубликовано въ мѣстныхъ газетахъ.

Чтобы попасть изъ Кіева къ Николѣ-Пустынному, или какъ приято называть въ Николаевскую пустынь, слѣдуетъ воспользоваться однимъ изъ такихъ пароходовъ. Принимая пассажировъ и паломниковъ ѣдущихъ въ Черниговъ на поклоненіе недавно объявленныхъ мощей святителя Θεодосія Углицкаго, пароходъ высаживаетъ желающихъ у Николаевской пустыни. Она приходится первой порѣчной станціей въ направленіи къ Чернигову, и отстоитъ отъ Кіева въ 25 верстахъ рѣчнаго пути. Изъ пустыни, по тому же расписанію, можно возвратиться въ городъ съ отходящимъ оттуда въ 5 ч. пароходомъ, по обратному рейсу Черниговъ—Кіевъ.

День начался обычной юньской теплотою. Погода увлекательна, воздухъ укрѣпляетъ легкія и живительно возбуждаетъ мысль.

На пристани невообразимая суматоха. Пассажиры, богомольцы, французское семейство какихъ-то туристовъ съ биноклями, газетчики, еврей, торговли фруктовъ, папиросники... Мостовая набережной уставлена грузомъ изъ мѣшковъ соли, бочекъ и зашитыхъ рогожныхъ кулей.

Пробираемся сквозь всѣ эти неизбежныя препятствія на палубу парохода „Некрасовъ“. Опъ о двухъ колесахъ и сооруженъ на судостроительной верфи нѣкоего Густава Фехтера въ Кенигсбергѣ. Третій классъ почему-то весь крытый съ небольшими прорѣзами у колесныхъ кожуховъ и переполненъ пассажирами. Единственная площадка наверху возлѣ капитанской рубки тоже занята. Но все-таки отсюда, подъ открытымъ небомъ, легче взорамъ и дышется вольнѣе. Мысленно я сострадалъ тѣмъ жертвамъ пароходныхъ порядковъ, которыя обречены были, задѣланныя въ деревянные борта парохода, претерпѣвать муки медленнаго горѣнія.

А тамъ, внизу, сидѣлъ вѣдь тотъ самый сѣрый пассажиръ, большинству котораго пароходное общество было обязано своими оборотами. Почему бы не дать имъ судно съ открытой палубой?

Три четверти восьмага, восемь, а отходнаго свистка все еще нѣтъ. Пассажиры прибываютъ, становится очень тѣсно. Наконецъ тралъ убранъ, канаты на кормѣ, подобрали тралъ и мы грузно отваливаемъ.

На часахъ ровно половина девятаго.

По мѣрѣ движенія парохода, на линіи набережной вытягиваются хлѣбные амбары, дровяные склады, лавчонки бакалейщиковъ и прямая улицы Подола. Идемъ вверхъ по теченію. На насъ смотритъ съ вышки Крещатикской горы памятникъ св. Равноапостольнаго Князя Владиміра. Пароходъ углубляется въ сторону противо-

положную городу. Понемногу зданія стали принимать однообразную форму и какъ бы уходить назадъ.

Днѣпръ былъ спокоенъ. Алѣющее утро не тревожило его бирюзово-стальной глади. Оно смотрѣлось въ нее какъ въ зеркало. Я люблю воду. Невѣдомый стихійный просторъ сказывается въ этой спокойной на видъ поверхности, но коварной своимъ наружнымъ спокойствіемъ. Есть что-то притягательное въ ея загадочной глубинѣ.

Голубоватые облики утра уже подернули слегка кievскія высоты. Уже исчезла точность контуровъ отдѣльныхъ вершинъ... Въ утреннемъ маревѣ оставались только видимыми пылающія жаромъ позолоты главы лаврской обители.

Пароходъ все время лавируетъ. Сдѣлавъ крутой поворотъ, онъ пошелъ между пологими берегами Десны, взявъ вправо отъ старика Днѣпра, оставляя на правомъ его берегу одинокую межигорскую возвышенность со Спасо-преображенскимъ мужскимъ монастыремъ.

Еще верстъ десять по водѣ и па Черниговской низменности, причудливо устланной голубыми лентами рѣкъ и темнозелеными полосами лѣсовъ, среди красивой группировки деревъ, выдѣлилась блѣдно-желтая церковь Николаевской Пустыни. Въ прихотливомъ сочетаніи лѣса, воды и луговъ, храмъ долго мелькаетъ передъ пассажирами, появляясь съ разныхъ сторонъ, примѣнительно изгибамъ русла Десны.

— Стопъ!—раздается команда и мы пристаемъ къ правому берегу рѣки.

Публика разбрелась по берегу въ поискахъ за тѣнью, потому что сильно нарило. Ожидалась гроза. Густой вереницей потянулись паломники къ церкви, гдѣ благовѣстъ возвѣщалъ уже о началѣ обѣдни.

Мы пробыли въ пустынь трое сутокъ. Такъ какъ во всѣмъ странствующимъ по св. мѣстамъ хорошо знакома Николаевская пустынь и многіе изъ паломниковъ, со-

вершено не зная объ ея существованіи, проѣзжаютъ ее безъ вниманія, отправляясь въ Черниговъ на поклоненіе мощамъ святителя Θεодосія, то я считаю необходимымъ остановиться подробнѣе на ея описаніи.

Мѣстность Пустыннаго Николая заключена между рѣками Десной и Днѣпромъ, на правомъ берегу первой, не вдалекѣ отъ ея впаденія въ Днѣпръ, въ Черниговской губерніи, Остерскомъ уѣздѣ. Самый храмъ, съ прилегающими къ нему постройками, расположенъ на площадкѣ возвышенности, имѣющей 9 арш. высоты отъ лѣтняго уровня воды. Площадка эта съ наклономъ къ сѣверу, суживается на западѣ и небольшимъ гребнемъ тянется до самаго берега Десны. Здѣсь, значительно расширяясь, она образуетъ поляну, на которой находится часовня съ образомъ св. Николая. Къ этому мѣсту, обыкновенно, и пристають пароходы. Отсюда высадившіеся пассажиры идутъ пѣшкомъ до самаго храма, проходя такимъ образомъ около версты разстоянія. За небольшой рощей, отдѣляющей храмъ отъ прибережной часовни, путники вступаютъ въ самую Николаевскую пустынь, съ западной ея стороны.

Здѣсь, прежде всего, бросается въ глаза двухъэтажный, каменный домъ. Это Пустынно-Николаевская гостинница, располагающая нѣсколькими прилично обставленными номерами, чайной и столовой. Отъ нея, направо, по единственной широкой улицѣ пассажиры достигаютъ церковной ограды, засаженной часто деревьями и вдобавокъ окруженной густымъ садомъ, принадлежащимъ къ квартирѣ настоятеля. Ограда церковная не велика. Непосредственно за ней начинается спускъ къ церковному озеру, по ту сторону котораго виднѣются храмы сосѣднихъ селъ. Съ западной стороны, на фонѣ горизонта выступаетъ Межигорье или Вышгородъ, съ его капризно изогнутыми абрисами горъ, изъ-за которыхъ, въ рамкѣ зелени, выглядываютъ купола Спасо-преображенскаго монастыря. На сѣверѣ отъ пустыни за

живописными песчаными холмами, усѣянными вѣчно зеленѣющими соснами, начинается сплошной сосновый лѣсъ, тянущійся на цѣлыя десятки верстъ вверхъ по Днѣпру и Деснѣ.

Въ весеннее время пустынь совершенно отрѣзывается отъ материка и становится мѣсяца на два, на три въ полномъ смыслѣ островомъ. Тогда доступъ къ ней возможенъ только водой. Среди лѣта картина измѣняется. Густая зелень ревниво скрываетъ въ бархатѣ листовъ большія части зданій, обнажая наблюдателю только ихъ уголки. Море листвы, волнуясь съ привѣтливымъ шелестомъ, даетъ такое изобиліе тѣни, влаги и простора, что не хватаетъ рѣшимости покинуть это благодатное убѣжище. По общему приговору знатоковъ и цѣнителей природы, Николаевская пустынь — такой счастливый пріютъ, который можетъ смѣло состязаться съ самыми выдающимися по красотѣ мѣстами.

Древность мѣстоположенія Пустынного Николая несомнѣнна. При изслѣдованіи грунта въ глубину оказалось, что земля состоитъ изъ смѣси битаго стекла, кирпича, различныхъ черепковъ отъ глиняной посуды, угля и перегной разныхъ органическихъ веществъ. Жизнь человѣческая, въ глубокой древности, кипѣла на этомъ мѣстѣ со всею силою, если успѣла накопить такую массу остатковъ своей дѣятельности. Изслѣдуя графическія линіи мѣстности, можно замѣтить, что нѣкогда она была обнесена рвомъ и валомъ и носила иной характеръ, чѣмъ теперь. Прибоями воды въ половодье она много урѣзана съ востока и юга. Эти-то урѣзки и сдѣлали ее продолговатою, а ранѣе она, очевидно, была круглая. Наводненія открывали и теперь открываютъ, по покатостямъ, человѣческіе скелеты и гробы древней формы. Если отъ открытыхъ могилъ проводить горизонтальную линію вглубь возвышенности, то она окажется на глубинѣ болѣе 2 арш. По этимъ скелетамъ безошибочно можно установить, какой слой былъ снятъ водою

и на какомъ протяженіи. Вѣроятно, самый центръ древней жизни находился на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣшній храмъ, такъ какъ здѣсь болѣе всего изрыта земля и глубже пластъ перегноя.

Зданія древняго Пустынно-Николаевского святилища были деревянныя. Ихъ помнятъ старожилы, по онѣ всѣ погибли въ пожарѣ 1870 г. Были ли въ древности здѣсь каменныя строенія, нельзя рѣшить утвердительно. Остатковъ кирпичныхъ фундаментовъ нигдѣ не обнаружено, хотя часто, при съемкѣ земли встрѣчались кирпичи стараго формата. Достовернѣе то, что монастырь былъ когда-то деревянный, обнесенный деревянною оградой. Не подлежитъ сомнѣнію также, что онъ былъ закрытъ при Екатеринѣ II-й въ 1786 году, но когда онъ основанъ и сколько лѣтъ просуществовалъ до переименованія его въ пустынь, — безспорныхъ данныхъ не имѣется.

Теперь къ храму приписана небольшая деревня и образованъ приходъ. О томъ, что въ давнее время пустынь носила названіе Задесенскаго Пустынно-Николаевского монастыря, сохранились архивныя свидѣтельства. На листахъ цвѣтной тріоди, принадлежащей нынѣшней церкви, значится такая надпись: „Сія тріодъ куплена пречестнымъ о. іеромонахомъ Сильверстомъ Миклашевичемъ, бывшимъ на тотъ часъ начальникомъ въ обители Кіево-Софійскаго каѳедральнаго Свято-Николаевского, Пустынно-Задесенскаго Скитка за свои собственныя деньги, року 1764“.

Такая же надпись и на тріоди постной. На листахъ четьи-миней за весь годъ (первый выпускъ, Москва, 1759 г.), на каждой изъ четырехъ книгъ слѣдующая надпись:

„Изъ числа книгъ Кіево-Пустынно-Николаевского монастыря намѣстника іеромонаха Евфимія 1764 г. я дарю книгу яко собственную свою въ тотъ монастырь Кіево-Пустынно-Николаевскій, въ трапезу для прочтанія бра-

ти для полезныхъ трудившихся святыхъ угодниковъ Божіихъ воспоминать въ вѣчность отдаю. 1782 г. Февр.“

Подобныя падписи доказываютъ, что бывшій Пустынно-Николаевскій монастырь и Кіево-Софійскій были соединены какой-то особенной связью и вѣроятіе всего то, что Пустынно-Николаевскій монастырь былъ приписнымъ къ Кіево-Софійскому монастырю, отъ него во всемъ зависѣлъ и отъ него же получалъ настоятелей для управленія. Этой зависимостью можно объяснить то обстоятельство, что въ настоящемъ Софійскомъ соборѣ есть и теперь еще вещи, принадлежащія Пустынно-Николаевскому монастырю, какъ, напр., большое евангеліе въ серебряномъ окладѣ, припесенное въ даръ Николаевскому монастырю княземъ М. Ромодановскимъ.

Все это наводитъ на заключеніе, что Николаевская пустынь и приходъ образовались послѣ пожара бывшаго монастыря и закрытія послѣдняго.

Извѣстность Пустыннаго-Никола, какъ выражается простонародье, довольно почтенна по своей давности. Въ XVIII столѣтіи о немъ знали уже москвитяне, что подтверждается подаркомъ князя М. Ромодановскаго евангелія въ 1689 году. Не менѣе прославленный сподвижникъ Петра I фельдмаршалъ Шереметьевъ, въ своемъ завѣщаніи, жертвуетъ 30 червонцевъ на монастырь. Если о мѣстѣ знали столь далеко и такіе высокопоставленные сановники, то по всему вѣроятію монастырь былъ и тогда извѣстенъ православнои Россіи, какъ пунктъ особенно почитаемый.

Въ акафистникѣ св. Николаю, въ повѣствованіи чуда объ утопвшемъ младенцѣ говорится, что въ 1092 году пѣкая богомольная чета съ ребенкомъ отправилась въ лодкѣ къ Вышгороду, на поклоненіе тамъ св. мощамъ Бориса и Глѣба и святителю Николаю. На обратномъ пути въ Кіевъ они потерпѣли бѣдствие: жена, задремавъ, уронила въ воду младенца и онъ утонулъ. Горе родителей было невыразимо. Но впоследствии ребенокъ былъ

найденъ живымъ и невредимымъ въ Софійскомъ храмѣ передъ образомъ св. Николая.

Надо предположить, что ѣздивши на поклоненіе къ Борису и Глѣбу и св. Николаю, убитые горемъ родители у этого самого св. Николая, которому только-что поклонялись, просили и помощи въ своемъ несчастіи. Такое предположеніе болѣе всего отвѣчаетъ тому обстоятельству, что утопшій младенецъ найденъ живымъ именно передъ образомъ святителя Николая, а не передъ другой какой-либо иконой или мощами угодниковъ. Неоспоримо, что помощь пострадавшимъ родителямъ оказана святителемъ Николаемъ въ силу молитвы пострадавшихъ. Но здѣсь напрашивается вопросъ: кдѣ же именно, въ какомъ храмѣ родители утопшаго младенца поклонялись святителю Николаю?

Я привожу ниже соображенія потому, что ими уясняется чудотворная сила образа св. Николая и его принадлежность къ Пустынно-Николаевской церкви. Всему христіанскому міру извѣстно, что древній Вышгородскій храмъ заключалъ въ себѣ мощи Бориса и Глѣба, но также всему міру извѣстно и то, что мощей святителя Николая въ Россіи никогда не было. Слѣдовательно, родители такъ чудесно спасеннаго младенца могли поклоняться св. Николаю не иначе, какъ въ лицѣ его образа и при томъ такого образа, который былъ прославленъ чѣмъ-нибудь выходящимъ изъ ряду. Всегда въ православномъ быту велся обычай особенно чтимое мѣсто поклоненія называть именемъ того лица, которое служило причиной прославленія. Такъ, напр., поклонники св. Кіево-Печерской лавры говорятъ, что они прибыли поклониться Успенію Матери Божіей; поклонники Троице-Сергіевой лавры—преп. Сергію. Всегда значеніе храму придаетъ преобладающая въ немъ святыня. Безусловно, во всякомъ храмѣ есть много образовъ разныхъ святыхъ, а иногда и мощей, какъ именно

въ Кіевской лаврѣ, но преобладающей святыней лавры, все-таки, является образъ Успенія Богоматери.

Теперь вполнѣ объяснимо, почему родители утопшаго младенца ѣздили въ Вышгородъ: тамъ были мощи Бориса и Глѣба, но никакія древнія сказанія не говорятъ, чтобы въ Вышгородскомъ храмѣ былъ когда-нибудь чудотворный или явленный образъ св. Николая. Необходимо, стало быть, убѣдиться въ томъ, что огорченные родители, кромѣ Вышгорода, были еще въ такомъ храмѣ, гдѣ находился чудотворный или вообще прославленный образъ св. Николая. Такой храмъ слѣдуетъ искать непременно въ близкомъ разстояніи отъ Вышгорода и при такихъ условіяхъ мѣстности, куда можно было ѣхать въ лодкѣ. Такимъ именно условіямъ мѣстность Пустыннаго Николая соотвѣтствовала положительнымъ образомъ. Какъ до Вышгорода, такъ и до Пустыннаго Николая сообщеніе водой открыто круглый годъ, кромѣ зимняго сезона, когда рѣки скованы льдомъ. Разница здѣсь замѣчается только въ томъ, что до Вышгорода вплоть нужно плыть Днѣпромъ, а до Пустыннаго Николая—Днѣпромъ только 9 верстъ и, затѣмъ, свернувъ въ Десну, пройти рѣкой остальную часть пути. Такой способъ сообщенія существуетъ и теперь, какъ существовалъ въ былыя времена! До Пустыннаго Николая, и въ наши дни, многіе изъ Кіева лодками приѣзжаютъ или по дорогѣ въ Вышгородъ или же обратно. Принявши все это во вниманіе, нельзя не допустить возможности, что пострадавшая чета въ Вышгородѣ поклонилась Борису и Глѣбу, а у Пустынно-Николаевскаго монастыря св. Николаю, куда она свернула по пути изъ Вышгорода.

Подъ свѣжими впечатлѣніями недавней молитвы, которую изливали эти благочестивые люди предъ образомъ св. Николая, изливали навѣрное и о счастья своего младенца, которому готовилась въ близкомъ буду-

щемъ такая печальная участь, естественно было этой благословенной четѣ просить о спасеніи дитяти у того же угодника. Здѣсь, надъ глубиной рѣки, у свѣжей дѣтской могилы молитва подогрѣтая горемъ была вѣроятно очень горяча, такъ что вызвала сверхъестественную помощь своей могучей силой.

И младенецъ немощный еще и слабый, волею св. Николая опередилъ своихъ родителей и ранѣе ихъ прихода явился передъ образомъ того святого, къ которому они взывали о помощи.

До пожара монастырскаго храма, на воротахъ бывшей обители неизмѣнно находилось изображеніе описаннаго событія. Картина, по словамъ стариковъ-очевидцевъ, представляла изображеніе ѣдущихъ въ лодкѣ мужчины съ весломъ и женщины съ младенцемъ на рукахъ. Но пожаръ не пощадилъ картины вмѣстѣ съ храмомъ и древними его постройками. Остался невредимымъ только образъ святителя, несмотря на изумительную свирѣпость огня, уничтожившаго и превратившаго все въ пепель въ теченіе получаса.

Если за восемь почти столѣтій отъ насъ люди молились предъ чудотворнымъ образомъ св. Пустыннаго Николая, стало быть онъ имѣетъ за собой самую почетную древность. Знатокъ древняго иконописанія опредѣлили, что образъ исполненъ греческимъ живописцемъ еще до начала XII вѣка. Различныя превратности въ теченіе многихъ вѣковъ, накопляясь съ неумолимой послѣдовательностью, уничтожили всѣ данныя, по которымъ можно было бы читать минувшую исторію образа, узнать какое чудо прославило его и сколько лѣтъ онъ существовалъ на этомъ мѣстѣ.

Но темны и безмолвны хартіи древнихъ сказаній.. Многое изъ нихъ утрачено безвозвратно историческими судьбами, многое не отыскано, неясно.. Писался-ли этотъ образъ въ Россіи или вывезенъ изъ Греціи? Сгорѣвшая въ 1870 г. церковная лѣтопись, говорятъ, хра-

пила преданіе о томъ, что образъ вывезенъ св. Ольгой, вскорѣ послѣ ея крещенія.

Итакъ, кто же собственно былъ основателемъ сперва Пустынно-Николаевского монастыря, а нынѣ приходской церкви черниговской епархіи? Лѣтописи не даютъ точныхъ и прямыхъ указаній. Попытаемся ориентироваться тѣми данными, которыя у насъ подъ руками.

Въ старинномъ синодикѣ, хранящемся и нынѣ при церкви, въ числѣ именъ русскихъ князей, мы находимъ слѣдующую запись: „О упокоеніи благовѣрнаго князя Ярослава, во святѣмъ крещеніи Георгія и супруги его княгини Анны и чадъ ихъ Изяслава и Всеволода создателей св. обители сея“.

Если этотъ синодикъ составляетъ принадлежность Пустынно-Николаевского монастыря, то, слѣдовательно, монастырь основанъ или самимъ Ярославомъ Мудрымъ, или же дѣтьми его: Изяславомъ и Всеволодомъ, но при жизни отца и матери, иначе нѣтъ основанія упоминать Ярослава и жену его въ числѣ создателей обители, разъ они не принимали участія въ такомъ созданіи и были уже мертвы.

Это указаніе заставляетъ признать за фактъ, что Пустынно-Николаевскій монастырь основанъ Ярославомъ при содѣйствіи его жены и двухъ сыновей: Изяслава и Всеволода. Основаніе обители, значить, нужно относить ранѣе смерти Ярослава, т. е. до 1054 г., а именно къ тому благопріятному времени, когда, по выраженію лѣтописца Нестора: *) „нача вѣра христьянска плодитися и раширятися, и черпорицьци почаша множитися, и монастыревѣ починаху быти“. Далѣе у того же лѣтописца читаемъ:

„Убіенъ бысть князь Изяславъ мѣсяца Октомврія въ 3 день, и вземше тѣло его, привезоша и въ ладьи и поставиша противу городцю, изиде противу ему весь

*) Лѣтопись ир. Нестора. По книгѣ Басистова.

городъ Кіевъ и возложивше тѣло его на сани повозоша и спѣсними попове и черноризьци понесоша и въ градъ“.

Гдѣ же этотъ историческій городокъ, противъ котораго остановилась лодка съ тѣломъ князя Изяслава? Въ спора, что тѣло великаго князя, убитаго въ войнѣ съ черниговскими князьями въ 1078 г. везли въ Кіевъ по рѣкѣ Деснѣ, такъ какъ это единственный водный путь между Кіевомъ и Черниговомъ. Отсюда ясно, что и городокъ, упоминаемый лѣтописцемъ, нужно искать на Деснѣ, неподалеку отъ Кіева. Этотъ городокъ ничто другое, какъ то самое село, Ольжичи, которое основала св. Ольга на Деснѣ въ 947 г. и которое, затѣмъ обратилось въ Пустынно-Николаевскій Задесенскій монастырь. Если мы припомнимъ записъ въ синодикѣ нынѣшней Пустынной церкви, гдѣ князь Изяславъ считался создателемъ обители, то вполне будетъ ясно, почему тѣло убитаго князя остановили въ лодкѣ противъ „городца“ и обнаружится самое мѣстонахожденіе этого городка.

Мѣсто это—Пустынный Николай, а остановка передъ нимъ княжескаго тѣла—ни что иное, какъ употребительный знакъ послѣдняго прощанія съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ покойный князь трудился прежде и оставилъ наглядный памятникъ трудовъ—святую обитель.

Можетъ быть, читателю, покажется страннымъ, почему кіевляне выходили такъ далеко, почти за 20 верстъ. встрѣчать мертвые останки своего князя? Но сказанія лѣтописцевъ отвѣчаютъ намъ, что въ старину были обычны далекія встрѣчи живыхъ и мертвыхъ людей. Новгородцы, напримѣръ, встрѣчали Изяслава Мстиславича за три дня пути отъ Новгорода, когда онъ посѣтилъ ихъ передъ войной съ Юріемъ Ростовскимъ *). Тѣло Андрея Боголюбскаго владимірцы встрѣчали да-

*) Русск. лѣт. для первоначальнаго чтенія С. Соловьева 1866 г.

леко за городомъ и сильно плакали, какъ только завидѣли стягъ, выступившій отъ Боголюбова *). Поэтому, ничего нѣтъ удивительнаго, если кіевляне выходили за городъ навстрѣчу умершему князю, т. е. къ устью Десны. Другого же мѣста, кромѣ древняго села Ольжичей (городокъ св. Ольги), по Деснѣ нѣтъ. Только тамъ могло стоять въ лодкѣ тѣло усопшаго князя, поджидая кіевлянъ.

По этимъ косвеннымъ слѣдамъ, прошлую исторію Пустыннаго Николая можно возстановить въ такомъ очеркѣ:

Пустынный Николай основанъ равноаиостальной кн. Ольгой, въ ту далекую пору, когда она не была еще христіанкой. Но какъ вдова убитаго князя Игоря, она устроила свою родину и „устави по Днѣпру перевѣсница и по Деснѣ и есть село ее Ольгичи и доселѣ“ **), а именно въ 947 году. Село Ольжичи, получило, слѣдовательно, свое названіе отъ имени своей основательницы и по близости къ Кіеву и Вышгороду, который также былъ городомъ св. Ольги, а равно по своему дивному мѣстоположенію служило лѣтней резиденціей великой княгини. Въ древности, какъ и теперь, князья имѣли свои лѣтнія загородныя помѣстья.

Пребывая въ Ольжичахъ, какъ язычица, великая княгиня не оставила городка, и сдѣлавшись христіанкой, устроила въ немъ христіанскій храмъ. Она же снабдила свое созданіе и образомъ св. Николая, который неизмѣнно пребываетъ въ немъ, являя собою одинъ изъ древнѣйшихъ образовъ въ Россіи.

По смерти св. Ольги, ея христіанскіе потомки, князья земли русской, почитая память своей прародительницы, питали уваженіе къ ея излюбленнымъ мѣстамъ. И вотъ, одинъ изъ ея правнуковъ, съ своими сыновьями, когда

*) Тамъ же.

**) Лѣтопись пр. Нестора.

уже въ Россіи стало умножаться монашество, основаль въ городкѣ Ольги монастырь, который принялъ свое названіе по чудотворному образу св. Николая и сталъ именоваться Задесенскимъ Пустынно-Николаевскимъ монастыремъ.

По всеѣмъ признакамъ, можно догадываться, что образъ св. Николая въ храмѣ древняго городка Ольжичей приобрѣлъ свою извѣстность съ незапамятныхъ временъ, и, во всякомъ случаѣ, ранѣе основанія монастыря, находясь уже въ Ольжичахъ.

Отсюда видно, что это мѣсто было извѣстно какъ обще-почитаемое еще въ первые дни христіанства на Руси. Можно также допустить, что оно, будучи уже монастыремъ, могло удержать за собою свое давнишнее названіе, хотя лѣтописецъ называлъ его просто городкомъ.

Не подлежить сомнѣнію, что с. Ольжичи, о чемъ говоритъ ихъ почва, многократно подвергалось участи своихъ ближайшихъ сосѣдей—Кіева и Вышгорода и часто видѣло княжескія полчища то ликующими, то бѣгущими. Укрывались въ него и разбитые союзники Андрея Боголюбскаго, когда ихъ преслѣдовалъ князь Мстиславъ, гоня черезъ Днѣпръ. Юрій, ростовскій князь, при своихъ войнахъ съ киевлянами, нѣсколько разъ скрывался, въ критическія минуты, въ какомъ-то городѣ, который былъ за Днѣпромъ отъ Кіева и который Юрій чрезвычайно любилъ, называя его своимъ раемъ *). Если

*) Этотъ городокъ нельзя смѣшивать съ городкомъ на Острѣ, т. е. съ Остромъ, такъ какъ за Днѣпромъ, вблизи отъ Кіева, былъ тотъ дворъ Юрія, который киевляне, 16 мая 1158 г., въ день погребенія Юрія Долгорукова, разграбили вмѣстѣ съ краснымъ дворомъ Юрія въ самомъ Кіевѣ. Остеръ-же отстоитъ отъ Кіева въ 60 верстахъ и если и тамъ былъ дворъ князя Юрія, то его никакъ невозможно было разграбить въ одинъ день съ краснымъ киевскимъ дворомъ князя. Отсюда явствуетъ, что дворъ названный «раемъ» находился въ недалекомъ разстояніи отъ Кіева, и разграбить его въ одинъ день съ краснымъ дворомъ киевскимъ—ничего не стоило. Кратковременное владычество князя Юрія въ Кіевѣ показываетъ, что не самъ онъ

это не городокъ Игоря (остатки котораго и теперь видны въ селѣ Вычуровщинѣ, вблизи цѣпнаго моста), то, стало быть, это городокъ св. Ольги, т. е. Пустынный Николай.

Таково-то прошедшее посѣщенной нами Николаевской Пустыни, славное не только присутствіемъ въ ней спасительнаго образа св. Николая, но и своими историческими чертами.

Тѣмъ памятиѣе должна она оставаться въ сердцахъ православныхъ и тѣмъ ревностиѣе слѣдуетъ относиться къ ея святынѣ.

Еще нѣсколько словъ о теперешнемъ храмѣ св. Николая, образѣ Святителя и современномъ значеніи пустыни для вѣрующаго христіанина.

Новый каменный храмъ заложенъ 9 мая 1871 г. на мѣстѣ деревяннаго сгорѣвшаго. 4 декабря 1873 г. былъ освященъ престолъ теплаго отдѣленія во имя Преображенія Господня, а главный престолъ освящался 8 іюня 1878 года и съ той поры богослуженіе совершается въ немъ непрерывно. Храмъ имѣетъ длины, отъ входной двери и до заалтарной стѣны 50 арш., шириной 20 арш. въ формѣ длиннаго четырехугольника, заканчивающагося съ алтарной стороны восьмиугольникомъ. Онъ раздѣляется внутри стѣпой на двѣ половины, изъ которыхъ большая восточная предназначена для холоднаго помѣщенія, а меньшая западная для теплага. Высота церкви съ крестомъ 36 арш. Она сложена изъ кіевскаго желтаго кирпича и по своей архитектурѣ выдается трогательной простотой. Внутренность ея окрашена въ сплошную свѣтло-голубую краску, безъ настѣнной живописи. Ико-

строилъ дворы свои, а воспользовался только старокняжескими существующими дворами по праву завоевателя. Слѣд., и дворъ за Днѣпромъ съ «райскими предестями» достался Юрію отъ другого князя. Этотъ-то дворъ и есть древнее село Ольжичи, нынѣшній Пустынный Николай.

(См. Серг. Соловьева, 1866 г. стр. 138. Смерть Юрія Долгорукого).
Авт.

постась прекрасной ажурной рѣзьбы, позлащенъ, съ мастерской живописью иконъ и художественными очертаніями. Все это вмѣстѣ придаетъ храму веселый и благообразный видъ. Иконостась не высокъ, въ два яруса и сработанъ въ г. Боголюбовѣ, Владимірской губерніи, мастеромъ Шороховымъ въ 1875 г. Ризница храма не отличается достопримѣчательными вещами и сравнительно не богата. При храмѣ, въ одной связи съ нимъ колокольня, внушительной высоты, 42 арш.

Образъ чудотворца Николая не великъ: высота его 1 арш. $8\frac{1}{2}$ верш., а ширина 1 арш. и $1\frac{1}{2}$ верш. Онъ имѣетъ внизу четырехугольную форму, вверху—полукруглую, въ видѣ усѣченнаго овала. Мы уже говорили, что живопись его древне-греческаго стиля. Она выражаетъ въ лицѣ угодника строго-молитвенное настроеніе. Взглядъ святого, вперенный прямо въ зрителя, суровъ и внушительнъ. Лице облегаешь густая, сѣдая и короткая борода, которая сливается на линіи глазъ съ короткими, курчавыми и также сѣдыми волосами. Цвѣтъ лица свѣжій, но вытянутый носъ со впалыми щеками придаетъ ему сурово-аскетическое выраженіе. Большіе, вдумчивые каріе глаза, съ слегка наморщенными бровями, избличаютъ твердый умъ и желѣзную волю.

Угодникъ на образѣ изображенъ безъ митры, въ клѣтчатой въ шашку ризѣ съ узкимъ омофоромъ, концомъ котораго поддерживаешь въ лѣвой рукѣ Евангеліе, а правой благословляетъ предстоящихъ. До 1816 г. на чудотворномъ образѣ была риза, сотканная изъ разноцвѣтнаго крупнаго стекляруса, съ металлическимъ вѣнцомъ, которая и донинѣ хранится при церкви въ полной неприкосновенности, какъ образецъ старинной ткани. Но въ 1816 году на средства доброхотныхъ жертвователей сдѣлана серебряная позлащенная риза, съ такимъ-же вѣнцомъ въ формѣ митры. Образъ занимаетъ мѣсто храмовой иконы въ иконостасѣ, огороженъ небольшою желѣзною рѣшеткой со вставками для свѣчей

и окруженъ массивными подсвѣчниками, въ которыхъ постоянно теплятся свѣчи. Небольшая терраса передъ иконой даетъ вѣрующимъ возможность приложиться къ изображенію святителя. Тутъ-же стоитъ короткій желѣзный костыль съ деревянной ручкой, оставленный при образѣ, въ давнее время, хромымъ человѣкомъ, который, получивъ на глазахъ присутствующихъ въ храмѣ исцѣленіе, не нуждался уже болѣе въ искусственной помощи. Костылей такихъ было два, но во время пожара одинъ изъ нихъ совершенно утерянъ, а другой коротокъ, потому что былъ сломанъ. Преданіе сохраняетъ память объ этой явной милости святителя Николая, а видимый предметъ напоминаетъ о чудѣ тѣмъ, которые не слышали о немъ. Церковная лѣтопись, сгорѣвшая въ 1870 г., сохраняла въ себѣ много преданій о многоразличныхъ проявленіяхъ милосердія Чудотворца, но къ великому несчастью она скрыла навсегда въ пламени повѣсти о чудныхъ событіяхъ древности.

Мы признательны безгранично тому побужденію, которое привело насъ въ Николаевскую пустынь. Лично о себѣ скажу, что кромѣ необъяснимо высокаго наслажденія окружающей природой, я все время ощущалъ усиленный подъемъ духа, уносился работающей мыслью въ минувшіе дни глубокой старины, когда дѣла и молитвы людей были нелицемѣрны передъ святынями, и когда доблестные вожди земли родной пасаждали и утверждали вѣру Христову. Въ тѣ дни вѣрили безхитростно, почему и чудеса совершались чаще, и просители Божіи получали просимое. „Все, чего ни попросите въ молитвѣ съ вѣрою, получите,“—говоритъ св. евангелистъ Матѳей, а величайшій изъ христіанскихъ учителей апостоль Павелъ предупреждаетъ: „Ученіями различными и чуждыми не увлекайтесь: ибо хорошо благодатью укрѣплять сердца“. (Евр. 13, 9).

Итакъ, требуется только одна чистая непоколебимая вѣра, а дается за нее все. Развѣ это не высшая щед-

рость? Требуется только одна пламенная молитва и по ней исполняется желаніе молящагося. Развѣ это не высшее человѣколюбіе? А мы и вѣримъ слабовато, страха ради смерти, и молимся чаще для формы. Но бѣдственнѣе всего то, что многіе ищутъ въ „чуждыхъ ученіяхъ“ невѣдомаго блага, отъ блага будущаго; невѣдомой жизни духа, отъ жизни одухотворенной истинами Спасителя и Его крестною смертью...

„Заблуждаетесь, не зная писанія!“

Гостепріимный настоятель пустыни о. Николай, которому отчасти я обязанъ многи свѣдѣніями, по описанію Пустынно-Николаевского храма, предостерегъ насъ, что пароходы, идущіе изъ Чернигова на Кіевъ, не всегда исправны. Бывали случаи, когда вмѣсто 5 ч. вечера, какъ гласило росписаніе, пароходъ приходилъ въ пустынь въ 10 ч. ночи.

Но намъ было не къ спѣху. Мы душевно отблагодарили о. Николая за пріютъ и любезное радушіе и зашагали къ берегу. На этотъ разъ пароходъ опоздалъ всего только на 2 часа. Томившаяся на берегу публика бросилась на палубу. Досочка-трапъ гнулась какъ гуттаперчевая пластинка. Но, несмотря на это, на нее входило по два и по три человѣка сразу.

Вмѣсто 6 часовъ пополудни, мы причалили къ кіевской пристани въ 9 часовъ.

V.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

— Аминь!—отвѣчаю я хрипло, съ просонья.

Въ дверь номера гостинницы Китаевской пустыни просовывается половина туловища брата келейника, въ люстриновомъ лѣтнемъ подрясникѣ. Голова, съ темно-русыми локонами, молодыми глазами и раздвоенной бородкой кланяется намъ изъ-за двери.

— Ранняя началась...—сообщает онъ, крикнувъ неокрѣпшимъ баскомъ, и мгновенно исчезаетъ.

Надо вставать. Художникъ спитъ какъ убитый. Меня самого донимаетъ ломота въ ногахъ; непривычный часъ пробужденія и пройденный вчера пятнадцативерстный путь даютъ себя чувствовать. Въ закрытое окно, киваютъ со двора кусты орѣшника и шелестятъ листьями по стеклу. На полу горницы прыгаютъ солнечные зайчики и слышно, какъ гудитъ глухо благовѣстный колоколь. Расталкиваю спящаго художника.

Улица, врѣзаясь въ тѣнистый прудъ, залита волнами рапного свѣта. На ней—ни души. Идемъ вдоль длиннаго досчатаго забора тѣневой стороною.

Въ церкви служеніе уже началось. На проходѣ подъ колокольной, спугнули цѣлую стаю веселыхъ ласточекъ. Справа, на церковномъ дворѣ, въ бѣломъ двухъ-этажномъ домѣ, гдѣ живетъ архимандритъ и помѣщаются кельи старшей братіи, раскрыто до десятка оконъ съ бѣлыми, кисейными занавѣсками. Значитъ, тамъ давно уже не спятъ.

Церковь небольшая, уютная, съ колокольной легкаго, обыкновеннаго типа. Вокругъ такъ же, какъ и въ Троицкой обители, могилы, но только исключительно иноческія. Одноформенныя чугуныя плиты съ простыми надписями, безъ эпитафій и изрѣченій. Нѣкоторыя вдавались углами въ землю, поросли травой...

Церковь кирпичная съ главнымъ престоломъ во имя св. Троицы и двумя придѣлами, одинъ изъ которыхъ въ честь свят. Сергія Радонежскаго. Это такъ называемый лѣтній храмъ. Кромѣ него, черезъ дорогу, видна другая зимняя церковь во имя Двѣнадцати апостоловъ.

На ранней обѣднѣ, исключая монаховъ, насъ и двухъ нищенокъ, никого нѣтъ.

Богомолецъ сюда заглядываетъ рѣдко, потому что собственно въ Китаевской пустыни особо чтимыхъ святыхъ нѣтъ. Монастырь этотъ приписанъ къ лаврѣ и

служить какъ бы лѣтней резиденціей лаврской братіи, которой лѣтомъ насчитывается здѣсь болѣе 120 человекъ.

Основаніе Китаевской пустыни относится XIV вѣку, по кто былъ прямымъ ея основателемъ, за отсутствіемъ документальныхъ данныхъ, не представляется возможнымъ судить. По крайней мѣрѣ мнѣ извѣстно только, что въ XV вѣкѣ она была рузрушена татарскими ордами. Только въ 1716 г., заботами и стараніемъ кіевскаго губернатора князя Голицына, пустынный монастырь былъ отстроенъ и возобновленъ.

Въ настоящее время—это хорошо организованная обитель съ большой экономіей, располагающей собственными окрестными хуторами, заводомъ восковыхъ свѣчей и рыбными загонами по Днѣпру.

Проникнуть изъ Кіева въ Китаевскую пустынь можно двоякимъ способомъ: пароходами по Днѣпру, отходящими два раза въ сутки, и проселочнымъ, въ высшей степени живописнымъ трактомъ, направленнымъ изъ того же Кіева на село Пироговъ и деревню Литовскую Виту.

Оба эти пути могутъ поспорить богатствомъ своихъ красотъ. Проплыть на пароходѣ Днѣпромъ одинаково интересно, какъ и проѣхать на почтовыхъ по пироговскому тракту. Въ первомъ случаѣ всѣ гористые уступы берега будутъ видны путнику во всей полнотѣ, во второмъ—онъ будетъ проѣзжать у ихъ подножія.

Послѣ обѣда спускаемся косогоромъ, на которомъ стоитъ обитель, черезъ запущенный орѣшникъ, къ лодкамъ.

Вѣтрево... Днѣпръ дуется и злобно плещеть о берегъ. Спокойно только въ заливѣ, гдѣ игривая рябь слегка морщитъ воду и набѣгаетъ на береговые песчаные взлызы.

Здѣсь можно встрѣтить цѣлыя флотиліи великолѣпныхъ, быстроходныхъ яликовъ, управляемыхъ дачниками и дачницами.

Сюда перебираются на лѣто, изъ душныхъ городскихъ улицъ, самые состоятельные горожане.

Китаевская пустынь—это аристократическій дачный уголокъ и ни мало не соотвѣтствуетъ своей обстановкой названію пустыни. Опъ даже не подходитъ по своей жизненности къ Пустынному Николаю, гдѣ все—олицетвореніе мира и тишины.

Деревня Китаево, сама по себѣ, мѣстность густо населенная дачниками, представляетъ по роскоши своихъ пейзажей, близости рѣки и цѣлебному свойству воздуха—самое подходящее загородное гулянье. Кіевляне, осужденные по своей профессіи или служебному положенію на безвыѣздное пребываніе въ городѣ, охотно, праздниками, паѣзжаютъ въ Китаевъ къ своимъ, болѣе счастливымъ знакомымъ, живущимъ на дачахъ.

Немудрено поэтому встрѣтить здѣсь, въ неприсутственные дни, чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, офицерство и людей, освобожденных на время отъ занятій.

Заливъ буквально пестрѣлъ гимназическими блузками, кителями студептовъ, матросками дачницъ. Все это дружно и заразительно вселилось, скользя въ точеныхъ лодкахъ по заливу, подъ звуки оркестра, привезеннаго однимъ изъ стоящихъ у пристани пароходовъ.

Музыка, какъ бы она ни была плоха, всегда собираетъ слушателей. Таково ея свойство. На побережномъ взморьѣ расположились уже совсѣмъ невзыскательные слушатели. Между мѣстными крестьянами и деревенскими дѣвушками, усѣявшими собою берегъ, можно было отличить, молчаливо стоящихъ богомольцевъ, созерцательныхъ и усталыхъ.

— Слава имени Твоему, Господи,—осѣняясь крестомъ, говоритъ страпникъ-самарецъ,—всюду привелъ милосердый Господь побывать... И въ Троицко-Сергіевской, и въ Кіево-Печерской, и въ Почаевской лаврѣ...

— И въ Почаевѣ?—спрашиваетъ корявый мужичекъ, весь въ заплахахъ, съ припухлой губой.

— Благолѣпно тамъ!—со вздохомъ произноситъ рядомъ богомолка.

Самарецъ поправилъ свой гречневикъ-шапку. Рыжіе усы его, веснунчатое лицо и рыжія губы расплылись въ одну блаженную улыбку. Онъ присѣлъ на бугорокъ и, заглядываясь вдаль, словно видѣлъ оттуда что-то незримое для другихъ, заговорилъ:

— Аѣ, братцы, и какъ уже благолѣпно-тъ! Престоль матушки Владычицы Небесной—цѣны ему нѣтъ. Миліонъ тыщъ... Истинно говорю такъ! А красота—райская! Вонъ такъ, примѣрно-ча, какъ той кустокъ, что на выгбѣ-то, аустрицкая церковь стоитъ, на горѣ... И видно ее сердешную какъ на ладошкѣ. Тоже золота на ней страсти, горьмя-горить. Такъ вотъ Почаевская, а такъ—она. Другъ проти дружки стоятъ—величаются...

— А, сказываютъ, слышь, отъ Царицы Небесной слѣдъ-отъ на камени видѣнь... Видалъ самъ-то?

Самарецъ закрылъ плотно вѣки помолчалъ и, какъ бы исполненный высшаго наслажденія, тихо сказалъ:

— Пресвятая Богородица спаси насъ! Оѣ, видалъ, братья мои, самъ ступочку святую видалъ, своими глазами грѣшными. Приложился къ ней устами нечистыми... И водицу светую отъ нея привезъ. Много ее раздають тамъ божіимъ странникамъ. Сѣденькій-сѣденькій инокъ даетъ. Налъетъ въ бутылочку и припечатаетъ монастырской печаткой-ти.

Барышня съ застѣнчивымъ видомъ просить старца удѣлить ей немного почаевской воды.

— Ахъ ты, милая барышня... Съ нашей душой далъ бы тебѣ, да не могу!..—отказываетъ сердечно тотъ.

— Но отчего же! Вѣдь у васъ цѣлая бутылка. Неужели вамъ жалъ?

— И не жалъ, царевна ты моя, а есть на ней положенное слово святое: не пить и не открывать до самаго дому. Вотъ ежели занедужитесь дорогой кому—тогда надо дать-ти недужному испить. А такъ, зря нельзя.

Барышня опечаленная отходить и готова расплакаться.

— На что вамъ эта вода?—соболебзуя ея неудачѣ, спрашиваетъ ее молодой статскій въ шелковой рубахѣ, вышитой малороссійскимъ узоромъ.

— Вы не знаете, Григорій Петровичъ...

— Нѣтъ, однако...

— Говорятъ, если кто болѣвъ падучей болѣзнию, то стоитъ sprыснуть три раза больного водой отъ Почаевской Владычицы и болѣзнь проходитъ. А вы знаете какъ папа страдаетъ ею!

Она закрыла свои глаза, чтобы скрыть слезы.

— Ну успокойтесь, успокойтесь...—уговаривалъ ее молодой человекъ.

— Ты бы сразу, хорошая, сказала на что водица-то тебѣ! — вскочивъ на ноги, кинулся къ ней самарецъ-странникъ.—Бери, милая, бери съ вѣрою. Есть во что налить-то?

— Ахъ спасибо, спасибо... Лейте вотъ сюда. Какъ звать-то васъ?

Барышня протянула самарцу пустой флаконъ отъ одеколона, вынувъ его изъ баульчика.

— А зови меня Лукой... Да на что тебѣ?

— Я буду за васъ Богу молиться.

Страпники и зрители обступаютъ густымъ кольцомъ Луку. Всѣмъ любопытно видѣть почаевскую воду и держащій ее сосудъ за печатью.

Самарецъ, перекрестясь, сталъ развязывать свою котмку.

.....
Отъ залива обители не видно. Она задрапирована волнистыми клубами благоухающихъ исполински бѣлыхъ акацій, лохматыхъ ивъ и плакучихъ березъ. Изрѣдка колокольный звонъ, доносящійся оттуда, напоминаетъ объ ея существованіи. Перелѣсокъ, весь затканный лучистыми полосками заката, привелъ насъ на небольшую

лотловину, опоясанную живою изгородью орѣшника. На ней мы застали еще неугомонныя партіи горожанъ, облюбовавшихъ поэтичныя пригорки и стога душистаго сѣна.

День угасалъ.. Вѣтеръ не унимался и гналъ смятенныя тучи къ сѣверу. Разорванными ключьями неслись онѣ по тускнѣющему небу. Безпріютныя, разрозненныя онѣ казались мнѣ такими слабыми, безъ воли и силы. Вѣтеръ потѣшался надъ ними. Опъ то собиралъ ихъ въ одну бѣгущую стаю, то разметывалъ далеко по небеснымъ окраинамъ. Какое-то чудовищное своеволие сказывалось въ его шумящихъ вздохахъ, что-то вѣчное, непобѣдимое...

Такъ слабыя души людей, приниженныя и гонимыя, спасаются въ паническомъ бѣгствѣ отъ произвола и насилія мірскаго зла.

Есть ли предѣлъ этому бѣгу или онъ безконеченъ? Кто можетъ отвѣтить на это: или Богъ, или никто.

Ревущій гудокъ парохода призывалъ насъ обратно къ берегу. Къ обоюдному нашему удовольствію, при посадкѣ пассажировъ, здѣсь не испытывалось того страха, который наполнялъ насъ въ Николаевской пустыни. Трапъ былъ исправный, изъ трехъ сбитыхъ досокъ, и даже окрашенъ. Пароходный багоръ былъ перекинутъ съ борта на балюстраду хорошенькой пристани, и служилъ какъ бы перилами къ трапу.

Но трогаться было нельзя. За нами борть о борть стоялъ пароходъ частнаго владѣльца Г., пришедшій въ пустынь позже „Пушкина“, на которомъ мы устроились у кормовой части. Пришлось ждать пока отчалить конуресть „Пушкина“.

На этотъ разъ, наше судно отвѣчало безукоризненно имени великаго поэта. Во-первыхъ, оно было облегченной конструкціи, во-вторыхъ, съ длинной открытой верхней палубой, откуда безпрепятственно можно было наслаждаться попутными видами.

Первымъ отошелъ противникъ „Пушкина“, небольшой частный пароходикъ, соперничающій съ нимъ въ перевозкѣ дачниковъ и богомольцевъ. Мы двинулись слѣдомъ, въ хвостъ. Фарватеръ рѣки не вездѣ позволялъ дѣлать обходы, потому что мѣшали частыя мели. Поневолю приходилось тянуться за малюткой—пароходомъ, который, въ свою очередь, не могъ состязаться силой хода съ нашимъ крупнаго калибра „Пушкинымъ“.

На нашей палубѣ царить веселое настроеніе.

На переднюю мачту взвивается по веревкѣ сигнальный фонарь. Всѣ необходимыя по рѣчному уставу предосторожности приняты. Идемъ среднимъ ходомъ.

— Стоп!—слышится въ трубкѣ капитана.

— Что такое?

— Пароходикъ Г. перерѣзаетъ поперекъ намъ дорогу.

— А! это такъ понятно. Онъ хочетъ задержать насъ и доставить своихъ пассажировъ ранѣе въ Кіевъ. Тутъ коммерческій расчетъ.

— Но это не по правиламъ.

— Кто нынче особенно соблюдаетъ правила!

— Впередъ!

Машина снова заработала лопастями колесъ.

Дѣйствительно, частный пароходъ не давалъ намъ дороги, что-бы опередить его.

Эта маленькая гонка возбуждала и пассажировъ, и соперниковъ-капитановъ.

Кровавое зарево заката предвѣщало па утро также вѣтеръ. Днѣпръ, черноспій, вздувался и кишѣлъ навстрѣчу пароходной груди, плакалъ и бился о выступы береговыхъ камней, злобный, злобный!.. Размахисто закидывалъ онъ пѣнистые гребни волнъ на сыпучій песокъ плоскихъ отмелей, словно собирался слізнуть ихъ и разнести по дну своего мрачнаго ложа. Алые отблески зари мутнымъ багрянцемъ колыхались на извивахъ без-

покойной рѣки, перехватывали ея теченіе, скользнули и метались по хребтамъ разъяренныхъ волнъ...

Заунывная, какъ казацкая пѣсня, мелодія вѣтра, поющаго въ логахъ побережья и овражистыхъ рывинахъ, вырывалась на рѣчное приволье и, тамъ сливаясь съ рокотомъ волнъ, неслась за ними угрожающая, немолчная...

Брызги освѣжили мое лицо. Они сдувались вѣтромъ какъ росинки съ шумящихъ колесъ парохода и выносились на палубу.

Я слѣдилъ за бѣшенствомъ волнъ. Какъ водяные дѣды, призванные на защиту Днѣпра, онѣ грозили своими сѣдыми космами, то свиваясь словно сказочные змѣи, то низвергаясь въ отверстыя зѣвы мгновенныхъ пучинъ...

Пожаръ угасающаго заката еще свѣтитъ намъ... Еще видны захлестнутыя гибкими вѣтвями дубравъ хрупкіе профили Выдубецкой обители. Тотъ же желѣзный мостъ, несокрушимый и недоступный разгулу вѣтра, простерся надъ нами. Рулевой искусно микуетъ гранитные устои, проведя пароходъ среди лижущихъ ихъ яростныхъ волнъ.

Съ рѣки, при закатѣ, дивными кажутся береговья высоты и, проникнувъ къ нимъ, беззаботно глядится маленькая обитель въ надходящую бурную ночь. Выше, надъ нею, блеститъ еще крестъ Свято-Троицкаго монастыря. На немъ не отгорѣли еще вечернія блески зари...

А тамъ, за нимъ знакомыя гористыя тропинки, гротъ-дорога, повитая винограднымъ плющемъ! Пароходъ беретъ налѣво. Прячутся отъ глазъ обители, кутаясь въ сумерочную мантию близкой ночи. На смѣну имъ выступаетъ что-то фантастично-величавое, чему трудно подыскать имя. Передъ взорами пораженнаго путника, словно въ воздухѣ виситъ призрачный городъ изъ лѣса золотыхъ главъ и крестовъ. На пологѣ озареннаго по-

слѣдными огнями неба горятъ и искрятся свѣтлыя вышки Кіево-Печерской Лавры. Темнѣющіе контуры ея церквей рельефно обрисованы, освѣщенные съ тылу пламенемъ вечерняго пожара небесь.

Сколько потрясающаго душу великолѣпія, какая волшебная безпредѣльно изумляющая декорація! Изсякаютъ краски и блѣднѣютъ, перо отказывается въ своемъ безсиліи отъ изображенія полноты этого мимолетнаго, покоряющаго видѣнія...

Уходитъ свѣтъ. Предвѣстники ночи—звѣзды зажгли свои лампы. Очарованіе миновало... Слабымъ и искусственнымъ, послѣ видѣннаго, кажутся электрическія свѣчи, фонари и лампы, унизывающіе площадку купеческаго сада и александровскій спускъ города, къ которому мы подъѣзжаемъ. Бросаютъ снопы фосфорическаго свѣта къ намъ фонари сада Труханова острова. Оттуда, по водѣ, при затихшемъ вѣтрѣ, отчетливо доносится хоръ могучихъ голосовъ и мотивъ вѣнскаго вальса...

Входимъ на городскую пристань. Еще разъ взоръ восхищенъ и насыщается уже дѣломъ рукъ человѣческихъ. Городская возвышенность сіяетъ тысячами уличныхъ огней. Сіяія, зеленыя, красныя точки движутся, перемѣщаются, куда-то исчезаютъ... Это сигналы электрическихъ трамваевъ.

Крещатицкая гора оцѣплена желтыми огоньками газа, какъ ожерельемъ; скрываясь во мракѣ вершиной, она кажется снизу недосыгаемой, уходящей въ заоблачную высь...

А съ нея, на спующую толпу, на городъ, на Днѣпръ, ворчливый и грозный, кротко свѣтитъ, убранный огнями, крестъ памятника св. Владиміра.

И далеко, за десятки верстъ, виденъ изъ ночной тьмы этотъ символъ христіанства, какъ бы начертаннымъ на небѣ!

Въ первый же воскресный день мы возобновили наши

„хожденія“ по св. мѣстамъ Кіева и придѣлѣировскимъ обителямъ. Погода на этотъ разъ капризничала, не хуже петербургской. Сѣялъ мелкій, холодный дождь. Онъ пазойливой водяной пылью забирался за воротникъ; мозглый и неумолимый онъ способенъ былъ отравить самое отрадное настроеніе. На „благословенной“ Украинѣ гнилые дни и рѣзкіе скачки барометра такъ же неожиданны, какъ на дикомъ сѣверѣ.

Передъ воротами братской Богоявленской обители тѣснились богомольцы и „Божіи люди“. Мы очутились возлѣ нихъ, обогнувъ „контрактный залъ“ *) съ бѣлымъ портникомъ, и вошли въ тѣнистый небольшой дворъ монастыря. Съ перваго же нашего шага мы попали во временный плѣнь. Насъ буквально осадили нищіе.

Нигдѣ мнѣ не доводилось встрѣчать такого количества нищихъ, какъ въ Кіевѣ; они преслѣдуютъ васъ всюду, на улицѣ, на гуляньяхъ, въ общественныхъ садахъ, проникаютъ въ дома. Отчасти это объясняется недостаткомъ мѣстныхъ благотворительныхъ учрежденій, отчасти—равнодушіемъ состоятельныхъ слоевъ населенія къ нуждамъ своихъ меньшихъ братій.

На Александровской площади—противъ монастыря—въ деревянныхъ одно-этажныхъ ларькахъ кипѣла жизнь. По праздникамъ въ нихъ выставлялись старыя вещи, бракованная посуда, рыночнаго производства мебель—предметы, доступные скромнымъ средствамъ небогатаго горожанина. Еврей-старьевщики шмыгали среди толпы съ поношенной обувью и одеждой. Тутъ же можно было встрѣтить престарѣлую чиновничью чету, торгующую пару ржавыхъ утюговъ или дрянную, набитую мусоромъ кушетку. Это такъ же напомнило мнѣ знаменитый „раз-

*) Ярмарочное зданіе на время ярмарки крещенской. «Контракты»—сѣздъ комерсантовъ для коммерческихъ сдѣлокъ и заключенія контрактовъ во время ярмарки. Въ 1797 г. контракты переведены въ Кіевъ изъ г. Дубно. Значеніе ихъ, бывшее въ старину, теперь замѣтно умалилось.

валъ“ въ Петербургѣ. Тѣ же, угрожающіе здоровью обывателя, кучи тряпья и хлама, тотъ-же нездоровый воздухъ „толкучки“.

На западной сторонѣ, небольшого гостиннаго двора, занимающаго край площади, видны остатки фонтана, носящаго громкое названіе „Самсона“ или „Льва“. Говорю остатки, потому что фонтанъ не дѣйствовалъ, да и внѣшній видъ его значительно испорченъ временемъ. Передаютъ, что въ жаркіе дни у источника, когда онъ выбивалъ водяную струю изъ пасти льва, раздраемаго Самсономъ,—собиралось до тысячи богомольцевъ низшаго класса. Среди послѣднихъ ходило много фантастичныхъ розказней и легендъ о старомъ фонтанѣ, но самому мнѣ не довелось ни одной изъ нихъ слышать. Мѣсто это обыкновенно служитъ торгомъ кипарисныхъ шейныхъ крестиковъ, поддѣльныхъ цвѣтовъ, бронзовыхъ бездѣлушекъ: колець, серегъ, медальоновъ.

Богоявленскій мужской монастырь имѣетъ весьма почтенную наружность: его стѣны и главы не носили слѣдовъ современности и говорили о чемъ-то давно минувшемъ. На самомъ дѣлѣ историческая судьба его слагалась такъ исключительно, что не напомнить о ней, хотя бы и освѣдомленному уже читателю,—было бы существеннымъ пробѣломъ очерка.

Если перенестись памятью къ концу XVI столѣтія, когда для огражденія западныхъ окраинъ Россіи отъ іезуитскаго вліянія, направленаго къ обращенію православныхъ въ католицизмъ, учреждались особыя братства для поддержанія православія,—то самое названіе монастыря „братскимъ“ становится понятнымъ. Приблизительно въ 1588 г., въ Кіевѣ основалось одно изъ такихъ братствъ, чтобы оградить отъ посягательствъ католицизма существующее въ то время при Богоявленской Подольской церкви духовное училище. Въ бытность свою въ Кіевѣ Константинопольскіе патріархи, сперва Іеремія II, а затѣмъ, послѣ пожара въ 1614 г., уничтожив-

шимъ до тла школу и находящіяся при ней зданія, Феофанъ, способствовали поддержанію и улучшенію Богоявленскаго братства. Послѣ пожара, нѣкто Анна Гулевичъ, жена маршалка, отвела для новой школы свой домъ съ постройками при немъ, бывшими на мѣстѣ пынѣшняго монастыря и учредила общество монаховъ, которому поручила обученіе воспитанниковъ школы. Впослѣдствіи учредительница передала попеченіе о школѣ Кіевскому митрополиту и мѣстному дворянству. Этой добродѣтельной женщиной была устроена при школѣ гостинница для православныхъ паломниковъ и возобновлена церковь Богоявленія. Особую дѣятельность по отношенію къ только что возрожденному изъ пепла учрежденію проявилъ патріархъ Феофанъ. Онъ утвердилъ за братскимъ монастыремъ ставропигію и своимъ содѣйствіемъ значительно увеличилъ число членовъ новообразованнаго братства. Рядъ непрерывныхъ козней католиковъ и уніатскаго духовенства, военныя вторженія польскихъ правителей въ юго-западный край, совершенно разрушили школу, а самое братство привели къ распаденію. Первымъ, кто возобновилъ братство и школу— былъ извѣстный запорожскій гетманъ Петръ Сагайдачный. Онъ отдалъ почти все свое имущество въ пользу школы и вписался въ число членовъ братскаго союза. Его доброму примѣру послѣдовали всѣ начальники запорожскихъ войскъ, мѣстные магнаты, дворянство кіевскаго воеводства и православное духовенство, которое болѣе всего скорбѣло объ уничтоженіи школы, но своими средствами было безсильно принести помощь. Ярый гонитель, въ началѣ своего правленія, православія польскій король Сигизмундъ III особой грамотой утвердилъ существованіе Богоявленскаго братства.

Мысль о братствахъ первоначально перешла къ намъ съ Запада, откуда и была позаимствована. Тамъ было въ обычаѣ составлять добровольныя корпораціи на релігіозныхъ началахъ. Прежде дѣятельность братствъ

ограничивалась только устройствомъ школъ, погребеніемъ безродныхъ мертвецовъ и благотворительностью. Но со времени воцаренія Сигизмунда III, братства играли крупную роль въ церковно-общественныхъ дѣлахъ и стояли по своему значенію выше митрополита и епископовъ. Въ программу ихъ основной дѣятельности входило наблюденіе за чистотой религіи и нравственностью православнаго духовенства. Братства имѣли непосредственныя сношенія съ константинопольскими патріархами, обличали епископовъ и пресвитеровъ, дѣйствовавшихъ въ ущербъ интересамъ русской церкви, противились имъ, какъ врагамъ истины, если они вели себя незаконно. Первое братство съ такого рода привилегіями было Львовское, основанное въ Галиціи.

Въ 1631 году знаменитый кievскій митрополитъ Петръ Могила, бывший тогда только архимандритомъ Кіево-Печерской лавры, былъ избранъ братствомъ въ *старшіе братья* за многоразличныя услуги, оказанныя Богоявленской общинѣ, а главнымъ образомъ, за соединеніе открытаго имъ лаврскаго училища со школою братства. На коронаціи польскаго короля Владислава IV въ Краковѣ, Петръ Могила получилъ королевскую грамоту о переустройствѣ Богоявленскаго училища въ коллегію. Тогда была выстроена Могилою въ братскомъ монастырѣ каменная аудиторія, на мѣстѣ нынѣшней монастырской трапезной и сооружены деревянные флигеля. Въ страннопріимномъ братскомъ домѣ, митрополитъ завелъ для проходящихъ бѣдныхъ учениковъ бурсу, которая находилась о бокъ съ церковью св. Анны, гдѣ нынѣ духовная академія. Какъ всѣ постройки, такъ и содержаніе учителей и воспитанниковъ Могила производилъ изъ своихъ личныхъ средствъ. Въ воспоминаніе о безчисленныхъ благодѣяніяхъ знаменитаго іерарха, коллегія, послѣ его кончины, долго носила названіе *Кіево-Могилянскій*.

Послѣдующія войны съ поляками, за обладаніе Малороссіей (1648—1665 г.), губительно отразились какъ на

самомъ монастырѣ, такъ и на учрежденной при немъ коллегіи. Онъ подвергался частымъ нападеніямъ поляковъ и грабежамъ. Въ этотъ промежутокъ времени вторичный пожаръ окончательно испепелилъ монастырь вмѣстѣ съ коллегіей, но усердіемъ царя Алексѣя Михайловича онъ снова возсталъ изъ огня.

При игуменѣ братскаго монастыря Варлаамѣ Ясинскомъ (1673 г.) Богоявленская община, благодаря его стараніямъ, отстроилась, получила королевскія угодія, словомъ замѣтно поправилась отъ своего погрома. Хотя при Ясинскомъ число учащихся значительно возросло, но бѣдные школьники терпѣли недостатокъ въ одеждѣ и пищѣ. Доходы братства, отъ частыхъ разореній поляками, крайне истощились и оскудѣли. Доходило до того, что воспитанники коллегіи, не получая вспоможенія отъ братства, жили впроголодь или ходили по стогнамъ Кіева за подаеніемъ. Чтобы глубже возбудить къ себѣ въ сердцахъ жителей состраданіе, они иѣли подъ окнами кіевлянъ партесные канты въ честь какого-нибудь святого, — преимущественно патропа хозяина дома, у котораго выпрашивали хлѣба или чего-нибудь съѣдобнаго. Въ городѣ, да и въ окрестностяхъ эти подневольные попрошайки именовались *миркачами* или *стваками*. Въ рождественскіе святки и вообще въ вакаціонные дни, они устраивали *вертепы* и разыгрывали между собой мистеріи.

Вслѣдъ за Ясинскимъ, покровителями братства были гетманы Мазепа и Самойловичъ. Главнымъ образомъ улучшенію матеріальнаго положенія братства содѣйствовалъ Мазепа. Ему приписывается въ 1693 г. постройка каменнаго Богоявленскаго собора съ придѣломъ св. Іоанна Предтечи и такихъ же каменныхъ корпусовъ для школъ. Но было очевидно, что братское училище не можетъ существовать безъ опредѣленнаго годового бюджета и вотъ, на слѣдующій годъ, сыновья Алексѣя Михайловича Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи приказали отну-

скать ежегодно изъ государственныхъ суммъ на содержаніе коллегіи 50 руб. деньгами и хлѣбной ссыпкой въ количествѣ 50 четвертей. Съ теченіемъ времени казенное содержаніе дошло до 8,000 р. и самое училище, по грамотѣ императора Петра I, было переименовано въ *академію*, со всѣми правами высшаго учебнаго заведенія, а учащіеся получили званіе *студентовъ*, которое ограждало ихъ отъ подсудности правительственныхъ судовъ и отдавало ихъ всецѣло во власть академическаго начальства. Митрополитъ кievскій Рафаилъ Заборовскій столько же потрудился въ пользу академіи, сколько и его предшественникъ Пётръ Могила. По проекту архитектора Шейдена, при Заборовскомъ, былъ построенъ второй этажъ, съ тоскапскою галлереею, надъ зданіемъ школы, возобновленной Мазепою. Въ помѣщеніяхъ школы недоставало мѣста для братской библіотеки и подъ нее отведена была въ 1863 году галлерей, для чего колонаду пришлось разрушить. Вскорѣ къ увеличенному, такимъ образомъ зданію школы, была пристроена конгрегаціонная благовѣщепская церковь и сооруженъ домъ для *великой бурсы*, названной такъ въ отличіе отъ бурсъ, находившихся при городскихъ церквахъ. Цѣлая серія пожаровъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, не разъ уничтожали до основанія, какъ храмы монастырскіе, такъ и академію со всѣми ея пристройками. Но всякій разъ на сгорѣвшемъ возникали новыя, необходимыя постройки. Такъ, между прочимъ, жертвою пламени сдѣлалась и академическая библіотека, бывшая хранилищемъ рукописей и книгъ, собранныхъ сюда въ теченіе полуторавѣковаго періода. Одно время братскій монастырь, при росписаніи новыхъ штатовъ, былъ совершенно упраздненъ. Въ 1817 году, академія, въ своемъ учебномъ значеніи, была низведена на степень семипаріи, но черезъ два года послѣ того, ея права были возвращены сообразно новому академическому уставу.

Въ общей семьѣ русскихъ монастырей, братская оби-

тель, считается первоклассною и подчиняется въ управленіи своемъ ректору академіи. Насколько мяѣ извѣстно, къ слушанію академическаго курса допускаются казенные ученики семинарій, по назначенію отъ своего начальства, при чемъ не иначе, какъ по окончаніи отлично выдержаннаго вступительнаго экзамена. На такихъ же условіяхъ могутъ поступать и своекоштные ученики семинарій, не назначенные начальствомъ, а въ случаѣ успѣшнаго экзамена такъ же пользуются казеннымъ содержаніемъ наравнѣ съ прочими. Двери академіи открыты радушно не только русскимъ, но и представителямъ другихъ славянскихъ народностей. Въ аудиторіяхъ можно, среди студентовъ, встрѣтить не мало черногорцевъ, сербовъ, болгаръ и галичанъ. Я знавалъ двухъ воспитанниковъ изъ страны полумѣсяца, которые съ гордостью вспоминали на берегахъ Босфора о своей кievской alma mater. Одинъ изъ нихъ, кажется, доселѣ состоитъ миссіонеромъ въ Ускубѣ.

Несмотря на все свои бѣдствія и превратности судьбы, въ теченіе слишкомъ двухъ столѣтій, братское училище дало православію цѣлый рядъ блестящихъ дѣятелей. Ни происки іезуитовъ, ни казни католическихъ пропагандистовъ не могли поколебать его значенія. Оно неизмѣнно служило центральнымъ питомникомъ на Югѣ выдающихся умовъ, какъ въ духовной области, такъ и на ступеняхъ гражданской дѣятельности. Изъ всей свѣтлой плеяды именъ, носители которыхъ получили образованіе въ кievской духовной академіи, упомяну только о самыхъ популярныхъ среди читателей отечественной исторіи: Феофанъ Прокоповичъ, архіепископъ новгородскій, Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, Георгій Конисскій, архіепископъ бѣлорусскій; гетманы: Иванъ Самойловичъ и Богданъ Хмѣльницкій, наконецъ, Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій исторіографъ и дипломатъ, извѣстный своими историческими изслѣдованіями объ уніатахъ. Конечно, это далеко не полный

списокъ, но все же онъ служитъ прекраснымъ аттестатомъ академической дѣятельности. Если не заблуждаюсь, академія въ сентябрѣ, 27 или 28 числа 1869 г., отпраздновала пятидесятилѣтнюю годовщину со дня введенія въ нее новаго устава, общаго для существующихъ русскихъ духовныхъ академій. На поприщѣ печати кievская академія давно заявила себя своими въ высшей степени полезными издаваніями: „Проповѣдническій Листокъ“, редактируемый проф. Олесницкимъ, и „Труды Кievской духовной Академіи“ — ежемѣсячный журналъ подъ руководствомъ В. О. Пѣвницкаго.

Дождь не унимался и угрожалъ перейти въ нескончаемый. Поневолю приходилось искать убѣжища подъ монастырскими кровлями и некогда было подолгу оставаться на дворѣ среди богомольцевъ, во-первыхъ, потому, что повсюду они были болѣе или менѣе однообразны, а во-вторыхъ, въ этотъ день намъ предстояло еще посѣтить Злато-верхо-Михайловскій монастырь, расположенный, какъ и братскій, въ городѣ.

Наши взоры невольно возносятся вверхъ на трехъярусную, стройную колокольню, съ курантами, принадлежащую соборной церкви Богоявленія Господня. Обиліе голубей на карнизахъ, недвижно сидящихъ подъ сѣткой мылистаго дождя, мы принимаемъ за гипсовыя изваянія и вступаемъ въ церковь, подъ ея пятикупольный покровъ. Монахъ-причетникъ только-что принялся за часословъ, а уже цѣлая вереница паломниковъ, минутно смѣняемыхъ новыми лицами, медленно подвигалась черезъ храмовой амвонъ къ чудотворной иконѣ Братскія Богоматери, — особенно чтимой святынь монастыря. Кстати, чрезвычайно необыкновенна исторія появленія этой иконы въ монастырѣ. Въ церковныхъ сказаніяхъ повѣствуется, что первоначально святыня находилась въ церкви Вышгорода, гдѣ считалась мѣстной иконою. Татары въ 1662 г. напали на Вышгородъ, разграбили церковь, при чемъ самую икону выбросили въ

днѣпровскія волны. Черезъ нѣсколько дней икону прибило водою къ кієво-подольскому побережью, гдѣ братскіе иноки случайно нашли ее и съ благоговѣніемъ водворили въ монастырской церкви Богоявленія. Въ воспоминаніе о дивномъ обрѣтеніи святыни, еженедѣльно, въ субботу, передъ иконою отправляется соборне акаѣистъ. Празднованіе иконѣ совершается, кромѣ того, еще великимъ постомъ, на похвалу Богородицы. Ликъ св. Дѣвы Маріи, судя по стилю письма, слѣдуетъ признать весьма древней кисти. Такихъ иконъ нынче не пишутъ, да и не смогутъ написать. Что-то одухотворенное, хотя и не особенно изящное, чувствуется въ божественномъ изображеніи, какая-то вдумчивая скорбь за человѣчество, всепрощеніе, любовь... Были мастера простого, но много говорящаго сердцу и разуму письма...

Окладъ иконы серебряный съ позолотою. Самъ по себѣ иконостасъ храма не представляетъ въ смыслѣ архитектуры особаго изошренія, но онъ заключаетъ въ себѣ, надъ царскими вратами, драгоцѣнную святыню: Животворящій Крестъ, которымъ, во время нахождения своего въ Кіевѣ, іерусалимскій патріархъ Теофанъ утвердилъ Богоявленскому Братству *Ставропигію* *). На кипарисовомъ деревѣ креста, рѣзной греческой работы, расположены тридцать два изображенія, а серебряная ручка его, представляющая правильный шестигранникъ, вырѣзана славянской вязью, указывающей на пріобрѣтеніе креста Теофаномъ, въ 1600 г., отъ волошской царицы Нѣги.

У сѣверной стѣны церкви инвалидъ пабожно прикладывался, къ особо стоящему у стѣны, ковчегцу. Онъ усердно клалъ земные поклоны. Я спросилъ у безрукаго воина:

*) Ставропигіями назывались тѣ изъ православныхъ монастырей, которые находились въ непосредственномъ завѣдываніи центральной духовной властью, напр., патріарха. *Лист.*

— Что заключается въ этомъ ковчегѣ?

Онъ посмотрѣлъ на меня старческими глазами и шепотомъ отвѣтилъ:

— Частицы мощей св. угодниковъ печерскихъ.

Пока онъ перечислялъ надъ моимъ ухомъ, какимъ именно подвижникамъ принадлежали эти священныя частицы, я успѣлъ приложиться къ нимъ и разглядѣть художественную работу ихъ хранилища. Инвалидъ, заключивъ изъ моего перваго вопроса о нашемъ политическомъ невѣдѣніи монастырскихъ достопримѣчательностей, охотно вызвался давать намъ пужныя объясненія на этотъ счетъ. Онъ оказался однимъ изъ самыхъ прилежныхъ прихожанъ и осѣдлыхъ старожиловъ Подола. Прерываемый приступами хроническаго кашля, онъ говорилъ:

— Вотъ вамъ, господа мои, не вредно заглянуть въ ризницу.

— То есть, какъ это не вредно?

— Ну, просто, примѣчанія для... Облаченія тамъ старинныя... А кромѣ всего прочаго — крестъ гетмана Сагайдачнаго. Такъ и зовется Сагайдачный крестъ. Да-съ! Грѣшникъ онъ былъ, гетманъ, какъ и всѣ мы, господа мои. Ну-съ, такъ вотъ, для ради грѣховъ своихъ отпущенія и подарилъ онъ свой крестъ монастырю. Въ скоромъ промежуткѣ и самъ здѣсь же иночество воспріялъ, послѣ того. А умеръ онъ нигдѣ больше, какъ гуть же, въ монастырѣ. И усыпальница его находится за алтаремъ старой церкви Богоявленія.

— А скажите пожалуйста, почему это, несмотря на древность храма, иконостасъ сравнительно еще не старъ?

— Обновленъ-съ, господа мои, незадолго до польскаго повстанія. Съ точностью не упомяну, кажись въ 1862 г., а можетъ быть и чуточку раньше. Тогда и иконы новыя пріобрѣли.

Въ ризницу намъ не удалось понасть и мы не ви-

дали ни креста гетмана, ни облачений. За то, послѣ окончанія литургіи, одинъ изъ иноковъ провелъ насъ въ заалтарную часть церкви, гдѣ обязательный инвалидъ указалъ намъ мѣсто упокоенія воспитанника Братской академіи Василя Григорьевича Барскаго.

— Да-съ! Можно сказать сверхъестественный чело-вѣкъ былъ... Пѣшеходъ замѣчательный! Всѣ святія мѣста и разныя тамъ знаменитыя сокровища искусства въ Европѣ, Азіи, Африкѣ пѣшкомъ исходилъ. Все это свое великое хожденіе онъ претолково въ книжкѣ изобразилъ.

Мы наклонились надъ каменной, довольно грубой плитой, съ плохо сохранившейся надписью. Въ стѣнѣ была вдѣлана противъ нея еще чугунная доска, какъ бы дополняющая первую болѣе разборчивой эпитафіей покойнаго.

Инвалидъ задумчиво стоялъ надъ чуждой ему могилкой и, вздохнувъ съ чувствомъ, произнесъ:

— Пытливый умъ былъ — да-съ! Снѣдаемый, такъ сказать, жаждой знанія. Немного нынче такихъ-то!

Вскорѣ мы разстались съ почтеннымъ участникомъ русско-турецкой кампаніи, — раненымъ при Кадыкюфъ, — самымъ дружелюбнымъ манеромъ.

Мы вступили въ притворъ второй монастырской церкви во имя сошествія Св. Духа.

Коротенькая исторія этой церкви скромно повѣствуетъ, что постройка храма относится къ году, когда Россію наводнили полчища „дванадесяти языкъ“. Мѣсто это было занято нѣкогда храмомъ Бориса и Глѣба, воздвигнутымъ Петромъ Могилою, взаменъ бывшей деревянной церкви во имя зачатія св. Анны, гдѣ собиравались академическія конгрегаціи*). Нынѣшняя церковь Св. Духа

*) Congregatio (соединеніе). Церковь эта предназначалась для соединенія въ засѣданія членовъ академіи, а также выбора новыхъ членовъ. На западѣ конгрегаціи представляли изъ себя объединеніе нѣсколькихъ монастырскихъ общинъ и служили часто политическими центрами.

ничѣмъ особеннымъ не отличается, кромѣ развѣ того, что въ ней отправляются ежегодно панихиды въ день кончины митрополита Могилы.

Вступаемъ въ довольно правильный четырехугольникъ монастырскаго двора. Какъ разъ передъ нами, вправо отъ собора, вытягивается главный фасадъ академическаго зданія, фронтонъ котораго украшенъ изображеніемъ развернутой въ сіяніи Библии. Его окружають позади нѣсколько каменныхъ флигелей составляющихъ принадлежность монастыря и академіи. Насыщенные дождемъ вѣтви густыхъ деревъ сбрасываютъ на насъ при малѣйшемъ своемъ колебаніи обильныя холодныя капли. Тѣнистая листва ихъ охраняетъ отъ зноя въ лѣтніе сухіе дни глубокой колодезь, отчасти имѣющій также историческое происхожденіе. Въ его водоемъ, какъ говорятъ, была проведена, по привилегіи короля Владислава, особыми трубами вода изъ горныхъ ключей андреевской возвышенности. На востокъ отъ стараго академическаго корпуса, во второмъ этажѣ, помѣщается пынѣшняя конгрегаціонная церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Основателемъ ея слѣдуетъ считать кіевскаго митрополита Рафаила Заборовскаго. Благодаря знакомству моего спутника съ однимъ изъ студентовъ, намъ удалось проникнуть въ академическій залъ. Нельзя сказать, что-бы онъ поражалъ обозрѣвателя богатствомъ и разнообразіемъ украшеній. Онъ скорѣе носилъ характеръ просторной портретной галереи, хотя, въ то же время не отдавалъ затхlostью и неприступнымъ величіемъ. Напротивъ—въ немъ было свѣтло, даже какъ-то уютно, не смотря на его почтенные размѣры. Со стѣнъ привѣтливо смотрѣли цѣлыя коллекціи портретовъ православныхъ монарховъ, святителей, получившихъ образованіе въ академіи и заявившихъ себя подвигами на аренѣ своей дѣятельности. Нѣкоторые изъ нихъ какъ напр. Рафаиль Заборовскій удостоились, по своему отшествіи изъ міра пе-

чали, петлѣнія. Въ томъ числѣ находились, среди портретовъ, также лица талантливыхъ питомцевъ академіи принесшихъ родинѣ достойные плоды своихъ познаній на разныхъ поприщахъ служенія, благотворителей и попечителей изъ свѣтскаго общества...

Если случайный посѣтитель Братской обители, замѣтитъ на богослуженіяхъ въ ней особенный наплывъ богомольцевъ, главнымъ образомъ кіевлянъ, то пусть не удивляется. Помимо благолѣпія самой службы большой прималкой для любителей церковнаго пѣнія является хоръ братскихъ пѣвчихъ изъ студентовъ академіи и воспитанниковъ низшихъ духовныхъ заведеній. Изстари еще пѣніе въ этомъ монастырѣ составляло его славу. Я безмолвно подчинился его обаянію. Музыкальное сочетаніе голосовъ, стройность ритма и мелодіи, молитвенно настраивали самую черствую душу, самое загрубѣлое сердце. Хоровое церковное пѣніе въ Кіевѣ поставлено вообще хорошо. Оно приобрѣло заслуженно широкую извѣстность. Этому способствуетъ отчасти умѣлая компановка голосовъ, обладающихъ на югѣ какой-то особой сочностью и силой, и музыкальный вкусъ репетовъ. За исключеніемъ древняго напѣва, пѣсколько крикливаго, съ преобладаніемъ унисоновъ и употребляемаго въ монастыряхъ, все остальное пѣніе отличается свособразной передачей дѣйствующей иногда чрезвычайно умирительно. Припоминаю, по этому случаю, хоръ каедральнаго Кіево-Софійскаго собора, управляемый Калишевекимъ. Руководимый имъ хоръ достоинъ всяческой похвалы.

Да, наконецъ, Кіевъ, самъ по себѣ, чрезвычайно пѣвучій городъ. Тамъ поютъ всѣ и повсюду: студенты въ общественныхъ садахъ, любители на народныхъ сходбищахъ, обыватели на вечеринкахъ, даже мясники Львовскаго или Галицкаго рынка. А на городскихъ окраинахъ, гдѣ осѣлъ мелкій обыватель, ремесленникъ и торговецъ, по лѣтнимъ вечерамъ, изъ каждаго кособо-

каго домишка вырываются звуки пѣсенъ, исполняемыхъ доморощенными трубадурами.

Въ нѣкоторомъ родѣ Италія на изнанку. Не мудрено поэтому, что обыкновенный, заурядный церковный хоръ не можетъ удовлетворить киевлянъ. Отсюда и возникаютъ капеллы на подобіе г. Калишевскаго, стараясь подражать въ методѣ пѣнія послѣднему.

Прояснило. Темногрязныя тучи расплылись. Голубая полоска горизонта, за Днѣпромъ, обѣщала погоду. Мы избрали на обратный путь ту же дорогу, по которой спустились къ Братскому монастырю. Со всѣхъ сторонъ ее облипала ползучая жидкая грязь, а внизъ по спуску, посреди улицы, струился цѣлый потокъ дождевой воды. Онъ питался случайными ручьями, которые свергались съ сосѣднихъ высотъ. Въ ливни бываетъ хуже. Гористыя улицы буквально претворяются въ мутно-желтыя рѣчки и я помню случай, когда, на Еврейскомъ базарѣ, воды такой скороспѣлой рѣчки унесли торговку съ яблоками, на противоположную сторону рынка. Ее спасъ какой-то отважный блюститель порядка. Это совершенно южныя ливни, о которыхъ сѣверянипъ не имѣетъ никакого представленія. Они стремительны, кратки и испускаютъ внезапно, какъ неожиданность. Также быстро горячее солнце осушаетъ всѣ слѣды наводненія и много черезъ полчаса, вы можете переходить улицу безъ калошъ.

Вверхъ по спуску скрипѣли громоздкіе биндюги. Запряженные въ одиночку лошади надрывались всѣми жилами, ступая по исковыренной, допельзя мерзкой мостовой. Благодаря часто выпадающимъ обильнымъ дождямъ, всѣ наклонныя улицы подвергались порчѣ. Вода размывала мостовыя, свергаясь по нимъ съ бѣшеною скоростью. Она разворачивала самыя увѣсистыя булыжники и буравила рывины.

Снова передъ нашими глазами за небольшимъ закругленіемъ, открылся соборъ Андрея Первозваннаго. Если можно выразить въ одномъ предметѣ красоту, легкость и почти фантастическую внѣшность архитектурнаго творенія, то, на мой взглядъ, они выражены въ этомъ дивно-изящномъ храмѣ. Онъ кажется наблюдателю ажурнымъ, какъ бы сотканнымъ изъ искусно сгруппированныхъ колонъ, базъ, капителей, портиковъ и легковѣсныхъ куполовъ. Все это такъ благородно, полно художественной мысли и творчества. Достаточно взглянуть на распространенные въ публикѣ рисунки храма, чтобы воздержаться отъ излишняго описанія. Онъ говоритъ самъ за себя. Всѣ колонны коринфскаго стиля; фасадъ и планъ храма во вкусѣ рококо, время Людовика XV. Высота храма отъ основанія измѣряется почти въ 22¹/₂ сажени. Со стороны Днѣпра, храмъ имѣетъ обрывистый спускъ естественнаго грунта, а съ улицы онъ упирается своимъ основаніемъ на двухъ-этажное каменное зданіе съ теплой церковью и помѣщеніемъ для поклонниковъ. Говорятъ, что постройка храма длилась двадцать три года. Осмотрѣвъ внутренность храма, заново отдѣланнаго, съ превосходнымъ иконостасомъ и богатыми орнаментами, мы попытались разобратъ чьей кисти принадлежалъ запрестольный образъ „Тайной вечери“ припесенный въ даръ церкви, ко дню ея освященія, императрицей Екатериной II.

Святыней храма признается частица мощей св. апостола Андрея Первозваннаго, приобрѣтенная А. Н. Муравьевымъ въ Италіи и установленная въ маленькомъ ковчегѣ передъ иконостасомъ.

Мы вступили изъ церкви на площадку вокругъ собора, къ которой вели, съ улицы Стараго Кіева, 50 широкихъ чугунныхъ ступеней. Внизу подъ нами открылась сказочная панорама: блѣдно-сѣрою сталью сверкали днѣпровскія воды, разливаясь по луговьямъ до

самаго горизонта. Вся пабережная выступала какъ на ладони со своими парходами-кубышками, берлинами, барками, байдаками и гонками. По низовью берега протянулись ровныя, прямыя улицы Подола, надъ домами котораго, въ разныхъ мѣстахъ, выступали фасады и купола церквей.

Покидая этотъ живописный для обозрѣвателя пунктъ, я бросилъ прощальный взоръ на андреевскій храмъ, какъ бы стараясь надолго запечатлѣть въ своей памяти его изящныя очертанія и благородную, гордую вышность. Не скрою, впрочемъ, что общее впечатлѣніе отчасти умалилось маленькимъ недочетомъ главнаго, средняго купола. Но это было замѣтно только слишкомъ внимательному глазу. Дѣло въ томъ, что средній купольный куполъ недавно подвергался капитальному ремонту, и неизвѣстно, по винѣ ли строителей, или по иной какой причинѣ, но только онъ утратилъ первоначальную свою форму, приданную ему графомъ Растрелли. Получились какія-то контурныя утолщенія линій купольной главы и это представляло собою какъ-бы слѣдъ грубаго прикосновенія невѣжественной руки къ прекрасному. Нарушалась, такимъ образомъ, не умышленно, можетъ быть, архитектурная симметрія и, если можно такъ выразиться, грація.

Преднамѣренно мы дали крюку, чтобы попасть на Крещатикъ и затѣмъ, по Михайловской или Костельной улицамъ, подняться къ Златоверхо-Михайловской обители. Крещатикъ не должно смѣшивать съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ нѣкогда крестилась Русь и двѣнадцать сыновей св. Владиміра. Это не болѣе какъ главная улица Кіева, напоминающая отчасти Невскій проспектъ или Кузнецкій мостъ въ Москвѣ. Она тянется отъ Бибиковского бульвара до Царской площади, раздѣляя городъ на двѣ возвышенности Старокіевскую и Липки. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ на ея мѣстѣ былъ

оврагъ болотистый и грязный, а во время оно она составляла, такъ называемое, дно *перевѣшища* *). Тому, кто хорошо знаетъ исторію многострадальной „матери городовъ русскихъ“,—Кіева, остается только удивляться его, почти волшебному, возрожденію. Оно какъ будто происходитъ по маніи незримыхъ чародѣевъ: всюду воздвигаются колоссальныя сооруженія, уширяется сѣтъ электрической городской дороги, водопроводовъ и телефоновъ.

Крещатикъ—это централизація лучшихъ торговыхъ домовъ, магазиновъ и кафе. Онъ содержится сравнительно чище и даже наряднѣе другихъ улицъ, но оставляетъ желать еще многого. Крещатикъ привлекателенъ вечеромъ, когда мягкій фосфорическій свѣтъ электричества озаряетъ его тротуары, съ густой толпой гуляющихъ.

Не безъ усилій, мы сдѣлали крутой подъемъ по Костельной улицѣ и взобрались на юго-восточную часть Старокіевской возвышенности. На западѣ она отдѣлялась отъ андреевскаго холма, гдѣ мы только что были, Боричевымъ токомъ (взвозомъ), или по старинному *Чертовымъ беремищемъ*. По преданію, именно съ вершины древяго Кіева, черезъ Боричевъ взвозъ, былъ совлеченъ въ р. Почайну идолъ Перуна, отчего и путь его униженія прозванъ Чертовымъ путищемъ или беремищемъ. Старокіевская возвышенность, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится Златоверхо-Михайловскій монастырь, представляла собой въ древности плоскогоріе, поросшее лѣсомъ. Точныхъ данныхъ объ основаніи Михайловскаго монастыря не имѣется, но по преданію онъ заложенъ первымъ Кіевскимъ митрополитомъ Михаиломъ, въ 988 г. По крайней мѣрѣ, іерархическіе каталоги указываютъ, что Михаилъ былъ родомъ Сиринъ и пришелъ

*) Перевѣшищемъ называлась въ старину овражистая мѣстность, гдѣ «дѣялись ловы звѣрей», т. е. охота на звѣря, для чего *перевѣшивались* съ одной стороны оврага на другую ловчія сѣти. *Авт.*

въ Кіевъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Владиміромъ изъ Корсуня. Ему-же приписывается и обрядъ крещенія надъ Русью. За нимъ послѣдовало, по благословенію константинопольскаго патріарха Николая Хрисоверха, нѣсколько корсунскихъ монаховъ — грековъ, съ цѣлью пасажденія православія въ языческой Руси*).

Михаилъ выстроилъ церковь во имя архистратига Михаила Архангела. Церковь, въ то отдаленное время, была деревянная, съ обителью при ней для греческихъ иноковъ. Такъ начался Златоверхо-Михайловскій мужской монастырь. Но названіе „златоверхаго“ обитель получила только въ 1108 году, при великомъ кіевскомъ князѣ Святополкѣ (Михаилѣ) Изяславичѣ, который соорудилъ каменный храмъ съ пятнадцатью позлащенными куполами. Внѣшній видъ храма и понынѣ сохранилъ почти тѣ же очертанія, за малымъ измѣненіемъ, какія были приданы ему при его основателѣ Святополкѣ Изяславичѣ.

Поравнявшись съ бѣлой церковной оградой, опоясывающей со стороны Костельной улицы монастырь, мы приблизились къ воротамъ обители. Настѣнная живопись на загибѣ ограды у самыхъ воротъ изображала страданія св. великомученицы Варвары и архистратига Михаила, окруженнаго сонмомъ святыхъ. Краски, мѣстами, отъ атмосферическихъ вліяній потускнѣли и вообще самъ рисунокъ не представлялъ изъ себя ничего выдающагося въ смыслѣ художественномъ. Фигуры были непропорціональны и свидѣтельствовали о несовершенствѣ кисти. За нашей спиной, тыломъ къ намъ,

*) Сильвестръ Коссовъ, — въ Хронологіи митрополитовъ кіевскихъ, изданной при польскомъ Печерскомъ Патерикѣ, — слѣдуя Палинодію, а Палинодію Баронію, полагаютъ, что яко бы Михаилъ пришелъ въ 1000 году, отъ патріарха Сергія и тогда уже крестилъ Русь и учредилъ русскія епархіи. Но эта ошибка происходитъ оттого, что Бароній и обращеніе Владиміра въ христіанство относятъ къ 1000 году, что совершенно не согласно съ лѣтоисью пр. Пестора. *Авт.*

опять возвышался, посреди знакомой уже Софійской площади, памятникъ Богдана Хмѣльницкаго, а далѣе каедральный соборъ св. Софїи. Казалось, что оба храма Михайловскій и Софїйскій, какъ бы раздѣленные только площадью, стремятся на встрѣчу другъ къ другу. Въ дѣйствительности, создатель Михайловскаго храма, великій князь Святополкъ Изяславовичъ, при его внутренней отдѣлкѣ, придерживался подражанія Софїйскому собору. Были исполнены тѣ же мозаичныя работы въ алтарѣ, тѣ же фрески съ фигурами и сценами на тексты св. писанія. Теперь, разумѣется, отъ этихъ древнихъ изображеній не осталось и слѣда. Только надъ горнимъ мѣстомъ, средней части алтаря, сохранились какимъ то чудомъ остатки мозаики Святополка.

Едва мы вошли подъ воротную арку, какъ надъ нашими головами зазвучалъ большой колоколъ—благовѣстникъ. Оказалось, что ворота служатъ главнымъ основаніемъ трехъярусной монастырской колокольни, которая многимъ напоминаетъ лаврскую колокольню Успенскаго собора... Говорили, что фасадъ ея сначала предполагалось вывести въ четыре яруса; по проектъ былъ измѣненъ по неизвѣстной причинѣ и монастырская колокольня поэтому имѣетъ какъ бы незаконченность и какую-то недодѣлку. На карнизахъ всѣхъ трехъ ярусовъ ютятся голуби, воробьи и прочая пернатая птица. Мы вошли на хорошо содержимый монастырскій дворъ и рѣшили подробно ознакомиться со всѣми монастырскими зданіями, пока начнется всеобщая. Какъ разъ, по лѣвую руку, при выходѣ изъ воротъ во дворъ, въ небольшой каменной пристройкѣ, помѣщалась монастырская книжная лавка, гдѣ мы приобрѣли по одной книжкѣ житія св. Варвары Великомученицы и ея образки, исполненные рѣзнымъ способомъ на мѣди.

Если смотрѣть на кровлю храма, то кажется будто вся она составлена изъ однѣхъ башенокъ и куполовъ. При ведренномъ днѣ, когда особенно ярокъ притокъ

солнечныхъ лучей, или въ часъ багрянаго заката, храмъ кажется огромнымъ пылающимъ жертвенникомъ. Золотыя главы блещутъ огнями и сливаются въ одно общее сіяніе. Впечатлѣніе получается неотразимое и рѣдкое. Кто бывалъ въ Кіевѣ, тотъ навѣрное, несмотря на всю грандіозную внѣшность храма св. Софїи, отдавалъ предпочтеніе архитектурѣ Михайловскаго монастыря. Тѣмъ болѣе, что оба эти храма какъ бы умышленно расположены другъ противъ друга для соревнованія въ красотѣ.

Михайловскій Златоверхій монастырь перенесъ за время своего существованія не мало бѣдствій и перемѣнъ. Орды Батые въ 1240 году предали монастырь грабежу и содрали позолоту съ куполовъ. Почти два съ половиною вѣка обитель находилась въ развалинахъ. Неизвѣстный игумень Макарій получилъ отъ польскаго короля разрѣшеніе на возстановленіе иноческой общины и храма, а въ 1621 году Михайловскій монастырь былъ обновленъ извѣстнымъ въ исторіи церкви игуменомъ Іовомъ Борецкимъ, впоследствии бывшимъ митрополитомъ кіевскимъ. Въ его время, Софійскій соборъ находился во власти іезуитовъ и польскаго духовенства, поэтому Борецкій, а затѣмъ и его преемникъ Исаія Копинскій, учредили свою катедру въ Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ. Тогда же Борецкимъ была основана на сѣверной сторонѣ храма деревянная церковь во имя св. Іоанна Богослова и при ней учрежденъ женскій монастырь, гдѣ первой игуменьей была и доживала дни свои бывшая супруга Борецкаго. Объ имени ея исторія умалчиваетъ. Спустя нѣкоторое время Богословская деревянная церковь была замѣнена нынѣшней каменной трапезной церковью во имя св. Іоанна Богослова, которая находится на южной сторонѣ главнаго храма. Въ 1712 году женскій монастырь былъ переведенъ по сосѣдству Іорданскаго женскаго монастыря на Плоское. Задолго до того, гетманъ Богданъ Хмѣль-

ницкїи, возобновилъ позолоту куполовъ храма. Починъ его поддерживается и до нашихъ дней. Древній фасадъ храма имѣлъ совершенно иную планировку, которая была измѣнена при Петрѣ I пристройкой южнаго и сѣвернаго,—во имя св. Великомученицы Варвары придѣловъ. Съ 1799 года при Златоверхо-Михайловской обители учреждена викаріальная кафедра епископовъ Чигиринскихъ, имѣющихъ свою домовую церковь во имя св. Николая. Они считаются, съ того времени, настоятелями обители. Церковь помѣщается при архіерейскомъ домѣ, позади алтаря главнаго храма. Въ ней очень часто отправляются архіерейскія служенія, что привлекаетъ немалое число молящихся. Приписанный къ первому классу монастырь насчитываетъ въ своихъ стѣнахъ свыше полутора ста человекъ монашествующихъ.

Въ притворѣ мы застали немногихъ странниковъ. Это были, большинствомъ, люди недужные, пришедшіе сюда поклониться мощамъ св. Великомученицы, испросить себѣ исцѣленія. Обезсиленные длинными переходами, они сидѣли на каменномъ полу притвора у стѣнъ и ихъ страдальческіе глаза, казалось, искали безсознательно сочувствія проходящихъ. У деревяннаго основанія большой иконы, справа, полулежала на полу жепщина съ наглухо повязаннымъ промокшими тряпками лицомъ. Должно быть она испытывала нестерпимую боль, потому что, изъ-подъ тряпокъ, вырывался поминутно болѣзненный рѣзкій шепотъ:

— О, Господи, Господи!

Мы спросили у свѣчника-инока, продающаго за стойкой, возлѣ выхода, свѣчи:

— Что у нея?

— Волчанка,—отвѣтилъ невозмутимо тотъ. Онъ, видимо, привыкъ, стоя на своемъ посту, видѣть самыя тяжкія формы человѣческихъ недуговъ.

Войдя въ храмъ, низкимъ аркообразнымъ корридоромъ, уставленнымъ иконами, съ мерцающими цвѣтными

лампадами, мы достигли придѣла, гдѣ находилась рака съ останками св. Варвары. Насъ объялъ таинственный полумракъ. Свѣтъ слабо проникалъ изъ высокихъ церковныхъ оконъ, слабое мерцаніе лилось отъ висячихъ передъ ракой лампадъ... Простертыя на полу, передъ святыней, три жепскихъ фигуры тихо молились. Неуловимый шепотъ проносился подъ сводами храма, точно вѣяніе незримыхъ крыльевъ. Опъ то замиралъ, то возвышался и порой среди него прорывался страстно-молитвенный возгласъ. У самой раки, въ изголовьи, стоялъ молодой еще, сравнительно, инокъ. Передъ нимъ на особомъ поставцѣ были разложены крестики, образки и колечки отъ св. мощей, которые пріобрѣтали вѣрующіе. Тому, кто прикладывался къ святынѣ, инокъ возлагалъ на голову металлическій вѣпчикъ. По религіозному убѣжденію вѣрующихъ, вѣпчикъ имѣетъ цѣлебное свойство отъ головной боли и происхождение этого свойства въ зависимости отъ кончины св. страдальицы. Какъ извѣстно, св. Варвара была обезглавлена. Отсюда страдающіе головной болью вѣрятъ въ цѣлебную силу вѣпчика, лежащаго на томъ мѣстѣ, гдѣ должна была бы паходиться голова Великомученицы, которая, къ великому огорченію вѣрующихъ, не была обрѣтена вмѣстѣ со святыми останками.

Передъ ракою отправляются почти непрерывныя молебны.

Едва только раздались первые возгласы священника, какъ неизвѣстно откуда собрался народъ. Пришла и страдающая женщина изъ притвора. Изъ-за каждой колонны выступалъ кто-нибудь, скрытый дотолѣ и тихо пробирался къ мѣсту молебна. Казалось, что вмѣстительный храмъ, со своими извилистыми переходами и старинной живописью, мѣстами поновленной, какъ бы выдвигалъ изъ своихъ безмолвныхъ стѣнъ богомольцевъ.

Не могу отказать себѣ въ чувствѣ изумленія, овладѣвшимъ мною при видѣ гробницы св. Варвары. Бо-

гатство ея отдѣлки, тонкая художественная работа, общій величественный видъ поражаютъ самаго поверхностнаго наблюдателя. Ради внимательнаго осмотра я, быть можетъ, нарушилъ требуемую храмомъ сдержанность и приношу въ этомъ повинную. Но, положительно, трудно было удержать приступы любопытства. Съ пѣ-
 мымъ восхищеніемъ я рассмотрѣлъ великолѣпную рѣзбу по серебру орнаментовъ, покрытыхъ матовой позолотой. Гробница, вылитая изъ серебра 84-й пробы, поддерживается по угламъ четырьмя серебряными изваяніями ангеловъ. На стѣнкахъ ея мастерски изображены рельефомъ эпизоды страданій святой, а крышка украшается фигурой Великомученицы во весь ростъ, также рельефной отливки, съ сіяніемъ вокругъ головы изъ драгоценныхъ камней. Все, начиная отъ рисунка гробницы до ея подножія, компановка фигуръ и тѣней—дѣло тонкаго вкуса и изящнаго творчества. Надъ ракой простирается серебряная литая сѣнь, не уступающая, по успѣху выполненія, гробницѣ. Для всего издѣлія потребовалось серебра около 24½ пудовъ, стоимостью вмѣстѣ съ работой 43,000 руб. По сообщенію монаха, дежурящаго возлѣ мощей, гробница принесена въ даръ обители графиней Анпой Алексѣевной Орловой-Чесменской. Основаніемъ ей служить чугузная панерть со ступенями, огражденная такой же рѣшеткой. Я уже упоминалъ о лампадахъ разныхъ размѣровъ, озаряющихъ гробницу и прикрѣпленныхъ къ передней части сѣни. Между ними самая дорогая—средняя, изъ чистаго золота, пожертвованная императрицей Екатериной II, съ украшеніемъ жемчужинами и брилліантами кистью. Всѣ эти многочисленныя лампы разной формы и цвѣта—даръ усердныхъ почитателей св. Варвары. Императрица Екатерина II прислала также дорогой покровъ на мощи и вообще покровительствовала обители.

Другая святыня монастыря—серебряная съ позолотой икона усѣченной главы св. Варвары, имѣющая

высокую цѣнность, благодаря драгоцѣнностямъ жертвователей, вдѣланнымъ въ ризу. Самымъ крупнымъ даромъ является перстень императрицы Елисаветы Петровны съ брилліантомъ рѣдкой грани и величины и кольцо императрицы Анны Иоанновны не меньшей стоимости съ такимъ же камнемъ.

Императоръ Александръ I въ 1817 году пожертвовалъ монастырю замѣчательный по исполненію образъ архистратига Михаила. Въ золотой ризѣ, украшенный брилліантами, онъ, по тому времени, былъ оцѣненъ въ пятьдесятъ тысячъ рублей ассигнаціями. Образъ этотъ считается храмовымъ.

Какимъ путемъ мощи св. Варвары были доставлены въ Кіевъ—точныхъ указаній нѣтъ. Историческая справка ссылается на подкрѣпленное вѣками преданіе, что они привезены въ Кіевъ женою Святополка II, основателя обители, Варварой, урожденной греческой царевной изъ династіи Комненовъ. Выходя замужъ за великаго князя кіевского Святополка, царица Варвара получила св. мощи въ приданое. Греческіе и наши хронографы не обозначаютъ года прибытія св. мощей въ Кіевъ, но судя по дальнѣйшимъ событіямъ, это обстоятельство могло имѣть мѣсто въ концѣ XI в., потому что въ 1094 г. великій князь Святополкъ вступилъ въ бракъ вторично съ дочерью половецкаго хана Тугоркана, когда у него уже были отъ первой жены Варвары сынъ Ярославъ и двѣ дочери Сбислава, супруга польскаго короля Болеслава Кривоустаго, и Предслава, жена венгерскаго королевича Николая Коломана. Княжичъ Ярославъ былъ уже тогда взрослый. Соображаясь съ возрастомъ княжескихъ дѣтей, можно заключить, что Святополкъ женился въ первый разъ не позже 1075 г., приблизительно на 25 году отъ роду, такъ какъ онъ родился въ 1050 г. Въ монастырскомъ архивѣ существуетъ описаніе „о честныхъ мощахъ святой Велико-мученицы Варвары“, относящееся къ 1670 году. Тамъ

сказано: Алексѣя Комнина, царя греческаго дщерь, именемъ Варвара, та отходяща отъ Царяграда въ россійскія страны, умоли отца своего, да дасть ей честныя мощи св. великомученицы Варвары и, взявши я, во градъ съ собою припесе“.

До постройки каменнаго храма архистратига Михаила, мощи находились нѣсколько лѣтъ въ деревянной Михайловской церкви, гдѣ лежали въ кипарисовомъ гробу, въ которомъ, очевидно, прибыли изъ Константинограда. Во время господства Батяя иноки, опасаясь надругательства татаръ надъ святыней, зарыли ее подъ церковью. Послѣ освобожденія отъ татарскаго ига, мощи были извлечены изъ-подъ снуда.

Въ монастырской ризницѣ до сихъ поръ хранится деревянный гробъ изъ сосновыхъ досокъ, въ которомъ, по преданію, были привезены изъ Византіи мощи св. Варвары. Надо полагать, что прежнія доски кипарисовыя, какъ свидѣтельствуя лѣтописцы, отъ вліянія времени истлѣли и были замѣнены сосновыми. Еще задолго до устройства графиней Орловой-Чесменской богатой гробницы, о которой мы говорили уже, гетманомъ Иваномъ Мазепою была сооружена для св. мощей серебряная вызолоченная рака, имѣвшая форму простаго гроба, а подъ нее четырехугольный помостъ, облицованный серебряными досками съ позолотой. Помостъ нѣсколько разъ передѣлывался, что подтверждается начертанной на немъ надписью. Гробница, пожертвованная Мазепою, также отличается художественными рельефами стариннаго рисунка и арабесками. Надпись внутри гробницы на крышкѣ доказываетъ, что рака въ 1797 г. была передѣлана. Теперь гробница установлена въ южномъ придѣлѣ храма и заключаетъ въ себѣ частицы мощей разныхъ святыхъ!

Каждый вторникъ, предъ началомъ литургіи, св. Великомученицѣ читается акаѳистъ, установленный и сочиненный въ XVIII в. кіевскимъ митрополитомъ

Иосафомъ Краковскимъ. Въ это же время, въ гробницу святой, на томъ мѣстѣ, гдѣ должна быть голова великомученицы, устанавливается икона—даръ Александра Благословеннаго—и уносится обратно въ ризницу, по окончаніи акаѳиста.

Нѣсколько паломниковъ тѣснились около инока, сидящаго за небольшимъ столикомъ, въ придѣлѣ св. Варвары и записывали поминанія, заказывали требы. Установленной платы не было; каждый давалъ сколько могъ. Мы спросили инока, куда направляются эти скромныя лепты. Онъ отвѣтилъ:

— Это жертва добротная и собирается въ кружку. Потомъ изъ кружки идетъ дѣлежка между всею братіей монастырской.

Дальше разспросить не удалось. Богомольцы просили инока снабдить ихъ масломъ отъ лампадъ, горящихъ у гробницы и святой водой. Нѣкоторые изъ нихъ протягивали припасенные заранѣе стклянки и мензурки. Инокъ терпѣливо удовлетворялъ все просьбы, приглашая соблюдать очередь.

Одинъ изъ знатоковъ *) южно-русскаго края и его святынь, такъ описываетъ религіозное значеніе св. мощей для католическаго міра:

„Въ 1644 г., при митрополитѣ кievскомъ Петрѣ Могилѣ, по прошенію сенатора польскаго, канцлера Георгія Оссолинскаго, прибывшаго въ Кіевъ для поклоненія мощамъ св. Варвары, дана была ему часть перста правой руки св. Великомученицы. Въ 1650 году, при митрополитѣ кievскомъ Сильвестрѣ Коссовѣ, даны были великому гетману литовскому князю Яну Радзивиллу, двѣ части отъ персей и отъ ребра мощей св. великомученицы Варвары; изъ нихъ часть, взятую отъ персей, сохранилъ онъ для жены своей, княгини Маріи, дочери молдовлахійскаго господаря Василія. По кончинѣ Ма-

*) Н. Сементковскій. Кіевъ. Изд. 1871 г.

рии, та часть мощей досталась митрополиту кievскому Юсифу Тукальскому, который привезъ ее въ городъ Каневъ; впоследствии, та часть мощей взята была въ г. Батуринъ, гдѣ она и донинѣ находится въ монастырѣ св. чудотворца Николая Батуринскаго. Другую часть, меньшую, взятую отъ ребра, князь Радзивиллъ послалъ въ даръ бискупу виленскому Георгію Тышкевичу, который убѣдительно просилъ его достать частицу мощей св. великомученицы Варвары, для всегдашняго чествованія ревностныхъ католиковъ. Принявъ безцѣнный даръ, бискупъ сохранилъ его въ палатахъ своихъ, въ ковчегѣ изъ кебеваго дерева. Случился пожаръ въ палатахъ бискупскихъ и онѣ сгорѣли совершенно; только послѣ пожара, найденъ былъ ковчегъ съ частью мощей св. великомученицы Варвары, ни мало не поврежденнаго. Также частица отъ мощей св. Варвары дана была въ 1657 году, по соизволенію митрополита кievскаго Сильвестра Коссова, патріарху антиохійскому Макарію, который, бывши въ Кіевѣ и поклоняясь св. мощамъ, рассказывалъ въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ слѣдующее: городокъ Иліополь, гдѣ пострадала св. великомученица Варвара, находится въ его патріархіи, невдалекѣ отъ Антиохіи. Когда сталъ онъ развѣдывать о мощахъ ея святыхъ, то узналъ, что ихъ уже нѣтъ тамъ и нигдѣ на востокѣ, и что съ давнихъ временъ должны онѣ находиться въ землѣ россійской и именно въ Кіевѣ“.

„Въ 1710 г. открылась сильная смертная болѣзнь не только въ Кіевѣ, но и въ окрестныхъ городахъ и селахъ; началась она съ марта и продолжалась даже до января. Рука Господня столь на многихъ отяготѣла, что не только частныхъ людей дома, но и св. обители опустѣли, а во многихъ мѣстахъ совершенно не стало жителей. Одной только Михайловской Златоверхой обители, гдѣ почитаютъ чудотворныя мощи св. великомученицы Варвары, не коснулась губительная язва и ни одинъ изъ живу-

щихъ въ пей братіи не умеръ, не взирая на то, что св. обитель была отворена для всѣхъ, притекавшихъ на поклоненіе св. мощамъ великомученицы. Тоже самое повторялось въ тѣ годы, когда свирѣпствовала губительная холера. Эта благодатная, врачующая сила мощей св. великомученицы Варвары, извѣстна не однимъ православнымъ, но и католикамъ, которые благоговѣнно чтутъ великомученицу“.

Тотъ же авторъ приводитъ примѣръ дальнѣйшей судьбы частицъ мощей св. Варвары. Онъ рассказываетъ, опираясь на историческія данныя, что:

„При мощахъ св. великомученицы Варвары бываютъ и донныя непрестанныя чудеса и различныя исцѣленія. Лѣвой руки великомученицы Варвары при св. тѣлѣ ея не находится; издревле удержана была она въ Греціи. При православномъ митрополитѣ кievскомъ Петрѣ Могилѣ, принесена была она въ Польшу грекомъ изъ царскаго дома Кантакузиновъ, докторомъ медицины Мозелемъ и положена въ построенную имъ въ г. Луцкѣ (Волинской губ.), во имя Воздвиженія Честнаго Креста Господня, каменной церкви Братской. Спустя много лѣтъ, при епископѣ луцкомъ, преосвященномъ Гедеонѣ, князѣ Четвертинскомъ, бывшемъ впослѣдствіи митрополитомъ кievскимъ, евреи обокрали Братскую церковь и, между прочими утварями церковными, похитили и св. руку, хранившуюся въ серебряномъ ковчегѣ; ввергли ее въ разожженую виокуренную печь, гдѣ день и ночь палимая огнемъ св. рука осталась невредимою. Увидѣвъ это, безбожные похитители вынули изъ печи святую, столь чудесно неповрежденную руку, и начали ночью разбивать ее желѣзными молотами; раздробивъ опую съ трудомъ на части, снова ввергли въ горящую печь, но вскорѣ, по розысканіи о похищеніи и по поводу слышаннаго чрезвычайнаго, происходившаго при раздробленіи молотами костей шума, дивными судьбами Божиими, злодѣйство нечестивыхъ евреевъ было открыто.

Когда о святой рукѣ стали допрашивать евреевъ и они не хотѣли признаться, тогда православные придумали выгрести пепель изъ печи и просѣвать его чрезъ рѣшето; во время просѣванія появились малыя части сокрушенныхъ мощей св. руки, тамъ же найдено было бывшее на ней коралловое украшеніе, не обратившееся въ пепель, а только побѣлѣвшее. Послѣ того сознались безбожные евреи въ своемъ похищеніи. По благословенію бывшаго тогда епископа луцкаго Гедеона, та раздробленная рука св. великомученицы Варвары, вложена была со всѣми обрѣтенными ея частицами и убѣленными огнемъ кораллами, въ нарочно сдѣланный ковчежець и, при торжественномъ крестномъ ходѣ, внесена въ престольную православной епископіи луцкой, въ св. Іоанна Богослеса церковь. Преосвященный Гедеонъ, во время гоненія на православіе, переселившись изъ епископіи луцкой въ Кіевъ, привезъ съ собою и ковчежець, съ сокрушенной великомученицы Варвары рукою и когда назначенъ былъ кіевскимъ митрополитомъ, тогда и св. руку великомученицы, въ томъ же ковчежцѣ, положилъ въ кіевской Софійской церкви, гдѣ она и до сего времени находится“.

Изъ только что приведеннаго описанія, видно, что тѣло св. великомученицы, находящееся въ Златоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ, лишено нѣкоторыхъ своихъ частей и составляетъ предметъ одинаковаго поклоненія, какъ православныхъ, такъ и католиковъ. Напрасно, поэтому, многіе изъ духовенства римско-католической церкви, отвергаютъ фактъ поклоненія католиковъ св. мощамъ. Въ наши дни, когда возбужденъ давно желанный вопросъ о сліянніи церквей, по образу бывшаго вселенскаго единенія, случай почитанія католиковъ св. Варвары играетъ не маловажную роль. Онъ лишній разъ доказываетъ только какъ много общности, — не касаясь легко устранимыхъ догматическихъ преніятей, — между нѣкогда согласными церквами: греческой и рим-

ской. Уже во взаимномъ почитаніи святынь той и другой церкви,—напр., русскими иконы Остробрамской Богоматери въ Вильнѣ,—виденъ благотворный залогъ и близость единенія, расторгнутаго непомѣрнымъ властолюбіемъ средневѣковой римской куріи.

Я самъ былъ не разъ очевидцемъ, какъ прихожане кіевского костела, сосѣдняго съ обителью, возвращаясь отъ католической мессы, посѣщали Златоверхій храмъ для поклоненія православной святынѣ. Не говоритъ ли это краснорѣчивѣе всего, что разобщеніе церквей—дѣло искусственно созданное, не свойственное духу чистой неподкупной вѣры?

Въ настроеніи возвышеннаго умиленія я оставилъ гробницу со св. останками. Передо мной сверкалъ сплошной позолотой и смотрѣлъ хорошо выписанными лицами святыхъ богатый монастырскій иконостасъ. Въ переднемъ придѣлѣ мнѣ указали, на правой сторонѣ, усыпальницу основателя храма Святополка II, а напротивъ—супруги его Варвары. Это—двѣ ниши, съ оштукатуренными по кирпичу надгробіями. Кромѣ этихъ двухъ гробницъ, въ храмѣ погребены князья: Святополкъ Юрьевичъ, Глѣбъ Юрьевичъ, князь Туровскій, Андрей и Святославъ Владиміровичи, митрополитъ Іовъ Борецкій, и много потрудившіеся для расширенія и благосостоянія обители-викаріи Аполлинаріи.

Въ придѣлѣ, посвященномъ имени св. Варвары, ежегодно 5 декабря совершается соборне литургія и крестный ходъ съ мощами великомученицы, на которомъ присутствуютъ тысячи православныхъ и католиковъ. Распредѣленіе служеній въ монастырѣ приходится на 3-й часъ утра (утреня); 6-й—ранняя литургія и 9-й—поздняя. Храмовое празднество въ честь архистратига Михаила—8 ноября.

Наступалъ вечеръ,—какъ бы въ укоръ мокрому дню,—ясный и свѣжій. У двухъэтажнаго зданія монастырской гостиницы, на лавочкѣ мирно сидѣли постояльцы, сред-

ней руки, и о чемъ-то допытывались у монастырскаго служки:

— Говорите, братъ, что владыко завтра не будетъ служить?

— Не можетъ, не можетъ.

— А что за причина? Въ воскресенье онъ вѣдь, за-всегда, въ своей церкви св. Николая служить.

— А нынѣ не будетъ. Нынѣ у него роспись ипая. По первоначально поѣдетъ въ Теофаніевскій скитъ; тамъ соборное служеніе...

— Извините,—перебилъ я,—это далеко отсюда?

— Пустынь-то? Нѣтъ—близко. Верстовъ 16-ть,—отвѣтилъ служка.

— А какъ пробраться къ ней?

— Можно пѣшой, съ поклопничками, а то Дгѣп-ромъ. Ходятъ еще подводы до Лазаревщины. Завтра тамъ много народу будетъ.

Гостинница ничѣмъ замѣчательнымъ не выдѣля-лась и мы оставили ее безъ осмотра. Узнали только одно, что въ ней имѣется до 30-ти комнатъ, отдаваемыхъ пріѣзжимъ богомольцамъ за особую плату съ бѣльемъ и столомъ. Бѣдняки пользуются пріютомъ безвозмездно.

Между общимъ всѣмъ монастырскимъ гостинницамъ видомъ, она отличается тѣмъ, что при ней имѣется до-мовая церковь во имя Казанской Божіей Матери, гдѣ совершаются всѣ установленныя богослуженія.

Небольшія боковыя ворота, продѣланныя въ стѣнѣ между гостинницей и трапезной церковью, вывели насъ на улицу. Въ стѣнѣ краснѣлъ какой-то рельефъ, изображающій два одинаковыхъ слѣпка архистратига Ми-хаила на конѣ, побѣждающаго змія. Камень, на кото-ромъ высѣчены фигуры—красный шпферъ. Изсѣченіе видимо древнее и далеко не художественное. Такіе релье-фы часто попадаются на глаза археологамъ, отрываю-щимъ какія нибудь руины: средневѣковаго замка или храма. Обыкновенно они украшали собой стѣны или

ворота съ подъемнымъ мостомъ и гербомъ феодальнаго владѣльца. За оградой обители насъ встрѣтилъ городской шумъ, звонъ конокъ, предложенія кievскихъ возницъ—все это не гармонировало, съ только что пережитой нами тишиной древянаго монастыря, такъ услужливо подсказавшей мнѣ отдаленныя событія зарожденія православныхъ основъ, на которыхъ, въ наши дни, красуются столь величественные памятники церковной исторіи.

VI.

Черезъ Софiевскую площадь тянулась вечерняя тѣнь отъ памятника „запорожскаго батьки“ Богдана Хмѣльницкаго. И коиь, и чугунный всадникъ, и булава славнаго гетмана принимали чудовищныя очертанія. Я долго простоялъ возлѣ изваянія. Меня покорила историческая фигура малороссійскаго владыки... Властный поворотъ корпуса, застывшее мановеніе властной руки съ булавой, привыкшей повелѣвать своевольными сѣчевыми удалыцами. Все такъ картинно и полно выраженія. Казалось, что вслѣдъ за боевымъ гетманомъ ниспадала лавиной на враговъ казацкая громада, чтобы вступить съ ними въ кровавую сѣчу за „вѣру православную и св. церковь“.

А между тѣмъ надпись на пьедесталѣ монумента гласила о болѣе мирномъ, но торжественномъ событіи. Она отмѣчала присоединеніе запорожцевъ къ Россіи при императорѣ Петрѣ I. И слова надписи заявляли объ этомъ событіи слѣдующимъ краткимъ, но энергичнымъ призывомъ гетмана:

„Валимъ подъ царя бѣлаго, православнаго!“

Воображенію оставалось дополнить, какъ отозвалась на этотъ мощный призывъ, послушная своему лихому „батькѣ“ казацкая громада. Проектъ памятника принадлежитъ покойному художнику Микѣшину, даровитому знатоку украинскаго быта. Вышолненіе проекта отмѣчено крупнымъ талантомъ.

Но вниманіе мое вскорѣ было отвлечено густымъ бархатистымъ, если такъ можно выразиться, звономъ большаго кафедральнаго собора св. Софіи. Побывать въ Кіевѣ и не осмотрѣть софійскій храмъ, это все равно, что побывать въ Римѣ и не повидать папы.

Звонили ко всеобщей. На протяженіи правой стороны площади бѣлѣла кирпичная оштукатуренная ограда, отдѣляющая соборныя строенія отъ городскихъ зданій. Она располагала нѣсколькими выходами, изъ которыхъ главный приходился прямо противъ памятника. Это были соборныя ворота, съ углубленной сводчатой аркой, которыя вводили богомольца во внутренность обширнаго и чисто содержимаго двора. Надъ ними вставала, въ нѣсколько ярусовъ, высокая колокольня, откуда плавно изливался могучій благовѣсть. Колокольня мало чѣмъ разнилась отъ своей ближайшей сосѣдки колокольни Златоверхо-Михайловскаго монастыря. Та же почти архитектура, тѣ же исполненскіе контуры, только болѣе рѣзкой кладки. Капители и базики колоннъ носили упрощенный, но стройный видъ. Надъ вѣ, при входѣ въ воротную арку, тянулась длинная стойка, съ ящиками подъ стекломъ, гдѣ можно было получить просфоры, молитвенники, образки, вѣнчики и др. церковныя вещицы. Тутъ же распродавались по дешевкѣ и поминальныя книжечки, кетати сказать, очель изящныя въ картонныхъ футлярахъ. Одну изъ нихъ я незамедлительно приобрѣлъ себѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ подробному описанію древностей и святынь св. Софіи, остановлюсь на исторической справкѣ основанія этого древле-русскаго святилища.

Совершенно точно, съ хронологической подробностью, установить годъ основанія Кіево-Софійскаго собора затруднительно, по недостатку ясныхъ объ этомъ свѣдѣній. Все таки существуетъ историческій слѣдъ, по которому можно заключить, что церковь заложена при

княженіи на кіевскомъ престолѣ великаго князя Ярослава Мудраго. По приблизительному вычисленію, закладка совершилась между 1019 и 1020 г. какъ періодомъ сравнительно спокойнымъ для княженія Ярослава отъ внѣшнихъ и внутреннихъ неусобиць. Впрочемъ, песторовская лѣтопись повѣствуетъ о годѣ заложенія храма разно: то подъ 1017 г., то подъ 1037 г. По крайней мѣрѣ, лѣтописецъ соединяетъ основаніе церкви съ основаніемъ города, или, вѣрнѣе, Ярославова двора, потому что находимъ въ лѣтописи такія строки:

„Заложилъ Ярославъ градъ великій, у него же града суть врата златія, заложилъ же и церковь св. Софїи“... Очевидно, здѣсь подразумѣваются „Золотыя Ярославовы ворота“, что находятся позади храма, на старокіевской возвышенности. Какъ бы тамъ ни было, но въ 1037 году 4-го ноября состоялось освященіе храма при кіевскомъ митрополитѣ Теофимѣ. Къ тому же времени, кажется, относится и учрежденіе въ немъ митрополїи, т. е. кафедры російскихъ митрополитовъ и главнаго іерархическаго собора. Впослѣдствїи, тамъ же, Ярославомъ было устроено первое въ Россїи книгохранилище духовныхъ книгъ. Это, по большей части, были рукописные переводы церковныхъ отцовъ съ греческихъ подлинниковъ. Но во время частыхъ разореній Кіева отъ варваровъ: половцевъ, печенѣговъ и татаръ, многіе изъ книгъ были уничтожены или расхищены. Также нѣкоторые изъ князей литовско-польскихъ, какъ, напр., Витовтъ, раздали своимъ царедворцамъ не только русскіе кіевскіе монастыри и храмы, но и все заключенное въ нихъ имущество съ землями и угодьями.

При взглядѣ на храмъ, особенно поражаетъ наблюдателя его правильная, почти четырехугольная планировка. Обиліе куполовъ и ихъ симметричное сочетаніе придаетъ внѣшности собора, какую-то подавляющую величіемъ древности, прелесть. На глазомѣрѣ высота

главной церкви, безъ пристроекъ, можетъ считаться въ 10—11 саженьяхъ. Со стороны востока стѣна храма имѣетъ девять закругленныхъ отдѣленій, предназначенныхъ для запрестольныхъ переборокъ. Собственно храмъ сооруженъ въ два яруса; сѣверный и южный углы, каждый имѣетъ по отдѣльному придѣлу, почти внутри куполовъ. Когда-то, должно быть встарь, между придѣлами Успенія и пр. Антонія и Θεодосія печерскихъ, на южной сторонѣ существовали три входа. Теперь два изъ нихъ задѣланы, кромѣ средняго. На верхнія галереи ведутъ каменные внутреннія лѣстницы, по сводамъ и стѣнамъ которыхъ уцѣлѣли донныя старинныя фрески, хотя отъ влїянїя времени они утратили первоначальную свѣжесть красокъ и потрескались. Внизу храмъ опирается на шестнадцать каменныхъ аркадъ, поддерживающихъ куполь и верхнія части зданія. Съ юга и съ сѣвера, центральный придѣлъ нижняго яруса отграниченъ отъ боковыхъ алтарей восьмигранными колоннами. Вся внутренность храма по стѣнамъ, плафонамъ и аркамъ, вѣроятно въ старину была покрыта фресками. Но отъ нихъ нынѣ остались блѣдные слѣды. Впрочемъ, на нѣкоторыхъ мѣстахъ можно еще различить смутныя изобразенія святыхъ и узорчатую вязь византійско-греческаго характера.

Главный престолъ, внизу, сооруженъ во имя св. Софїи, т. е. „божественной премудрости“, а празднованіе ему отнесено на 8 сентября въ день Рождества Пресвятой Богородицы. Сѣверный боковой придѣлъ во имя великомученика Георгія, въ память нареченія великаго князя Ярослава Мудраго при святомъ крещенїи именемъ Георгія. Но на самомъ дѣлѣ придѣлъ этотъ называется трехсвятительскимъ. Это уже является небольшимъ отступленіемъ отъ древности. Вообще нельзя похвастать намъ особеннымъ почитаніемъ образцовъ, какъ древняго художественнаго письма, такъ и наименованій связанныхъ съ воспоминаніемъ о возникновенїи

нашихъ историческихъ памятниковъ или древностей. Мы, почему-то, стараемся или предавать забвенію все то, что говорить о былыхъ дѣяніяхъ старины, или измѣняемъ своевольно названія предметовъ и мѣстъ, драгоценныхъ по своему историческому прошлому. Ниже, у меня будетъ случай доказать этотъ мой взглядъ не словами, а фактами.

За границей, въ этомъ отношеніи, настъ перецеголяли. Тамъ ничтожное по значенію, но отдаленное по времени событіе всячески ограждается отъ забвенія и ревнито отмѣчается цѣнителями отечественной старины, въ назиданіе послѣдующимъ поколѣніямъ.

Но, объ этомъ слово впереди...

Полукруглый алтарный сводъ георгіевскаго придѣла поражаетъ взоръ своей стѣнной фресковой живописью. На немъ изображенъ, въ колоссальномъ размѣрѣ, великомученикъ Георгій. Противоположный ему придѣлъ, въ южной сторонѣ, посвященъ архангелу Михаилу. Какъ извѣстно, этотъ святой считается патрономъ кievлянъ и входитъ въ гербовое изображеніе Кіева и его губерніи. На недавно обновленномъ шпилѣ городской думы онъ изображенъ съ разящимъ мечемъ въ рукѣ и при солнечномъ освѣщеніи блистаетъ своей новой позолотой, эффектно украшая фасадъ зданія.

О бокъ съ главнымъ престоломъ находится малый придѣлъ, гдѣ нѣкогда помѣщался діаконикъ. Онъ посвященъ памяти родителей Богоматери—Іоакима и Анны. Здѣсь стоитъ остановиться надъ фресками, изображающими жизнь Богоматери, со дня Ея рожденія. Немного сѣвернѣе, расположенъ придѣлъ, посвященный имени великаго князя Владиміра. Въ немъ заключена гробница съ останками Ярослава Мудраго, высѣченная изъ мрамора, давность которой относится чуть ли не ко времени основанія собора. Впрочемъ, это только предположеніе, что прахъ Ярослава почиваетъ именно въ этой гробницѣ. По крайней мѣрѣ, достовѣрныя сви-

дѣтельствъ хронографовъ указываютъ на нее, какъ на надгробный мавзолей, а кости Ярослава покоятся будто бы въ соборной усыпальницѣ, неподалеку отъ главнаго алтаря, въ подпольной нишѣ. Самымъ крайнимъ придѣломъ къ сѣверу, во имя Іоанна Предтечи, нѣкогда Благовѣщенія, заканчивается иконостасъ.

Переходя къ южной сторонѣ храма, снова начинается рядъ придѣловъ: во имя св. Антонія и Θεодосія, Успенія, св. апостоловъ, Срѣтенія. На верхнихъ галлерейхъ—точно также нѣсколько придѣловъ, посвященныхъ памяти Страстей Господнихъ, Богоявленія, Іоанна Божьего слова и др. Самыми верхними престолами, уходящими въ западные купола, считаются во имя Преображенія Господня и Вознесенія.

Внутренность храма не отличается равномѣрнымъ освѣщеніемъ. Отъ этого въ церкви всегда царитъ пріятный полусвѣтъ, какъ бы струящійся откуда-то сверху. Нынѣшній видъ храма немногимъ чѣмъ разнится отъ своей первичной древней формы. Насколько было возможно, позднѣйшія архитектурныя измѣненія пощадили старину, хотя не вездѣ, какъ увидимъ ниже. Когда наружныя стѣны стали приходить въ замѣтную ветхость, были устроены къ нимъ контрафорсы, которые нѣсколько портятъ общее впечатлѣніе извнѣ. Но за то ими поддерживаются древнія стѣны, что даетъ возможность нарисовать въ умѣ первыя, старинныя линіи фасада. При нѣкоторой наблюдательности ихъ можно распознать и теперь, потому что контрафорсы, заходя слегка за второй соборный этажъ, все же открываютъ внимательному глазу общую внѣшность прежней постройки.

Поддержка древнихъ стѣнъ совершилась при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ, больцомъ ревнителѣ отечественной старины. Онъ же поручилъ соорудить верхнія галлерей и надстроить нѣсколько новыхъ куполовъ и фронтоновъ. Какимъ количествомъ куполовъ украшался въ древности соборъ, опредѣлить мудрено. Надо допустить,

что ихъ было гораздо болѣе, чѣмъ теперь, потому что нѣкоторые изъ старыхъ куполовъ скрываются подъ крышею. Тамъ они почти задѣланы наглухо.

Въ нынѣшнемъ видѣ, соборъ св. Софіи увѣичанъ однимъ центральнымъ большимъ куполомъ, не считая того, что на колокольнѣ; затѣмъ слѣдуютъ шесть куполовъ съ крестами, четыре—съ звѣздообразными шпицами и столько же малыхъ безкрестныхъ куполовъ. Симметричная группировка ихъ, яркость позолоты, недавно обновленной, бѣлизна стѣнъ и зеленая крыша—все это, взятое вмѣстѣ, выгодно выдѣляетъ соборъ между другими городскими храмами.

Соборная площадь привлекала мое вниманіе своей оригинальной мостовой. Сюда входили всевозможныя породы камня: кирпичъ нашихъ дней и формовки, кирпичъ незапамятныхъ временъ, шиферъ плитами, сильно пострадавшій отъ времени, еще какой-то камень—понятный только геологу. Должно быть шиферныя плиты нѣкогда украшали соборный полъ, но во время реставраціи нѣкоторыхъ частей храма, за негодностью, онѣ попали въ общество булыжника и кирпича.

Я непритворно удивлялся прочности древней каменной кладки церковныхъ стѣнъ. Онѣ казались несокрушимыми. Что-то вѣковѣчное чувствовалось при взглядѣ на нихъ. Теперь такъ едва-ли строить, какъ въ старину: основательно, крѣпко. Древній кирпичъ, который составлялъ стѣны, былъ рѣдкихъ размѣровъ по длинѣ и ширинѣ. Въ наши дни такого объема кирпича не существуетъ, потому что онъ въ современной архитектурѣ признанъ громоздкимъ и неудобнымъ для работъ. Между тѣмъ старинныя зданія выстаиваютъ цѣлыя столѣтія безъ ремонта, а нынѣшнія зачастую рассыпаются въ моментъ постройки.

Можетъ быть строительная горячка, обуявшая человечество, не терпитъ, за недосугомъ, медленнаго и прочнаго зодчества. Дома вырастаютъ, какъ грибы, съ бы-

стротой, которая и не снислась стародавнимъ строителямъ.

Снова приходится пожалѣть о небреженіи къ отечественной старинѣ, при взглядѣ на наружныя украшенія собора. Онѣ удѣляли кое-гдѣ: напримѣръ, на нѣкоторыхъ карнизахъ, надъ окнами. Остальное представляетъ собою уже образчикъ современнаго строительства. Впрочемъ, непркосновенной сохранилась относительная грубость византійскаго стиля, съ тяжеловатымъ оттѣнкомъ. Особенно это отмѣчено на отдѣлкѣ колоннъ. Всѣ карнизы какъ колоннъ, такъ одинаково и стѣнъ сложены изъ краснаго шифера (*argila rubra*). У главнаго западнаго входа, однако, выступаютъ изъ стѣнъ двѣ мраморныхъ бѣлыхъ колонны, случайно удѣлѣвшія, съ признаками арабесокъ, правда, крайне неразборчивыхъ. Но и это хоть отчасти утѣшаетъ любителя древностей.

На благоустройство и распиреніе храма св. Софїи не мало потрудились русскіе великіе князья и кїевскіе митрополиты. Но на страницахъ его исторїи занесены мрачными чертами эпизоды пережитыхъ въ разное время Кїевомъ бѣдствїй. Такъ, извѣстно, напр., что храмъ св. Софїи подвергался не разъ ограбленію не только отъ иновѣрческихъ враговъ, но и отъ своихъ. Въ лѣтописяхъ находимъ по этому поводу строки, позорящія многихъ изъ древнихъ удѣльныхъ князей. Вотъ какъ описываетъ лѣтописецъ извѣстное ополченіе одинадцати русскихъ князей, подъ предводительствомъ Мстислава Андреевича Суздальскаго въ 1169 году, и набѣгъ Рюрика Ростиславовича съ половцами на Кїевъ:

..... „и сотвориша велико зло въ русской земли, якого же зла не было отъ крещенія въ русской земли... Митрополию святую Софїю и Десятинную святую Богородицу разграбиша, и монастыри всѣ, и иконы одраша, и иныя поимаша, и кресты честные, и сосуды священные, и кпиги и порты блаженныхъ первыхъ князей, еже бяше повѣщали на память себѣ, то все положиша себѣ въ полонъ“.

Да, это было, дѣйствительно, великое зло!

А сколько разъ набѣгали косоги, хищные дикари татары? Одинъ приходъ Батяя въ 1240 г. надолго поколебаль благосостояніе южныхъ церквей. Если софійскій храмъ тогда, сравнительно, избѣжалъ общей участи разрушенія, то развѣ только потому, что стѣнобитныя орудія татаръ находились въ сторонѣ и не могли сильно повредить ему. Все-таки драгоцѣнная утварь собора была похищена врагами.

Послѣ этого еще не разъ софійская святыня подвергалась поруганію. Стоитъ вспомнить литовскаго князя Витовта, хана Едигея, крымца Менгли-Гирея..

Много бѣдъ вынесли на себѣ вѣковыя стѣны св. Софійи.

Возвращаюсь къ внутренности храма. Кое-гдѣ попадаются то барельефы, то полутемныя съ трещинами фрески. Въ большомъ куполѣ замѣчается на двухъ—трехъ аркахъ древняя мозаика. Видны еще въ верхней галлерей подъ арками, дубовые брусья. Безъ всякой надобности брусья въ большинствѣ. были уничтожены при послѣднемъ обновленіи собора и это, до извѣстной степени, ослабило внутренній древній видъ храма. Будто уже нельзя было миновать какъ-нибудь это нарушеніе старины.

Но вотъ и гробница Ярослава. Прежде чѣмъ отдаться впечатлѣнію и наплыву думъ, захожу въ алтарь, гдѣ, мнѣ сообщили, находится древнее архіерейское запрестольное сѣдалище. Недавно его тоже возобновили. Мой провожатый, ракій молодець въ подрясникѣ, съ черными кудрями, даетъ мнѣ объясненія. Вѣроятно это былъ свѣчникъ, потому что за литургіей онъ слѣдилъ исправно ли горять церковныя свѣчи и когда было нужно замѣнялъ сгорѣвшія новыми.

Свѣчникъ обстоятельно сообщилъ мнѣ, когда именно отдыхаетъ архіерей на сѣдалищѣ т. е. въ какіе моменты литургіи. Здѣсь же мнѣ было показано евангеліе, мо-

сковскаго изданія 1657 г., считаемое самымъ старѣйшимъ. Но по богатству первое евангеліе превосходило другое въ большой листъ, въ серебрянномъ съ позолотою окладѣ, и изображеніями въ краскахъ четырехъ евангелистовъ. Это—подарокъ митрополита Стефана Яворскаго. Но первенство по древности, несомнѣнно, занимаетъ звѣзда, потиръ, лжица и дискось, принесенные въ даръ собору царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами и царевною Софьей. Изъ напрестольныхъ крестовъ, кипарисовыхъ въ серебряной отдѣлкѣ и съ греческими надписями выдѣляется по своей древности крестъ св. Макарія. Между священными облаченіями замѣчательнъ саккосъ. Онъ былъ снятъ со статуи мадонны въ Венеци, во время французской революціи, когда составлялъ собою одинъ изъ даровъ набожныхъ венеціанцевъ, въ видѣ покрыва изъ серебристой матеріи.

Шаги наши гулко раздаются въ соборѣ, гдѣ уже давно отошла литургія и богомольцы перекочевали въ сосѣднюю Георгіевскую церковь. Разговорчивый свѣчникъ охотно сообщаетъ мнѣ всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ тѣмъ или другимъ церковнымъ предметамъ.

Когда мы обогнули престоль, я остановился передъ исполнинской иконою, мозаичной работы, господствующей надъ алтаремъ. Это и было изображеніе Богоматери именуемой въ народѣ „Нерушимою Стѣною“. Икона занимаетъ почти всю запрестольную стѣну алтаря и видима со всѣхъ сторонъ храма. Алтарный полусводъ весь покрытъ золотою мозаикой. На немъ ярко выступаетъ ликъ Богоматери и фигура во весь ростъ, съ простертыми къ небу руками, какъ бы въ молитвѣ за падшій міръ и его грѣховность. Пр. Дѣва облечена въ голубоватый хитонъ, перехваченный поясомъ, за которымъ виднѣнъ бѣлый платъ съ изображеніемъ золотого креста. Червленая бахрома, съ золотистыми полосами, оторачиваетъ края плаща. Поручи голубаго цвѣта, золотой покрывъ и обувь дополняютъ облаченіе иконы. По-

кровь, драпирующій частыми складками фигуру Богоматери, крестообразно сложены на груди, причемъ концы его упадаютъ на лѣвую руку и позади ниже колышъ.

Въ близкомъ разстояніи отъ ореола, съ обѣихъ сторонъ, имѣются начертанія имени Богоматери изъ черной мозаики. Всю аркадную дугу занимаетъ, по краю ея, надпись, такою же мозаикою, на греческомъ языкѣ, которую буквально можно передать такъ: „Богъ посреди ея и не подвижится: поможетъ ей Богъ день въ день“. (Ис. 45, ст. 6).

Безконечно жаль, что нѣкоторыя буквы надписи, вслѣдствіе отставшей мозаики, начертаны масляной краской, да и самое изображеніе реставрировано тою же краской, по старинной мозаикѣ.

Вѣроятно происхожденіе слова „нерушимая“ кроется въ самой надписи и произошло отъ слова „не подвижится“. По крайней мѣрѣ преданіе говоритъ, что за всѣ превратности, какимъ подвергались, отъ нападенія враговъ, кievскія святыни, образъ Софійской Богоматери оставался неприкосновеннымъ. Быть можетъ и это обстоятельство имѣетъ непосредственную связь съ названіемъ иконы „нерушимой“. Во всякомъ случаѣ икона составляетъ предметъ самого усерднаго поклоненія паломниковъ.

Дѣлаю нѣсколько шаговъ изъ алтаря въ сторону гробницы Ярослава, по направленію Владимірскаго придѣла. Попутно, проводникъ мой предлагаетъ осмотрѣть ризницу. Но меня привлекаетъ высокій саркофагъ сѣроватаго мрамора, испещренный прожилками дымчатаго цвѣта, съ выпуклой крышей.

Это и есть гробница.

Забываю совершенно о ризницѣ и отдаюся всецѣло пахлынувшимъ мыслямъ. Такъ вотъ гдѣ мавзолей древнѣйшаго русскаго государя! Невольно рисуются картины въ моемъ работающемъ воображеніи, которое переноситъ меня къ сѣдоу старинъ великокняжескаго

двора и быта кіевлянъ. Миѣ приходитъ на память по-
чему-то двустинніе:

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой....

Бываютъ минуты, когда человѣкъ, какъ бы невидимой
силой, переносится въ глубь столѣтій и нѣкоторое время
живетъ ихъ жизнью.

Миѣ представился княжій дворъ въ „великомъ градѣ“,
могучая его простота, облики легендарныхъ витязей,
что олицетворяли собой силу и славу русской земли.
Казалось, ихъ образы выплывали изъ тумана вѣчности,
вмѣстѣ съ личностью своего мудраго князя, перваго
уставника законовъ на молодой еще тогда Руси.

И какой несокрушимой силой вѣяло отъ этихъ призраковъ-богатырей, умѣвшихъ сочетать почестныя пи-
рованья со звономъ мечей и браннымъ дѣломъ за князя
и родину.

Миражъ понемногу разсѣялся. Однотонный голосъ
свѣчника выводитъ меня изъ оцѣпенѣнія.

— Обратите вниманіе на отдѣлку гробницы, — гово-
ритъ онъ.

Я разсматриваю ея наружныя стѣны. Всѣ онѣ по-
крыты барельефными фигурами крестовъ, листьевъ
лавра, рыбъ и птицъ, а также греческими инициалами
Ф. Х. Ф. П., что означаетъ: „свѣтъ Христовъ просвѣ-
щаетъ всѣхъ“.

Едва ли можно допустить мысль, чтобы гробница
когда-либо вскрывалась врагами или кѣмъ другимъ.
Во-первыхъ такое предположеніе само собою падаетъ при
тщательномъ обзорѣ положенія усыпальницы. Хорошая
треть ея вдѣлана въ стѣну, на которой замѣтны фрески
XI столѣтія, которыя едва ли уцѣлѣли бы, еслибы гроб-
ница подверглась вскрытію.

Отсюда переходимъ къ ракъ митрополита Макарія,
замученнаго татарами. Дѣлаю маленькую историческую

справку о личности этого святителя и его жизни. Святитель происходилъ родомъ изъ Литвы и былъ православнымъ. Онъ еще въ ранней молодости принялъ монашескій санъ. Будучи архимандритомъ Виленскаго Троицкаго монастыря, онъ впоследствии сдѣлался митрополитанскимъ намѣстникомъ въ Литвѣ. Избраніе его въ митрополиты произошло въ 1495 г. Въ этомъ санѣ онъ былъ утверждёнъ, послѣ хиротоніи въ Вильнѣ константинопольскимъ патріархомъ Неофитомъ II. Въ то время Кіевъ подчиненъ былъ литовскому владычеству и подвергался частому нападенію крымскихъ ордъ, поэтому митрополитъ Макарій избралъ своимъ постояннымъ мѣстопробываніемъ Вильно. При посѣщеніи своемъ Кіевской кафедры въ 1497 г., на пути, святителя настигли крымцы и отсѣкли ему голову и кисть правой руки. Произошло это убійство недалеко отъ Мозыря, близъ рѣкъ Припети и Вѣтитѣ. Въ ракъ софійскаго собора мощи святителя такъ и почиваютъ безъ головы и руки. Въ возглавіи, вмѣсто главы святителя, находится митра. Празднованіе Макарію совершается ежегодно 1-го Мая, причемъ, вокругъ храма, духовенство обноситъ мощи святителя, которыя считаются особой святыней собора и обладаютъ чудотворной силой.

Въ особой ракъ, съ серебряными орнаментами, заключаются 96 частицъ мощей разныхъ святыхъ. Среди нихъ хранится капля крови Господней, небольшой лоскутъ ризы Спасителя и отломокъ животворящаго древа. Для почитателей и поклонниковъ укажу на нѣкоторыя частицы чтимыхъ мощей какъ напр: Іоанна Сочавскаго, Θεодора Стратилата, Θεодора Тирона, св. великомученика Георгія, Іоанна Дамаскина, архидіакона Стефана, апостола Павла, евангелиста Матѳея, Козьмы безсребреннаго и др.

Но помимо чудодѣйственной иконы Богоматери въ алтарѣ, къ которой притекаютъ не только православ-

ные, но и католики, — въ софійскомъ храмѣ хранятся еще иконы Богородицы Любечской и Купятицкой.

Весьма интересны подробности происхожденія иконы Купятицкой. Она изображена на мѣдномъ складномъ крестѣ, на которомъ съ одной стороны — распятіе, а съ другой — Богоматерь съ младенцемъ Иисусомъ. Названіе Купятицкой присвоено иконѣ вслѣдствіе ея находенія въ селѣ Купятицкомъ, Минской губерніи, Пинскаго уѣзда. Почти въ концѣ XVII столѣтія, уніаты захватили Купятицкій монастырь, откуда икону православные почитатели перенесли въ Кіевъ. Крестъ, на которомъ изображена икона, относится, по своему происхожденію, къ отдаленному прошлому. Молва вѣрующихъ гласитъ, что онъ былъ найденъ какой-то дѣвушкой на деревѣ. Причемъ появленіе его сопровождалось какъ бы въ огненномъ пламени и, несмотря на то, что его не разъ вносили въ домъ, однако, черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, крестъ исчезалъ и снова появлялся на прежнемъ мѣстѣ, т. е. на томъ же деревѣ.

Еще разъ перехожу къ иконописи и внутренней орнаментикѣ собора, какъ самыхъ яркихъ выразителей сѣдой старины. Глядя на эти малопонятныя фігуры, для изощреннаго современнаго вкуса, но драгоцѣнныя для знатока и поклонника священныхъ древностей, невольно поддаешься сѣтованію на тѣхъ, чья рука, въ порывѣ обновленія рисунка, уничтожила оригинальную особенность стариннаго письма. Приходится недоумѣвать: или это прикосновеніе новѣйшей кисти — признакъ небреженія стариной, или же — простое невѣжество. Во всякомъ случаѣ, что нибудь изъ двухъ.

Подтверженіе этому предположенію сейчасъ же выступаетъ воочію, едва лишь я и мой проводникъ поднялись по крутымъ глухимъ всходамъ на галереи. Какъ видно, по жалкимъ остаткамъ, первое мѣсто на всходахъ занимали пачертанія и фігуры великаго князя и княгини на соколиной охотѣ. Но возстановить эти

изображенія не удалось потому, что ихъ безжалостно соскоблили, при очисткѣ стѣнъ. Вѣроятно это сдѣлали грубыя руки, пользуясь отсутствіемъ руководителя по реставраціи собора.

Дѣлаемъ нѣсколько ступенекъ вверхъ. Еще и еще фрески... Быть можетъ онѣ, въ цѣломъ, изображали собой эпизоды изъ жизни чудо-богатырей, самого князя, его ловчей дружины? Но теперь по разрозненнымъ отдѣльнымъ фигурамъ нѣтъ возможности составить ясное представленіе обо всей картинѣ. Въ головѣ вашей роятся, какъ пчелы, однѣ только догадки. Вы перескакиваете отъ одного предположенія къ другому и не находите все-таки истины.

Вотъ передъ глазами рядъ отдѣльныхъ изображеній. Неоспоримо, что онѣ нѣкогда были связаны между собою какою нибудь объединяющей идеей. Теперь это только загадочныя обрывки, аллегорія которую мудрено уяснить. Напримѣръ, что вѣщаетъ собой всадникъ на конѣ поражающій медвѣдя, или другой рисунокъ: человекъ, убивающій вепря, или поражение уroda съ птичьей головой? По крайней мѣрѣ для меня присутствіе въ храмѣ такого рода фресокъ, непонятно. А вѣдь, навѣрное, наносились онѣ на камень, съ опредѣленной и господствующей какою нибудь мыслью.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ замысловатѣе фигуры. Вотъ группа изъ кудесника, музыкантовъ и плясуновъ; грифъ, одолаживающій змѣевидное чудинце; соколъ, преслѣдующій зайца; безогиіи лось и скрипачъ. Большинство фресокъ даютъ прекрасныя образцы древней одежды, вооруженія, музыкальныхъ инструментовъ. А вѣдь все это цѣнно, какъ историческія памятники сознанія и развитія духовной народной жизни.

По столбамъ и простѣнкамъ всего храма съ галлеями, замѣчаются выцвѣтшія одноличныя фигуры святыхъ; по сторонамъ изображеній идутъ вертикальныя греческія надписи.

Характеръ живописи собора довольно вѣрно опредѣленъ въ описаніи изслѣдователѣй древняго художественнаго письма. Такъ, одинъ изъ нихъ говоритъ:

„Фрески Софійскаго храма, какъ и мозаика, представляютъ строгое выполненіе священныхъ догматовъ и церковныхъ символовъ, чѣмъ вполнѣ опредѣляется ихъ византійское происхожденіе. Каждый фрескъ, каждое мозаическое изображеніе рождаютъ въ созерцателѣ духъ благочестія и уваженія къ святынямъ; въ изображеніяхъ этихъ не встрѣчается предметовъ, увлекающихъ вниманіе молящагося къ мірскимъ представленіямъ; напротивъ, печать святости проявляется въ каждомъ изображеніи.

„Византійскій стиль или пошибъ мозаическихъ и фресковыхъ изображеній, находящихся въ Софійскомъ храмѣ, безспорно доказываетъ, что изображенія эти принадлежатъ XI вѣку. Тоже должно сказать и о фрескахъ X вѣка, находящихся въ кievской Спасо-Преображенской церкви. Строгая правильность рисунка, приличная длиннота фигуръ и ихъ величественная постановка, — отличительныя принадлежности фресковыхъ изображеній. Обнаженіе частей тѣла здѣсь не допущено и съ особенною строгостью соблюденъ покрой одежды, ея драпировка и цвѣтъ, что неотъемлемо принадлежитъ только *первобытной* церкви“ *).

На мой вопросъ, кто изъ историческихъ лицъ погребенъ въ соборѣ, кромѣ Ярослава, черноволосый провозжатый затруднился отвѣтомъ. Онъ долго теръ рукой у себя за шеей и, наконецъ, сказалъ:

— А вотъ тамъ ихъ усыпальница.

Онъ указалъ на юго-западный уголъ храма.

*) Нельзя согласиться съ авторомъ, называя Софійскій соборъ первобытной церковью. Въ первобытныхъ церквяхъ христіанскихъ не существовало совершенно живописи. Она начала появляться позднѣе, приблизительно со второго вѣка, какъ это доказали раскопки катакомбъ Рима. См. статью о живописи въ катакомбахъ, помѣщенную въ послѣднихъ номерахъ «Русскаго Паломника», Авт.

— Кого же, именно, ихъ?—спросилъ я.

— А митрополиты почиваютъ, которые давно уже отошли. Да я, признаться, не знаю хорошенько...

Онъ замылся и смолкъ.

Позже уже мнѣ удалось справиться о знаменитыхъ покойникахъ. Тамъ нетлѣнно почивали: митрополитъ Рафаилъ Заборовскій, князь Гедеоиъ Четвертинскій, популярный въ свое время обличитель и проповѣдникъ Іоаниъ Леванда, первый протоіерей Софійскаго собора.

Южнымъ проходомъ мы вышли изъ храма и, сдѣлавъ десятокъ шаговъ, вступили въ каменную церковь Рождества Христова, основанную еще въ 1722 г. митрополитомъ Варлаамомъ Вапотовичемъ. За сѣбнами тихо шептались старые каштаны не менѣе стараго сада, примыкающаго къ бывшему митрополитанскому дому.

Сиво-лиловыя тучи напоззали съ запада, омрачая закатъ. Вечеръ какъ-то хмурился, словно угрожалъ непогодой и вѣтеръ потрясалъ, внезапными налетами, верхушки деревь.

— Будетъ дождь,—сказалъ мой проводникъ, задравъ голову кверху.

— Не смущайте,—попросилъ я;—завтра намъ нужна погода.

— А что такъ? Собрались что-ли куда на богомолье?

— Въ Черниговъ. Хотѣлось бы пѣшкомъ, съ паломниками...

— Доброе дѣло, доброе... — похвалилъ опъ. — Завтра туда много народу пойдетъ, къ мощамъ Θεодосія святаго.

— Вотъ и мнѣ бы хотѣлось съ народомъ. Не знаете ли вы, гдѣ паломники соберутся?

— Да зачѣмъ собираться!—удивился свѣчникъ. Разно вѣдь туда прибываетъ народъ. Кто пароходомъ по Днѣпру, а затѣмъ по Деснѣ; кто лошадьми, а кто ежели пѣшкомъ, такъ тѣ по тракту.

— По какому, именно, тракту?

— Да все по одному черниговскому, вотъ что за Николаевскимъ мостомъ, мимо Никольской слободки, черезъ артилерійскій полигонъ; такъ все и идутъ.

Я поблагодарилъ за свѣдѣнія и, осмотрѣвъ бѣгло церковь, ничѣмъ, впрочемъ, не привлекающую со стороны архитектуры или древности, сталъ прощаться съ обязательнымъ моимъ проводникомъ.

Уже всплывала луна, блѣдная и большая. Сумракъ быстро заволакивалъ контуры величаваго храма, заползалъ въ глухія арки, зіяя оттуда черными пятнами.

Только на маковкѣ колокольни еще бился и трепеталъ послѣдній отсвѣтъ умирающей зари. Воздухъ расточалъ благовоніе бѣлыхъ акацій. Въ темнотѣ цвѣты ихъ казались снѣжинками. Время какъ-то незамѣтно протекло и я пожалѣлъ, что на долю дня было отпущено такъ мало часовъ. Впрочемъ, если бы даже удвоить ихъ число, то все равно его не хватило бы для подробнаго обзора софійскихъ рѣдкостей. Я, поэтому, включилъ въ путевую книжку только то, что само папращивалось на вниманіе. А, вѣдь, сколько должно быть скрыто еще древностей, такъ сказать, подъ спудомъ, въ стѣнахъ св. Софїи и подъ ними, въ нѣдрахъ почвы, на которой красуется этотъ памятникъ старины! Можетъ быть онѣ открыли бы современникамъ нашимъ еще нечитанныя нѣкѣмъ страницы изъ жизни до-владимірской Руси, указали бы на ея религіозный и домашній укладъ, на характерныя стороны быта.

VII.

Въ номерѣ отеля „Lion d'or“, гдѣ я временно поселился, на столѣ лежало письмо. Судя по затасканному конверту, оно видимо долго находилось въ карманѣ отправителя, прежде чѣмъ попало ко мнѣ. Адресъ каракулями, на конвертѣ безъ марки, привелъ меня въ недоумѣніе. Онъ гласилъ слѣдующее; „Его Благополучію

господицу Летиатару отъ газетъ и Сотруднику во Христѣ братствѣ нашемъ С. Л. А. отъ странника Божія Феодора пишуля“.

Это было совершенно цѣлѣное титулованіе, котораго едва-ли кто достаивался.

Я спросилъ номернаго, кто принесъ письмо. Онъ растянулъ въ улыбку свои мясистыя губы и презрительно отвѣтилъ:

— Федька.

— Какой такой Федька?

— А Федька, по прозванью Пройди свѣтъ. Онъ два раза уже приходилъ.

— Что же ему надо и кто онъ такой?

— Онъ-то? Кто-жъ его знаетъ! Не то разстрижка, не то странникъ. Онъ полуумокъ какъ будто... Его здѣсь знаютъ. Кто-жъ его не знаетъ! Тихій человекъ, но глухой.

— Откуда же онъ меня знаетъ?

— Говорить, знаетъ. По его, выходитъ такъ, что онъ всѣхъ знаетъ кто крещенъ во Христѣ. Онъ чудной. Говорить словно бы и умственно, гладко такъ, какъ по писанному, а потомъ сразу вдругъ и начнетъ одно и тоже повторять: „Необращенные обратитесь! Необращенные обратитесь!“ Надоѣдливъ бываетъ. А только господа его принимаютъ?

— Зачѣмъ же они его принимаютъ?

— Потѣхи ради, надо полагать. Да, другой разъ и мы, коли онъ надоѣсть, пробуемъ по господски, да шчего не выходитъ. Федька намъ скажетъ: „вы, говорить, рабы и неразумны“... И снова почнетъ: „необращенные обратитесь!“ Богъ его знаетъ, а по моему дурень человекъ, т. е. малоумный.

Какъ ни малопонятна была мнѣ личность Федьки Пройди свѣта, въ освѣщеніи моего номернаго, я все же задумался надъ ней. Какой интересъ у него могъ быть ко мнѣ? Я вскрылъ позелѣтѣлый конвертъ и на сѣромъ

листе́, затрудняясь, прочесть нацарапанное карандашемъ, довольно безграмотно, четверостишіе:

Влюбови отъ вѣка и до вѣка
для ближняго и дальняго челоуѣка
служить во Христѣ нада
Штобъ на тамтомъ свѣтѣ была Награда.

Ниже начиналось письмо такимъ обращеніемъ ко мнѣ:
„Возлюбленный Братъ Сергій, безъ благодати но по
здоровью обильный въ Духѣ и прочее и прочее.

Смиренно прошу и кланіюсь иицо того болиѣ сатворить
благостыню для ради неимущихъ брати православныхъ
черезъ мене раба божьяго вродѣ примѣрно старой
рубашки или хотя сапаговъ ужю испошенныхъ, а
притомъ спинджака и вообще непотребного всякого
Вещества, для покрытія наготы чиловеческой. Во всякомъ
случае прожертвуйте какъ и другіе протчіе православные
хрестіаны и помѣсчики, а я не осмѣливаюсь беспокоить и
прошу жертву тую одать коллиторному Ликсандру семеновичу
истинному вѣрующому, но не образованному служителю. А вы
вотъ образованный господинъ и понимаете, что есть милостыни
хочу а не жертвы тоестъ. Затѣмъ извините.

Рабъ Федоръ Обрасченный и по лютскому званію
Прокончукъ“.

Это просительное посланіе заставило меня обратиться къ
моему чемодану. На половину я исполнилъ просьбу Феодора,
кое-что не нужное для меня нашлось.

Утромъ номерной Александръ вкрадчиво заявилъ, подавая
мнѣ густое молоко, что „дурноватый“ Федька ждетъ отъ
меня, на кухнѣ, отвѣта.

— Откуда онъ узналъ мою фамилію и имя, и кто я такой?
— спросилъ я номернаго.

— Онъ завсегда узнаеть. Черезъ Оому швейцара. Пріатели
они съ Федькой. Тотъ ему скажетъ всеъ фамиліи новыхъ
жильцовъ, а Федька сейчасъ письма ко всемъ писать. И
всеъ даютъ ему; ну, окончательно всеъ!

Такой счастливый дурень. Вѣрно пипеть больно ловко и жалостно.

Я только подумалъ о краснорѣчїи Федора и его писательскомъ талантѣ, какъ о чемъ-то чрезвычайно характерномъ.

— Отчего же онъ самъ не пришелъ, а черезъ васъ, Александръ, получаетъ пожертвованїя?—спросилъ я.

— Не смѣеть-съ. Онъ постоянно такъ. Его смиренность большое.

— А если его попросить самого,—онъ придетъ?

— Весьма даже съ удовольствїемъ! Только опять же не ко всѣмъ ходить... Къ вамъ придетъ, безпремѣнно.

— А почему же не ко всѣмъ?

— Кто-же его пойметъ! Говорить, что ходить къ тому, къ кому духъ его ведетъ.

— Какой духъ?

— Извѣстно какой—Божїй, надо полагать,—отвѣтили уклончиво Александръ.—Тутъ генераль одинъ изъ Кипинева жилъ. Ужъ сколько онъ Федькѣ поподарилъ предметовъ на бѣдность. Какъ ужъ хотѣлъ повидать его, а Федька не пошелъ. Приметь черезъ меня генеральскую жертву, а самъ промолвить: „всякое даянїе еще на покаянїе“ и уйдетъ приговаривая: „тебѣ Господи, тебѣ Господи“.

— Такъ позовите его ко мнѣ, если онъ хочетъ,—попросилъ я.

— Слушаю-съ!

Слуга, черезъ котораго Федоръ предписывалъ мнѣ вручить „спинджакъ“ и „непотребныя вещества“ для „прикрытїя наготы“,—унесъ мое платье для чистки, а я занялся разрѣшенїемъ вопроса: дѣйствительно-ли Федоръ начетчикъ какой нибудь секты, или же просто корчащїй юродствующаго попрошайку, какихъ не мало на югѣ.

Пока я размышлялъ, за дверью послышался вздохъ, потомъ нѣжное покашливанье очень похожее на жен-

ское. Наступило короткое молчаніе и пріятный голосъ, въ корридорѣ, проговорилъ:

— Дозволяется вступить рабу Феодору?

— Дозволяется. Входите, входите!—отвѣтилъ я.

Дверь открылась не сразу, а медленно, медленно, какъ отворяють царскія врата въ большихъ соборахъ. На порогѣ стоялъ человѣкъ въ скуфѣѣ и рыжемъ пальто, опоясанномъ веревкой. Низкіе, тоже рыжіе сапоги, съ заплатами, полосатые шаровары и посохъ, вовсе не подходили къ интеллигентному, истомленному лицу вошедшаго. Оно было блѣдно, съ синими жилами на вискахъ и печальнымъ выраженіемъ. Жидкая бородка цвѣта пеньки, росла у него какъ-то въ бокъ, да и вся его тощая фигура держалась нѣсколько бокомъ. Даже пышные свѣтлорусые волосы на головѣ зачесаны были на одну сторону безъ пробора.

На меня уставились два блѣдно-сѣрыхъ зрачка изъ темныхъ и большихъ глазныхъ впадинъ. Въ нихъ, мнѣ показалось такъ, гнѣздилась смѣсь какого-то робкаго самоотреченія и въ то же время глубокой ироніи. Онъ поклонился мнѣ безъ униженія, свойственнаго вообще всѣмъ странникамъ, и произнесъ:

— Миръ вамъ!

— Здравствуйте!—отвѣтилъ я коротко.—Вы, Федоръ?

Онъ, молча, поклонился опять и опустилъ нервныя большія вѣки своихъ глазъ. Такъ какъ мнѣ было некогда, и я не хотѣлъ упустить черниговскую партію паломниковъ, уходившую въ путь, то передалъ Федору принасенныя ему старыя вещи. Онъ равнодушно принялъ ихъ, какъ нѣчто должное, и кротко сказалъ:

— Благодарствуйте!

Однако, онъ не уходилъ и продолжалъ въ упоръ смотрѣть на меня. Я былъ вынужденъ предупредить его:

— Вы извините, Федоръ, но мнѣ надо идти. Иначе я опоздаю. Паломники уйдутъ въ Черниговъ, а я безъ нихъ не знаю дороги.

Опъ тихо усмѣхнулся, свернулъ аккуратно полученное отъ меня, перевязалъ добытой откуда-то изъ кармана веревочкой и сказалъ:

— Не заботьтесь! Господь укажетъ путь. Было бы желаніе отъ чистоты. Идущіе Божіимъ путемъ не заблуждаются.

Я сталъ одѣваться, а Федоръ все не уходилъ. Вѣроятно, онъ подмѣтилъ досаду, въ моихъ движеніяхъ на него, потому что предупредительно замѣтилъ:

— Не гнѣвайтесь... Я также иду въ Черниговъ и доведу васъ, коли желательно. А между прочимъ я много кратъ бывалъ въ томъ городѣ и вразумился какъ насчетъ дороги, такъ и всего касательно богомольца.

— Что же вы поклонялись мощамъ?

— Нѣтъ-съ. Сказано вѣдь: „единому Богу твоему поклоняйся и служи“.

— Зачѣмъ же вы тогда ходили?

— По внушенію благодати, почивающей во мнѣ. Куда она меня пошлетъ, туда и иду. Вотъ послала къ вамъ— пришелъ.

— Значить вы благодатный?

— Не знаю-съ.

Послѣ этого онъ замолкъ, а потомъ отрывисто сказалъ:

— Ну собирайтесь, а я васъ подожду-съ.

— Гдѣ же вы меня будете ждать?

— Господь укажетъ гдѣ.

Федоръ поклонился по прежнему съ достоинствомъ и вышелъ степенно въ корридоръ.

Я не удерживалъ его. Теперь во мнѣ не было сомнѣнія, что мой непрошенный спутникъ былъ сектантъ, но только совершенно незнакомой мнѣ секты. Это обстоятельство, въ связи съ разказами о Федорѣ помернаго, вызвало во мнѣ желаніе познакомиться покороче съ загадочнымъ странникомъ. По внѣшности своей онъ походилъ на человѣка благороднаго происхожденія; по разговору и письму напоминалъ многочисленныхъ на

Руси сектантскихъ „наставниковъ“, изъ простолюдиновъ, хватившихъ вершки церковной грамоты и незнающихъ ея корешковъ.

Во всякомъ случаѣ общество Федора было мнѣ вдвойнѣ удобно. Я могъ узнать основы его религіозныхъ возрѣній и воспользоваться, въ Черниговѣ, его знакомствомъ съ городомъ.

Партія паломниковъ, къ которой я примкнулъ, съ первымъ ударомъ благовѣста, тронулась съ мѣста. Она была не велика—пять-шесть человѣкъ; женщинъ совсѣмъ не было и стариковъ тоже. Подобрались все люди съ выносливыми ногами, привычные къ пѣшему хожденію. Но Федора между ними я не встрѣтилъ. Уже мы миновали Никольскую слободку и скоро вошли въ рѣдкій, безпощадно вырубленный лѣсъ, за которымъ расположился артиллерійскій полигонъ. Ноги уходили въ мягкую и душливую пыль дороги. Лѣсъ кончился, какъ-то сразу. Ни опушки, ни молодого сосняка... Нѣсколько желтыхъ песчаныхъ взлызовъ среди чахлой травы, спаленной зноемъ и за ними голубя дали Заднѣпровья. Чѣмъ обнаженнѣе мѣстность, тѣмъ раздольнѣе дышалось. Легкій холодокъ облегчалъ путь. Вотъ потянулись неоглядныя луговины и пахло полевымъ ароматомъ цвѣтовъ. Вправо, на скатѣ луговой балки, подъ черешневымъ садомъ пріютился хуторокъ. Вотъ совсѣмъ такъ, какъ на полотнахъ художниковъ: и нескладный оцепъ колодца, и бѣлая мазанка, и скирда обмолоченной ржи... Оттуда доносится мычанье телушки и бабій зовъ:

— Бузь... бузь... бузь...

Городъ былъ далеко за нами, когда возлѣ меня выросла, нивѣсть откуда, голова Федора.

— Миръ вамъ!—привѣтствовалъ онъ меня.

— Вы гдѣ же были?—спросилъ я Федора.

Онъ отвѣтилъ неохотно:

— У ближняго... Вотъ сапоги ваши ему снесъ. Ибо сказано: „нагъ Я былъ и одѣлъ ты Меня“.

Онъ шелъ рядомъ, ступая широко босыми ногами и далеко откидывая руку съ посохомъ. За спиной у него крѣпко держалась холщевая котомка и его рыжіе сапоги на перевязи.

Вдругъ Федоръ замедлилъ шагъ, какъ бы желая отстать отъ партіи, и торопливо сообщилъ мнѣ:

— Вотъ къ ночи будемъ у моего пріятели, брата Іустина. Тамъ хорошо у него. Божье благословеніе на немъ. На сѣновалѣ и отночуемъ. Веѣмъ-то богомольцамъ не умѣститься, ну а двоимъ мѣста хватить.

Я поблагодарилъ и спросилъ:

— Кто же это такой братъ Іустинъ, монахъ что ли?

— Нѣтъ-съ. Просто братъ во Христвъ. Мы всѣ вѣдь братья. Онъ хуторянинъ, только изъ обращенныхъ.

— То-есть какъ это изъ обращенныхъ? — неопялъ я.

Федоръ метнулъ на меня испытующимъ взглядомъ, какъ бы сомнѣваясь въ серьезности моего вопроса. Вѣроятно, лицо мое сохраняло подобающее случаю недоумѣніе, потому что онъ спокойно и увѣренно сказалъ:

— Да-съ, изъ обращенныхъ. Вотъ вы вѣрующій, а не обращенный. И другіе, все единственно кто бы ни были, тоже необращенные, между прочимъ, однако, вѣрующіе.

Это становилось крайне интереснымъ. Я все болѣе и болѣе запутывался въ понятіи, которое хотѣлъ уяснить мнѣ Федоръ.

— Какая же разница между тѣми и другими? — спросилъ я.

— Превеликая. Все равно что ночь и день, огонь и вода, тьма и свѣтъ. Наибольше того даже.

— А именно?

— Не сьумѣю вамъ доложить по ученому, а только по нашему это будетъ, преимущественно, въ родѣ какъ-бы не полной вѣры. Младенецъ отъ купели есть уже вѣ-

рующій, потому что крещень во Христа и растетъ такимъ и состарится, промежду тѣмъ, а все же не будетъ обращеннымъ.

— Да почему же?

Федоръ пожалъ однимъ плечомъ, опредѣляя этимъ движеніемъ полную мою недогадливость.

— Вотъ вы вѣрующій, а гоните Христа?

— Какъ гоню? Что вы говорите, Федоръ!?

— Истинно свидѣтельствую такъ. Вы гоните тѣмъ что говорите себѣ: „Господи, Господи!“, а не дѣлаете по евангельской благодати, какъ, значить, Господь препоручилъ. Вотъ пишете вы книжки и въ книжкахъ осуждаете, а этого нельзя. Негодуете, враждуете, ищете корысти—и этого нельзя. Унываете, сомнѣваетесь въ Богѣ, скорбите о земномъ — этого тоже невозможно. А все же вы остаетесь за всѣмъ тѣмъ вѣрующимъ. Обращенные же не такъ помышляютъ. Они не гонятъ такими суетами Христа. Отъ корыстолюбцевъ, отъ враждующихъ, отъ возлюбившихъ земною юдолю Христосъ отвращается. И ужъ ежели очей много наберется гонителей такихъ, то въ ту пору Христосъ и обращаетъ ихъ къ себѣ, какъ обратилъ Савла. Это уже значить и будутъ вѣрующіе, но обращенные. Тогда они уже ни о чемъ земномъ не стараются и не промышляютъ, а все отдають на волю Господа и говорятъ такъ: „Ты, Господи пропитаешь меня, одѣнешь меня, согрѣешь меня, а я у ногъ Твоихъ и больше ничего“. Ибо написано: „принесите жертвы правды и уповайте на Господа“. Зачѣмъ человѣку заботиться о себѣ, когда Господь имѣетъ заботу о немъ?

— Но, однако, вотъ вы же позаботились о какомъ-то бѣднякѣ и отнесли ему мои сапоги?

— Непрекословно вѣрно. А только это я по благодати удостоился, то-есть.

— По какой благодати?

— Обращенные имѣютъ внутрѣ себя благодать бо-

жескую. Какъ она имъ повелить, такъ и дѣлають, а только не своевольно, не сами отъ себя-съ.

Федоръ восторженно векинуть вѣками и устремить взоры на небо. Онъ тихонько вздохнулъ и прибавить радостно:

— По времени, всё необращенные обратятся на истинное понятіе.

Меня подмывало узнать его сужденіе о мощахъ. Я не могъ понять, зачѣмъ онъ шелъ въ Черниговъ, если не признавалъ поклоненія угодникамъ.

— Вотъ вы отрицаете цѣлѣбныя мощи и святыхъ. Почему же?—спросилъ я.

— Отрицаю?—удивился онъ. — Никакъ! Святыхъ мы уважаемъ за ихъ житіе доброе, за обращеніе.

— Значить, по вашему выходитъ, что всё святые угодники такіе же обращенные, какъ и вы?

— Ежели бы они не обратились, то не были бы и святые. Это уже обыкновенно.

— Стало быть вы считаете себя какъ бы святымъ?

Вопросъ мой смутилъ на мгновеніе моего собесѣдника. Онъ густо покраснѣлъ, взмахнулъ какъ-то рѣзко посошкомъ и наивно оправдался:

— Мы не святые, а стараемся къ тому, чтобы получить святость.

— Вы же говорите,—настаивалъ я,—что дѣйствуете по сущей въ васъ благодати Святаго Духа? Такъ вѣдь?

— Такъ-съ, воистину.

— А вѣдь на сколько извѣстно по евангелію, въ которое и вы вѣруете, что благодать св. Духа спознала сперва на апостоловъ, затѣмъ проявлялась, съ особенной силою для невѣрующихъ, въ людяхъ, извѣстныхъ своей чистотой и благочестіемъ, и выражалась часто въ видимыхъ и невидимыхъ чудесахъ надъ невѣрующими. Значить, чудеса эти, исходяція отъ извѣстнаго по своей святости человѣка, свидѣтельствовали о присутствіи въ немъ небесной благодати, воочію, такъ сказать, видимо

для всѣхъ и всѣ чувствовали эту благодать въ немъ, невольно, какъ бы отличающую его отъ другихъ, немѣющихся этого небеснаго дара.

— Бываетъ - съ такое благословеніе надъ человѣкомъ,—уклонился Федоръ отъ отвѣта.

— Вотъ видите. И всѣ тѣ угодники, на самомъ дѣлѣ удостоенные благодати свыше, никогда не дерзали говорить людямъ, что обладаютъ этимъ дивнымъ преимуществомъ, а держали себя смиренно и молитвенно, какъ и подобаетъ избранникамъ Божиимъ и какъ учить Христосъ и апостолы. Припомните, что говорится по этому поводу: „ибо не тотъ достоинъ, кто самъ себя хвалить, но кого хвалить Господь“. Люди, простые сердцемъ, и видѣли эту похвалу Божию на угодникахъ въ ихъ чудесахъ. Вы же хвалитесь благодатью, Федоръ, мнѣ кажется, незаслуженно, и я бы, напримѣръ, считалъ дерзновеніемъ присваивать себѣ благодать, ничѣмъ явпо не обнаруженную.

Федоръ словно не придавалъ значенія моему замѣчанію. Онъ сорвалъ вѣтку орѣшника по дорогѣ и, отмахиваясь ею отъ болотной мошки, упорно молчалъ. Его религіозныя убѣжденія для меня были совершенно новы. Онѣ не приближались къ духу ученія баптистовъ, но казались какими-то сборными: отовсюду понемножку. Это напомнило мнѣ одно незначительное событіе.

Въ Петербургѣ одна дама, служащая, предложила мнѣ посѣтить какъ-то однажды „собраніе вѣрующихъ“, къ числу которыхъ она причисляла и себя. Я не былъ членомъ этого теологическаго кружка, но при ея посредствѣ могъ проникнуть въ него. Не помню, что именно помѣшало мнѣ тогда, но воспользоваться предложеніемъ дамы не удалось. Еще припоминаю, что на мои разспросы объ руководящихъ идеяхъ этого новаго религіознаго собранія, дама отвѣчала довольно сбивчиво. Она говорила объ очищеніи православія отъ какихъ-то „церковно-обрядовыхъ наслоеній“ и въ разговорѣ не

разъ называла своихъ единомышленниковъ „братьями“, „обращенными“, а себя—„исполненной благодати“. Жалью, что тогда я почелъ всѣ эти дамскія религіозныя увлеченія дѣломъ несерьезнымъ и отнесся почти скептически къ ихъ восторженно-фанатическому тону, подозрѣвая здѣсь родъ духовнаго юродства, даже, по-просту, убожества. Но, какъ доказалъ мнѣ Федоръ, ученіе этихъ „обращенцевъ“, очевидно, проникаетъ и за предѣлы столицы и, надо думать, еще далеко не въ совершенномъ видѣ, давая своимъ послѣдователямъ широкое поприще для фантастическихъ добавленій и обобщеній. Предположеніе мое о томъ, что Федоръ—„обращенецъ“ укрѣпилось еще болѣе, когда взглядъ, высказанный имъ о церкви, совпадалъ съ мнѣніемъ о томъ же предметѣ моей петербургской „обращенки“. Я спросилъ Федора:

— Ну, а храмъ вы посѣщаете?

— Нѣтъ къ тому евангельскаго приказанія, — отвѣтилъ онъ.—Даже это недопустимо, чтобы человѣкъ посѣщалъ-съ самъ себя во плоти, и выйдетъ даже чудодѣйственно!

— Какъ такъ самъ себя? Не понимаю.

— Это не мудрено-съ, ежели умственно осмотрѣться въ писаніе. Тамъ прописано весьма понятно:— „развѣ не знаете, что вы—храмъ Божій и духъ Божій живетъ въ васъ“?—Соблюдай себя и храмъ свой непорочно и миръ тебѣ. Между тѣмъ мы не осуждаемъ супротивъ того, кто въ церковь ходитъ. Когда обратятся, какъ мы, познаютъ въ себѣ свой храмъ!

Наша догматическая бесѣда затянулась бы, быть еще можетъ, надолго, если бы не утомленіе отъ ходьбы, непривычной для меня. Солнце ушло далеко за полдень и желудокъ заявлялъ о своей пустотѣ. Партія сдѣлала привалъ за овражистымъ березнякомъ, въ сторонѣ отъ тракта. Туда не долетала пыль отъ проѣзжающихъ телѣгъ и воевъ, запряженныхъ неповоротливыми волами. Они-то больше всего и пылили. Жидкая тѣнь и жидкая

трава — все, что мы нашли для убѣжища. Паломники молились, обратясь лицомъ къ Кіеву, а я отыскалъ въ сумкѣ лаврскій хлѣбецъ и предложилъ его Федору, у котораго съѣдобный запасъ былъ крайне ничтоженъ, Онъ, не крестясь, переломилъ хлѣбъ и безъ молитвы молча, принялся жевать его съ видомъ невозмутимаго покоя.

При сравненіи вѣроученія Федора съ другими сектантскими толками, я остановился на „сютаявщинѣ“. Эта секта совершенно отвѣчала, въ основныхъ своихъ положеніяхъ, стремленіямъ моего спутника. По своему происхожденію она еще мало извѣстна и молода. Въ Поволжьи мнѣ приходилось мелькомъ слышать о „сютаявцахъ“, глухо, урывками. Тутъ память подсказала мнѣ кое-какія характерныя подробности изъ молодой еще исторіи этой новой, больной вѣтви православія.

Зародилась она въ Шевковской волости, Новоторяскаго уѣзда, Тверской губерніи, въ избѣ крестьянина Василя Кириллова Сютаява. Его именемъ названы, въ оффиціальныхъ сообщеніяхъ и послѣдователи секты— „сютаявцами“. Они точно также чуждаются церкви, отвергаютъ многіе изъ ея обрядовъ, не признаютъ священства, не вѣруютъ въ Св. Троицу. Настольными книгами у нихъ служатъ евангеліе, писанія Тихона Задонскаго и катехизисъ митрополита Филарета. Всю свою жизнь сютаявцы старательно подчиняютъ евангельскимъ завѣтамъ. Всякая собственность признается ими за общественное достояніе. По крайней мѣрѣ, въ этомъ смыслѣ онѣ разсуждаютъ такъ: „человѣкъ не долженъ имѣть ничего своего; все — Божье и все создано Богомъ для всеобщаго употребленія“. Поэтому они не запираютъ своего добра и позволяютъ, кому необходимо, пользоваться имъ безвозбранно. Ближнему они оказываютъ, безъ отговорокъ, помощь и требуютъ того же по отношенію къ себѣ. Человѣкъ, по ихъ понятію, созданъ по подобію Божьему, а потому представляетъ изъ себя не-

рукотворный храм (?). Онъ долженъ совершенствоваться нравственно, строго наблюдая за собой, чтобы не осквернить этотъ храмъ и не изгнать тѣмъ самымъ изъ него пребывающаго тамъ Бога. Сютаевцы уважаютъ всякую власть, но довольно своеобразно. „Нѣсть власти, аще не отъ Бога“,—говорятъ они и называютъ власть пастырями а себя овцами. При этомъ пастыри должны непременно заботиться объ овцахъ, пасти ихъ на тучныхъ пастбищахъ; онѣ же, овцы, обязаны за это повиноваться пастырю. Всѣ люди у сютаевцевъ—братья: все равно ту рокъ ли то, еврей, татаринъ или идолопоклонникъ; войну они презираютъ и считаютъ ее величайшей несправедливостью на землѣ, нарушающей заповѣдь „не убій“ и противной духу христіанства. Евангеліе сютаевцы изучаютъ наизусть, цитируютъ его кстати и некстати и стараются истолковать его истины въ желательномъ для ихъ ученія смыслѣ.

Въ проповѣди „сютаевцевъ“,—если перейти къ параллелямъ,—много общаго съ основами штунды и пашковщины. Разница заключается только въ деталяхъ обрядности и немногихъ отступленіяхъ. Сюда же, какъ болѣе самостоятельный отростокъ, можетъ быть присоединено и вѣрованіе новѣйшей секты „обращенныхъ“.

Когда я посвятилъ, впрочемъ осторожно, Федора въ мои выводы, онъ горячо возсталъ противъ меня. Отрицая всякое единомысліе съ пашковцами или сютаевцами, онъ заявилъ, что идетъ „самъ по себѣ, по благодати Св. Духа, почивающаго въ немъ, отвергаясь неразумныхъ бльканій“.

Должно быть „бльканіемъ“ Федоръ называлъ всѣ тѣ вѣроученія, которымъ онъ не сочувствовалъ или о которыхъ онъ не имѣлъ яснаго представленія. Короче говоря, Федоръ не признавалъ за собой вины заимствования религіознаго раскола ни отъ какой его формы. Онъ считалъ себя первоучителемъ, какъ ему казалось, новаго совершенно ученія и отдавался этой роли съ

необыкновеннымъ воодушевленіемъ. Федоръ принадлежалъ къ числу тѣхъ несложныхъ натуръ, которыя, не владѣя собственными идеями, подчиняются чужимъ внушеніямъ, но сами себя возводятъ въ званіе основателей и пророковъ какого-либо новаго религіознаго заблужденія.

Мнѣ было искренно жаль его, что онъ вступилъ на ложный путь. Съ его убѣжденнымъ направленіемъ трудно было бороться. Онъ молчаливо выслушивалъ возраженія или опроверженія, какъ бы выражая молчаніемъ полное недовѣріе къ своему религіозному совопроснику или осмѣивая въ душѣ его доводы. Даже въ глазахъ этого страннаго человѣка всегда трепетала какая-то затаенная иронія, какъ будто онъ считалъ всѣхъ, несогласныхъ съ нимъ, людьми безповоротно заблудшими, неспособными постигнуть высшія истины духа.

Къ вечеру мы подошли къ небольшому поселку, дворовъ въ десять, гдѣ жилъ пріятель Федора, у котораго предполагалась ночевка. Отъ непривычки я былъ утомленъ дорогой и охотно отдалъ себя во власть Федора.

— Отклонитесь мало-маленько всторону,—сказалъ онъ мнѣ и перепрыгнулъ черезъ канаву дорожной обочины.

На краю поселка, во дворѣ заново обмѣленной хаты копошился черный, какъ жукъ, человѣкъ въ парусиновомъ пиджакѣ, косматый, съ маленькимъ лысымъ черепомъ и живыми глазами. Въ его путанной бородѣ застряли древесныя стружки. Онъ только-что отбросилъ топоръ, которымъ тесалъ колоду для корма свиней. Федоръ на ходу сказалъ:

— Миръ брату Іустину!

Человѣкъ повернулъ къ намъ свое желтое лицо и прищурился. Пока я смотрѣлъ на его сутулую фигуру, онъ взмахнулъ радостно руками.

— Просимъ, просимъ!—оживленно заговорилъ онъ.— Добро, что меня не забылъ, братъ Федя, добро!

Юркіе глазки его пытливо осмотрѣли меня и онъ спросилъ:

— Куда странствуете?

Федоръ отвѣтилъ. Тогда онъ протянулъ мнѣ сухую руку и трижды поцѣловалъ меня въ щеку. То же самое онъ продѣлалъ и съ Федоромъ.

— Пожалуйте-жъ, сдѣлайте милость, въ хату.

Мы пошли за нимъ. Внутри хаты было такъ же опрятно, какъ и снаружи. Оштукатуренныя стѣны были увѣшены олеографіями священныхъ сюжетовъ и картинками—гравюрами изъ журналовъ. Въ простѣнкѣ красовалась большая картина лубочнаго производства, съ преобладаніемъ двухъ колеровъ зеленаго и краснаго. Она изображала высокую гору, на вершинѣ которой стоялъ столь же высокій императоръ Александръ Богословенный въ мантии и коронѣ и держалъ въ рукахъ знаки царской власти. Подъ горой, въ зеленомъ мундирѣ и трехуголкѣ, помѣщался коротенькій Наполеонъ I. Внизу подъ картиной подпись крупно гласила: „Побежденный Банапартъ“. Еще ниже слѣдовалъ такой діалогъ: Банапартъ, здравъ голову кверху, говорилъ: „Ликсандра, Ликсандра, отдай Рассею!“

— „Ни за сто рублей!“—отвѣчалъ русскій монархъ.

Все это, впрочемъ, содержалось въ порядкѣ и оберегалось отъ мухъ.

Постельный пологъ въ глубинѣ пестрѣлъ новымъ ситцемъ; скамьи и липовый столъ были старательно отскоблены. Въ образномъ углу чернѣло распятіе, въ нѣмецкомъ стилѣ, и стояли рыболовныя снасти. Православныхъ иконъ не было. Все въ хатѣ заявляло о сытости и довольствѣ. Жена Іустина, рыхлая нѣмка, поздоровалась съ Федоромъ троекратнымъ поцѣлуемъ, а мнѣ сильно пожала руку. Она не понимала нашей рѣчи, потому что на мои обращенія къ ней кивала только головой и безъ нужды улыбалась. Очевидно, между единомышленниками Федора поцѣлуйный обрядъ былъ въ ходу при встрѣчахъ другъ съ другомъ.

Іустинъ—сынъ псаломщика, женатый на нѣмкѣ ко-

лонисткѣ. Груды книгъ, сложенныхъ у одной изъ стѣпъ хаты, вызвали у меня вопросъ:

— Что это у васъ за книги?

— Брошюрки,—отвѣтилъ хозяинъ.—Это я для народа приобретаю. Кто грамотенъ, тому большая польза отъ нихъ.

Я на удачу прочелъ нѣсколько заголовковъ: „о вредѣ табака“, „пьянство, какъ погибель христіанина“, „что необходимо сельскому хозяину?“ „чему учить насъ совѣсть?“ и т. п. Нѣсколько книжекъ заключали въ себѣ выдержки изъ библіи, пояснительныя свѣдѣнія къ священному писанію. Между ними нашлись изданія „Общества распространенія просвѣщенія въ духѣ православной церкви“.

— Вы книгоношествомъ также занимаетесь?—спросилъ я Іустина.

— Когда есть время. Я, вѣдь, такъ по доброй волѣ, самъ отъ себя.

Въ свободные отъ полевыхъ работъ дни, Іустинъ развозилъ на своей лошади, по сосѣднимъ хуторамъ, эти произведенія печати. Случалось и такъ, что онъ самъ читалъ неграмотнымъ которуюнибудь изъ книжекъ. Это помогало ему сбывать свой товаръ, хотя бы даже и за грошевую плату.

Огородные злаки, яйца и молоко съ творогомъ составили нашъ незатѣйливый ужинъ. Особенно вкусной оказалась мамалыга изъ кукурузной муки и ячменный пахучій хлѣбъ.

За столомъ, передъ ѣдой, Іустинъ предложилъ помолиться. Молитва ограничилась тѣмъ, что Федоръ вмѣстѣ съ хозяиномъ процѣли, не совсѣмъ гармонично и согласо 144-й псаломъ. Мнѣ не понравился мотивъ, какой-то тягучій, съ выкриками. По словамъ Федора, „обращенные“ при всякомъ свиданіи между собой, непременно приступали къ молитвѣ, и не иначе, какъ выражая ее пѣніемъ. Я замѣтилъ, что между ними во всемъ преобладало согласіе. Все, что одобрялъ Федоръ

въ бесѣдѣ, одобрялъ и Іустинъ. Разговоръ сосредоточился на темѣ объ умноженіи числа „обращенныхъ“, о ихъ братскомъ общеніи между собой, о свободѣ духа и отреченіи отъ нечистыхъ слабостей человѣка: зависти, гнѣва, честолюбія и чувственности. Съ горячимъ увлеченіемъ говорилъ Федоръ, пересыная рѣчь свою выдержками изъ евангелія.

Я соблюдалъ нѣкоторую осторожность въ словахъ почти не вмѣшивался въ ихъ сужденія, которыя подчасъ становились наивными до крайности. Іустинъ, между прочимъ, вызывалъ меня на обмѣнъ мыслей, но я упорно уклонялся отъ этого. Мнѣ, по просту, не по душѣ было это туманное словопреніе людей, сбитыхъ съ толку новыми невѣдомыми пророками, водящими въ слѣпотѣ своихъ послѣдователей. Не обладая даромъ обличителя или краснорѣчіемъ подвижника православія, чтобы опровергнуть ложныя теоріи моихъ религіозныхъ отщепенцевъ, я ограничился только ролью простаго наблюдателя.

Послѣ ужина снова, принялись за псалмопѣніе. Безучастной ко всему происходившему оставалась жена Іустина. На ея лицѣ отражалось не то полное равнодушіе къ привычному уже ей исповѣданію мужа, не то снисходительность. Она плохо понимала сложные примѣры изъ апостольскихъ поученій, которыми злоупотреблялъ, не всегда кстати, разговорчивый Іустинъ. Менѣе всѣхъ обращали вниманіе на бесѣдующихъ, два пухлыхъ, бѣловолосыхъ мальчугана—младшихъ членовъ семьи. Они съ дѣтскимъ аппетитомъ доѣдали творогъ и остатки картофеля, вступая иногда въ тихое препирательство между собой, которое тутъ же умиротворялось матерью.

Хозяинъ отвелъ намъ, подъ ночлегъ, мѣсто въ клунѣ. Душистое сѣно, принесенное туда паробкомъ, замѣнило намъ самую изысканную постель. Мы устроились съ рѣдкимъ деревенскимъ комфортомъ. О судьбѣ прочихъ попугачиковъ—богомольцевъ мы не безпокоились. Вѣроятно они, подобно намъ, пріютились у одноподервенцевъ

Иустина или же на ближайшемъ постояломъ дворѣ. Впрочемъ, ночь была такъ тепла и покойна, что не было нужды въ убѣжищѣ. Подъ открытымъ небомъ, навѣрное, спалось вольнѣе, чѣмъ подъ крышей.

Иустинъ еще не скоро улегся. Онъ долго прибиралъ что-то на дворѣ, стучалъ запоромъ клѣтки, входилъ въ конюшню, чтобы задать корму лошади. Слышно было какъ она топталась и хрустко жевала свѣжескошенную траву.

Мы его больше не видали. Едва выступила на востокъ заря, какъ меня разбудилъ Федоръ. У колодца мы умылись холодной водой и зашагали дальше.

VIII.

За зелеными коврами полей и луговъ, вдали блеснули подъ солнцемъ, извивы рѣки Сейма. Значитъ недалеко Батуринь, а въ семи верстахъ отъ него, прославленный въ Украинѣ Крупицкій монастырь. Мѣстность, понижаясь переходила въ волнистыя очертанія, пересѣкаемыя мелкими безлѣсными лощинами. На общемъ фонѣ у рѣки опоясанный съ трехъ сторонъ рѣчными заливами, обрисовался крестообразный пятиглавый храмъ, византійской кладки, по сосѣдству съ другими церквами, купола которыхъ жарко горѣли въ безоблачномъ небѣ.

Мы подходили къ перевозу на рѣкѣ. Къ намъ присоединились два воза съ сѣномъ и старнованной соломой; должно быть они направлялись въ Батуринь или слободу Метѣевку, изъ ближайшаго къ монастырю сельца Тиницы. Отъ рѣки несло пріятной влагой и тѣмъ запахомъ прибрежныхъ растений, который издали еще даетъ знать о близости воды. Паромъ былъ на той сторонѣ. Приходилось долго ждать его возвращенія. Возчики—хохлы, лежа на животахъ, казалось нисколько не огорчались отсутствіемъ парома. Позы ихъ доказывали крайнее презрѣніе ко всякой торопливости. Волы, въ деревянныхъ ярмахъ, топырили свои тупыя ноздри, вдыхая

рѣчную влагу. Надъ ними кружились неотвязно степные овода, а въ воздухѣ порхали надоѣдливые воробьи, разомъ накидываясь на разсыпанное кѣмъ-то по дорогѣ просо.

А воздухъ нестерпимо душить, жара ростеть, до вечера еще далеко...

Два инока отчаливаютъ отъ берега, въ монастырской лодкѣ. На днѣ ея уставлены корзины съ янтарными черешнями; ягода на подборъ и спѣла, и крупна. Паромъ все еще медлитъ. Терпѣніе мое истощается. Прошусь къ инокамъ въ лодку:

— Отцы, не подвезете ли?

— Вамъ куда?—спрашиваетъ одинъ изъ нихъ, веснушчатый, но съ пріятнымъ лицомъ и мощной осанкой.

— Въ монастырь. Можно?

— Можно. Садитесь. Откуда шествуете?

— Изъ Кіева.

Инокъ осмотрѣлъ насъ благосклонно и принялъ въ лодку. Звонко отшлепнулись весла и всплески ихъ ровно ударялись о зеркало рѣки, гдѣ отражалось голубою бездной далекое небо.

Минуты три-четыре, и лодка пристала на той сторонѣ. Чтобы проникнуть въ монастырь, надо было обогнуть одинъ изъ заливовъ и подняться на возвышенную равнину. Иноки, пояснили намъ, что весной рѣка Сеймъ затопляетъ всѣ луговья плоскости и на долго прерываетъ сообщеніе съ монастыремъ. Девятаго мая, въ день св. Николая, совершается крестный ходъ, отъ главнаго храма монастыря, посвященнаго имени того-же святаго, въ скитокъ, гдѣ въ небольшой церкви, отправляется литургія. Но половодье бываетъ такъ велико, что богомольцы съѣзжаются туда отовсюду на лодкахъ. Въ свое время мѣстность эта была покрыта лѣсомъ. Остатки его и до сихъ поръ видны на западѣ отъ обители. Они должно быть сохранились, благодаря попеченіямъ иноковъ. Вѣковые дубы и вязы подтверждаютъ такое предположеніе.

Это становится тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что именно въ лѣсу подвизались отшельники, въ родѣ св. Димитрія, который устроилъ здѣсь себѣ келью. На сѣверо-востокъ отъ скитка можно замѣтить курганъ, гдѣ по преданію явился образъ св. Николая чудотворца. Въ память этого явленія и былъ основанъ монастырь названный въ началѣ Николаевскимъ, затѣмъ Батуринымъ или Крупицкимъ. Послѣднее названіе онъ приобрѣлъ по слѣдующему чудесному поводу. Сюда скрылось отъ татарскаго погрома русское населеніе окреста. Преслѣдуемое врагами, оно погибало отъ голода. Для спасенія бѣглецовъ, съ облаковъ была послана небесная пища въ видѣ крупы. Чудо это было занесено собственноручно св. Димитріемъ на напрестольное евангеліе. Въ 1767 г. архимандритъ обители Варсонофій доносилъ архипастырю, что чудесныя крупы, на память о великомъ событіи, сохранялись въ серебряномъ ковчегѣ, до вступленія Мазепы въ управленіе Малороссіей. Листъ съ этой записью, къ сожалѣнію, теперь утраченъ. Послѣ разоренія Батурина и монастыря, неизвѣстно кѣмъ былъ похищенъ и ковчегъ съ крупами. Основаніе монастыря, по всеѣмъ признакамъ, произошло еще до татарщины. Подлинный годъ его закладки теряется въ глубинѣ исторіи.

По сосѣдству съ Крупицкимъ монастыремъ раскинулось село Обмачевъ. Если для картины нуженъ истый сынъ Украины, такъ я не встрѣчалъ болѣе типичныхъ хохловъ, чѣмъ обмачевцы.

Въ соборномъ главномъ храмѣ обители, во имя св. Николая — три престола: средний — св. Николая, правый — Благовѣщенія, а лѣвый — Іоанна Богослова. Храмъ обширенъ и высокъ, съ пятируснымъ иконостасомъ въ рѣзбѣ и позолотѣ. Съ трехъ сторонъ храма устроены хоры (западной, южной и сѣверной), которые простираются до боковыхъ алтарей. Сводъ церкви покоится на двухъ массивныхъ колоннахъ, окруженныхъ иконостасами въ образахъ. Въ подвальной помѣщеніи собора — гробницы

гдѣ между прочимъ находятся гробницы игумена Исаакія и строителя церкви. На лѣвой сторонѣ подъ колонной, покоится прахъ основателя храма генеральнаго судьи Иоанна Домонтовича.

Почти на разстояніи трехъ минутъ ходу,—въ формѣ прямоугольнаго параллелограмма — расположенъ невысокій одноглавый храмъ, въ новѣйшемъ стилѣ. Это теплая, зимняя церковь во имя Преображенія. Внутри, онъ вмѣщаетъ въ себѣ наверху, родъ балконовъ съ балюстрадой, одноярусный иконостасъ, мѣстами позлащенный, и двѣ кладовыя для храненія ризницы. Не особенно давно, при церкви Преображенія находилась монастырская трапезная.

Самымъ скромнымъ и простымъ по убранству и архитектурѣ надо считать скитъ, во имя св. Николая, тамъ, гдѣ произошло чудесное явленіе образа. Въ скиту похороненъ графъ Николай Ѳедоровичъ Апраксинъ. Внутренность храма безъ всякихъ украшеній. Онъ деревянный, на каменномъ фундаментѣ, иконостасъ безъ позолоты. На задней сторонѣ—небольшіе хоры, съ ходомъ со двора. Зато красива новая каменная трапеза и колокольня, о семи колоколахъ, изъ которыхъ солиднымъ выглядитъ большой колоколь-благовѣстникъ.

Настоятельскій корпусъ, вызвалъ во мнѣ живой интересъ, богатствомъ размѣщенныхъ въ немъ старинныхъ портретовъ: архиастырей, настоятелей и ктиторовъ обители. Между ними привлекаетъ своею удивительною жизненностью портретъ основателя обители. Это совершенный образъ старика славной екатерининской эпохи. Изъ рамки, какъ бы говорить съ вами, пріятное и въ высшей степени располагающее лицо, съ молодыми умными глазами, подъ густымъ розмахомъ характерныхъ бровей; правильный лобъ обрамленъ пышными кудрями; сильный станъ облеченъ въ кафтанъ и живописныя складки епанчи. Здѣсь же изображенъ гербъ: мечъ, обращенный книзу, между двумя четвертями луны и звѣз-

дами. Ниже я прочелъ полуистертый отъ времени „надгробокъ“, какъ говорятъ, сочиненный и писанный рукою св. Димитрія. Привожу его въ томъ видѣ, въ какомъ мнѣ удалось разобрать ветхія слова:

«Кто на мой образъ окомъ поглядаетъ
Ашо-жь зась бываль? вѣдати желаетъ.
Вѣдай, ижъ вѣрній сынъ отчины билемъ,
Въ ней з молодыхъ литъ вѣрно служилемъ.
Иванъ имя миѣ отъ Бога данно,
Домонтовичемъ проименованно.
Судъ енеральный на миѣ залежалъ,
Котрій урядъ до смерти додержалъ.
Властнимъ своимъ коштомъ церковь змуровалемъ,
Потомъ Богу въ руцѣ духа далемъ.
Тужь, въ темномъ гробѣ, тѣломъ почиваю
Молитвы единыя отъ тебѣ жадаю.

Року 1683 м. сентем. 28 д.»

Цѣлая біографія въ образчикѣ старинной духовно-свѣтской поэзіи!

Прибавимъ отъ себя, что портретъ „создателя храма сего“ написанъ и на одной изъ колоннъ главнаго собора обители, надъ мѣстомъ погребенія Домонтовича. Когда послѣдовало воспрещеніе украшать храмы портретами лицъ, не причисленныхъ къ сонму святыхъ, то онъ былъ завѣшенъ иконою, и даже, кажется, загрунтованъ.

Пока я увлекался стариной и отдавалъ ей задумчивую дань уваженія, произошла непріятная сцена. У воротъ обители, какой-то дюжій хлопецъ, въ чемаркѣ и смушковой шапкѣ, выталкивалъ за ограду Федора. Мой спутникъ былъ блѣденъ, какъ мѣль, но не сопротивлялся. Кучка богомольцевъ гоготала, подстрекая верзилу-хлопца:

— Дай ему, Данько, въ потылицу!

Я подошелъ къ нимъ и сдержанно спросилъ:

— Что онъ вамъ сдѣлалъ?

Одинъ изъ хохловъ пожалъ плечами и безпечально отрътилъ:

— Та ничего! Дурный винъ отъ вопо якъ! Хйба жъ письменній человекъ стане образа та икони высмievаты.

Я поняль одно только, что Федоръ, поддавшись духу искушенія, сталъ проповѣдывать этимъ немудренымъ сердцамъ о бесполезности иконъ. Можетъ быть, онъ имъ говорилъ о прелестяхъ своего вѣроученія? Несомнѣнно говорилъ, потому что тотъ же хохоль взволнованно замѣтилъ:

— Якіи туючка „обращенніи“. Мы законной вѣры, якъ и діды наши.

Я урезонилъ, какъ могъ, раздраженнаго украинца. Мое внушеніе о томъ, что вѣра должна быть свободна отъ озлобленія, смирило его до извѣстной степени.

— Это не по христіански, подымать руку на ближняго своего,—заклучилъ я мое увѣщаніе.

Угрожающее настроеніе кучки, послѣ монхъ словъ, значительно понизилось. Не такъ-то легко было справиться съ Федоромъ. На него нашло какое-то фанатическое упрямство. Глаза пылали, лицо блѣдно. Онъ, стоя за воротами обители, потрясалъ въ воздухѣ посохомъ и вопилъ:

— Необращенные обратитесь! Покайтесь, приближается царство небесное!

Этотъ иовый предтеча—сектантъ, ни за что не хотѣлъ понять простую истину, что его проповѣди возмущаютъ богомольцевъ и могутъ довести его до тюрьмы.

Онъ задумался надъ этимъ, но не на долго. Съ горячностью фанатика онъ спросилъ:

— За что же-съ? За что? Развѣ я говорю зло, или мысля недостойно, или поступаю неправильно?

— Да по какому праву вы навязываете другимъ ваше ученіе? Кто поставилъ васъ учить другихъ?

Федоръ подготовился къ этому вопросу. Онъ завелъ глаза подъ самый лобъ и рѣшительно отвѣтилъ словами апостола:

— Ученіем ложнымъ не увлекаюсь, но благодатью укрѣпляю сердце!

— Достанется вамъ когда-нибудь за вашу благодать,— предостерегъ я.

Федоръ ударилъ себя въ грудь пятерней и, съ придыханіемъ, страстно заговорилъ:

— Въ чемъ наша вѣра? Въ чемъ, вопрошу я? Въ покаяніи преединственно наша вѣра, только въ покаяніи! Іоаннъ проповѣдовалъ въ мѣстоположеніяхъ пустынныхъ о покаяніи, и больше ни о чемъ-съ! Ежели вы, скажемъ, несумѣнно покаялись—и все, стало быть, исполнили приблизительно къ вѣрѣ все, то больше исполнять нечего, потому что остальное приложится вамъ по благодати.

Я насилу отвелъ его отъ воротъ, внизъ по дорогѣ. Но мало-по-малу Федоръ сталъ затихать, замѣтивъ, что я его не слушаю. Остальную часть пути, до самаго Чернигова, онъ замкнулся въ себя, сталъ печаленъ и неразговорчивъ. Онъ больше все вздыхалъ, какъ бы сокрушаясь о моей нравственной несправимости и духовномъ несовершенствѣ.

Говоря по душѣ, я благословлялъ мысленно такое безмятежное состояніе моего нервнаго спутника. Быть можетъ, въ его туманныхъ богословскихъ софизмахъ заключался нѣкоторый смыслъ, но онъ меня несколько не увлекалъ. Федоръ скорѣе возбуждалъ къ себѣ сожалѣніе, чѣмъ признаніе въ немъ авторитета реформатора, дѣйствующаго на простонародье силою доказательности своихъ духовныхъ убѣжденій. Онъ даже не походилъ на тѣхъ пламенныхъ, хотя и беспочвенныхъ наставниковъ раскола, которые дѣйствуютъ съ осмотрительностью бѣглаго бродяги и рискомъ игрока. Мой странный проповѣдникъ былъ, какъ видно, изъ числа тѣхъ неудачниковъ, которые не знаютъ къ чему пристать и куда направить свой мятуційся духъ. Выброшенные какими-то недоносками за бортъ жизни, они носятся въ пространствѣ мечтаній и полуграмотные рвутся къ

познанію высшихъ истинъ, превратно истолковывая ихъ значеніе, съ невѣжественною настойчивостью. Одаренные живостью впечатлѣнія, направленные ложно, одни изъ нихъ являютъ собой извѣстный типъ религіозныхъ шарлатановъ, для которыхъ измѣненіе вѣрованія составляетъ предметъ матеріальнаго обогащенія; другіе — наоборотъ — бредутъ слѣпыми страдальцами, всю свою жизнь бѣдствуя, преданные нелѣпой идеѣ, нивѣсть къмъ порожденной, и, вдобавокъ, искаженной ея вольными толкователями.

Федоръ былъ однимъ изъ этихъ кочующихъ слѣпцовъ, которые могли бы, при силѣ своего увлеченія, быть достойными подвижниками истинной, единой апостольской церкви, безъ сбивчивыхъ блужданій и умозрѣній.

Но таковъ порядокъ вещей: чтобы отличить годный полевой кормъ отъ негоднаго — необходимы сорные травы.

IX.

Слѣдующій приваль былъ сдѣланъ въ Новомъ Бѣлоусѣ, верстахъ въ десяти отъ Чернигова. Въ этомъ небогатомъ и довольно неряшливомъ поселеніи, разбросанномъ по сосѣдству съ своимъ одноименцемъ Старымъ Бѣлоусомъ, на притокѣ Десны того же названія, паломническая партія разстроилась. Мы потеряли изъ виду всѣхъ остальныхъ нашихъ путниковъ. Они направились какой-то кратчайшей дорогой къ Чернигову, оставивъ насъ въ полномъ невѣдѣніи. Мнѣ думалось, что сцена съ Федоромъ у воротъ Крупицкой обители, произвела глубокое впечатлѣніе на паломниковъ и они попросту хотѣли отдѣлаться отъ его общества. Это, кажется, сознавалъ и Федоръ. Онъ какъ-то съежился весь, насутился и сказалъ мнѣ:

— Неразумны, бѣгающіе свѣта!

Конечно, это относилось цѣликомъ къ отдѣлившейся отъ насъ партіи.

Быль полдень сухой и душный, когда въ зеленыхъ кудряхъ листы, какъ бы зарываясь своими домами въ ея пышныхъ вѣтвяхъ, показались предмѣстья, а затѣмъ и самый городъ—конечный пунктъ нашего хожденія. День былъ торговый, потому что то и дѣло насъ обгоняли возы съ живностью, гуртовщики съ домашней птицей. Почти на краю города, какъ подорожные громилы, крестьянъ-торговцевъ перехватывали еврей-скупщики. Они съ перебранкой и плевками торговались до хрипоты за индѣйку или гуся, перебивали покупку другъ у друга, и съ хищнымъ торжествомъ улыбались своимъ неудачнымъ соперникамъ. Обыкновенно въ проигрышѣ оставался какой-нибудь Опанасъ или несообразительная тетка Горпына.

Еврей-перекупщики сбывали товаръ въ мясныхъ лавкахъ съ барышомъ, а Горпыны и Опанасы возвращались домой, довольные тѣмъ, что имъ не пришлось, благодаря скорому сбыту, цѣлый день жариться на солнцепекѣ городского базара.

Первое время меня одолѣла усталость, и я два дня никуда не выходилъ изъ гостинницы. Петербургскія газеты получались здѣсь на третьи сутки. Это составляло мое развлеченіе между сномъ и ѣдою. Когда ноги мои нѣсколько окрѣпли, я предался съ усердіемъ обзору мѣстныхъ построекъ, городской жизни и характерныхъ ея явленій. Федоръ разыскалъ своихъ единовѣрцевъ, которые обитали гдѣ-то у лавокъ такъ называемаго Цвѣта. Должно быть онъ почувствовалъ ко мнѣ охлажденіе за мое скептическое отношеніе къ его вѣрованію. По крайней мѣрѣ, онъ не исполнилъ перваго своего намѣренія—быть моимъ путеводителемъ по незнакомому городу. Онъ не показывался мнѣ на глаза. Это меня немного огорчило. Пришлось пользоваться упрощен-

нымъ способомъ—разспрашивать кого попало объ интересующихъ меня предметахъ и мѣстахъ. Охотниковъ давать объясненія находилось вдоволь. Были и безкорыстные добровольцы-гиды, а были и такіе, что безцеремонно намекали на мой бумажникъ.

Красой Чернигова, со стороны своей древности и архитектуры является кафедральный соборъ Спасителя. Основаніе его историки относятъ къ княженію Мстислава, т. е. 1024 г. По своимъ лѣтамъ черниговскій кафедраль много старѣе кievской св. Софіи и Новгородской. Наружныя стѣны храма поражаютъ глаза наблюдателя своей оригинальной кладкой, говорящей о здѣшнихъ стародавнихъ временахъ. Три-четыре ряда тонкаго квадратнаго кирпича, послѣ легкой прослойки, смѣняются рядами кремнистыхъ массивовъ и т. д. Внутри мраморъ колоннъ красноватаго цвѣта, а базы и капители оранжеваго. Это сочетаніе цвѣтовъ очень эффектно. Колонны поддерживаютъ сводчатые хоры или, какъ ихъ звали въ старину, „палаты“. Между колоннами были, на одномъ изъ ярусовъ,—коринтскаго ордена. Вся глубина храма, во всю свою высоту, занята липовымъ иконостасомъ, съ распятіемъ надъ нимъ; орнаментика не блистаетъ вычурностью рисунка, богатствомъ рѣзныхъ фигуръ, но за то красивъ серебряный узорчатый фонъ иконостаса. Это придаетъ ему своеобразную прелесть и свѣтъ, что въ связи съ его колоннами и карнизами, покрытыми червоннымъ золотомъ по полименту, производитъ впечатлѣніе тонкаго художества. Главныя царскія врата имѣютъ видъ раковинъ, съ просвѣтами и сплошной позолотой.

Но вниманіе посѣтителя разомъ поглощается иконой св. Николая изъ мозаики, во весь ростъ. Исполненіе ея приписано художнику Сиверсу. Иконная рама работы Сазикова, изъ серебра 84-й пробы, вся чеканенная, съ густою позолотой и эмалевыми украшеніями. Кивотъ византійскаго стиля, сдѣланъ по проекту акаде-

мика Евѣфимова и замѣчательнѣ своей неподражаемой рѣзьбой. Икона и кивотъ—даръ черниговскаго дворянства собору.

Нѣсколько антикварныхъ вещицъ, въ соборной ризницѣ, открыли передъ моею памятью историческую страничку изгнанія черниговцами католическихъ монаховъ доминиканскаго ордена. Должно быть бѣгство добрыхъ патеровъ было чрезчуръ поспѣшно, если церковные сосуды остались не захваченными и попали въ руки къ ненавистнымъ „схизматикамъ“. Насколько важно было назначеніе этихъ сосудовъ, при отправленіи костельныхъ богослуженій, можно заключить изъ ихъ виѣшняго описанія.

Я видѣлъ маленькій кувшинъ изъ серебра, съ птичьимъ носикомъ и крышкой, который по-польски называется „ампулкой“. Такихъ „ампулекъ“ должно быть непрѣменно двѣ въ римскихъ костелахъ, потому что при служеніи мши, въ одной изъ нихъ содержится вино, въ другой—вода. Тутъ же сохранялся ciborium или puszka,—родъ круглой серебряной коробочки съ надписью на крышкѣ имени Спасителя. Надпись „J. N. S.“ воспроизведена золотыми буквами латинской аббревіаціи. На днѣ сосуда можно было разобрать рѣзное слово: *infremar*. Въ puszk'ѣ нѣкогда, вѣроятно, хранились опрѣсноки, которыя раздавались причастникамъ св. Таинъ. Мнѣ показали еще лѣвиную гипсовую кропильницу съ узорами à la grecque. Она имѣла форму кашители, съ углубленіемъ по срединѣ, куда вставлялось блюдо или тазъ съ освященной водою. Какъ извѣстно, паписты кропятъ себя этой водою при входѣ въ костель.

Но желаніе поскорѣе поклониться новооткрытымъ мощамъ св. Θεодосія Углицкаго, отвлекло меня отъ ризничныхъ антиковъ кафедральнаго собора. Святитель покоится въ новомъ кипарисовомъ гробѣ, опущенномъ въ серебряную раку, установленную на видномъ мѣстѣ собора; передъ ракой теплится рядъ разноцвѣтныхъ лам-

падъ. Самая большая изъ нихъ—кажется, приношеніе хоругвеносцевъ Сергіева посада... Святитель закрыть покровомъ. Одинъ изъ мѣстныхъ прихожанъ передавалъ мнѣ, что когда епископы Антопій Черниговскій и Питиримъ Новгородсѣверскій, совершали переоблаченіе мощей, то на нихъ оказался уцѣлѣвшимъ шейный крестъ на шнуркѣ и параманъ, носимый на спинѣ монашествующими, хотя мощи покоились въ пещерѣ Борисоглѣбскаго храма 200 лѣтъ.

Кстати о Борисоглѣбскомъ соборѣ. Въ свое время онъ былъ монастырскимъ кафедральнымъ храмомъ. Исторія его возникновенія начинается съ отдаленныхъ временъ. Кладка его византийская и по сорту кирпичей трехъ видовъ, изъ которыхъ есть и бѣловатой окраски, она весьма приближается къ составу кievскихъ воротъ Ярослава. Нѣкоторые кирпичи доходятъ до 8-ми и болѣе вершковъ длины. Стѣны также непомѣрно толсты и внушительны. Окна собора узки и длинны, а входъ, наоборотъ, низокъ. Историческая справка указываетъ на періодъ между 1090 и 1123 гг., какъ на время его основанія. Тогда въ Черниговѣ княжилъ Давидъ Святославичъ, который, очевидно, и былъ основателемъ Борисоглѣбскаго храма. Духовныя совершенства этого князя создали ему славу безупречнаго христіанина-рыцаря. Преданіе говоритъ, что передъ кончиною Давида, благоволившій къ нему святитель Теокистъ, приказалъ пѣть канонъ Кресту Господню, хранителю отъ нечистыхъ навожденій. Во время пѣнія, въ теремъ князя влетѣлъ бѣлый голубъ и спустился на умирающаго. Князь тихо скончался и голубъ отлетѣлъ.

Между прочими древностями храма выдѣляются царскія врата. Онѣ вылиты изъ серебрянаго идола, найденнаго въ землѣ при конаніи фундамента подъ колокольню. Впрочемъ, часть серебра была принесена въ даръ собору черниговскимъ полковымъ судьей Мокрѣвичемъ.

Святыню храма можно было узнать по многочисленнымъ „рушникамъ“, драгоценнымъ привѣскамъ и рукодѣльнымъ подношеніямъ народа. Это икона Богоматери Рѣпицкой, названной такъ по перенесенію ея изъ села Рѣпокъ. Въ большой церкви, подъ спудомъ, находились мощи свят. Θεодосія, архіепископа Черниговскаго, представившагося въ 1695 году. Къ мощамъ былъ сдѣланъ входъ въ пещеру. Въ 1781 г. каѳедральная коптора, давая свѣдѣнія о Борисоглѣбскомъ монастырѣ, доносила такъ: „Когда жъ тѣ мощи явились и при коемъ архіереѣ тотъ ходъ учиненъ, за неимѣніемъ о томъ записокъ и старинныхъ людей, справиться не съ чѣмъ“. О чудотвореніяхъ, исходящихъ отъ мощей святителя, обстоятельно сталъ доносить значительно позже, святѣйшему синоду черниговскій архіепископъ Павелъ Подолинскій. Это было въ промежуткѣ между 1838 и 1857 гг. Съ той поры чудеса у гроба св. Θεодосія не прекращались, явно доказывая тѣмъ особую милость Божію къ усопшему. И, наконецъ, 5 іюля 1895 г. митрополитъ кіевскій и галицкій Іоанникій, по порученію св. Синода, въ присутствіи мѣстныхъ іерарховъ, освидѣтельствовалъ тѣло св. Θεодосія, которое оказалось нетлѣннымъ. По этому поводу начался рядъ церковныхъ празднествъ, отмѣтивъ во всѣхъ уголкахъ Россіи новое торжество православія.

Годъ рожденія святителя нельзя указать точно. Біографическая справка относитъ его къ первой половинѣ (20-ые года) XVII в. Θεодосій вышелъ изъ семьи малороссійскаго священника Никиты. Но опять таки о мѣстѣ рожденія архипастыря, его біографы нигдѣ не упоминаютъ. Намъ извѣстно, болѣе или менѣе подробно только о томъ, что св. Θεодосій получилъ блестящее, по тому времени, образованіе. Первые его шаги въ области богословскихъ наукъ начались въ кіевскомъ Братскомъ училищѣ и были успѣшны. Святитель, по окончаніи курса, постригся вскорѣ, покровительствуемый начальникомъ училища, знаменитымъ Лазаремъ Барановичемъ. Подъ

его благотворнымъ попеченіемъ и отеческой любовью, Θεодосій прошелъ все ступени священства, начавъ съ сана архидіакона. Онъ настоятельствовадь въ Корсунскомъ, Выдубицкомъ и Елецкомъ монастыряхъ. Одаренный трудолюбіемъ и всестороннимъ умомъ, святитель много порадыль въ дѣлахъ православія противъ уніи. Много также нравственной энергіи и несокрушимой твердости потратилъ онъ на умиротвореніе строптивыхъ украинцевъ. Время тогда было тревожное. Православіе поддадось раздвоенію: одни переходили въ унію, другіе оставались ему преданными до конца. И вотъ въ этой-то духовной разладицѣ святитель подвизался какъ истинный Божій воинъ, собирая церковь и ея сыновъ, смущаемыхъ римско-католическими патерами, возвѣщавшими о спасеніи души только въ уніи съ Римомъ. Малороссія должна быть особенно признательна почившему архипастырю, потому что онъ неуспно охранялъ ея православіе отъ порабощенія католицизмомъ.

Популярность черниговскаго архіерея достигла и за границы. Патріархъ іерусалимскій Досіеѳ прислалъ св. Θεодосію сочиненія Дециклавія: „Сборникъ греческихъ и римскихъ гражданскихъ постановленій“.

Этимъ подаркомъ патріархъ какъ бы выразилъ особое уваженіе высокому уму святителя, который одновременно являлся и духовнымъ отцомъ, и гражданскимъ устроителемъ черниговской епархіи.

Стоить только припомнить, при какихъ историческихъ и политическихъ затрудненіяхъ работалъ св. Θεодосій, чтобы оцѣнить, не мудрствуя, его подвижническую дѣятельность. Современные намъ руководители православія въ юго-западномъ краѣ, всегда могутъ вдохновляться свѣтлыми примѣрами черниговскаго архипастыря. Не легко держать высоко знамя русской церкви тамъ, гдѣ религіозныя броженія получили широкій просторъ, гдѣ онѣ выразились въ разнообразныхъ видахъ сектантства. А наши юго-западные губерніи всегда

были если не колыбелью, то во всякомъ случаѣ пріютомъ для отступниковъ православія.

Св. Θεодосій умеръ 5-го фѣвраля 1696 г. Онъ былъ погребенъ у входа въ Борисоглѣбскій храмъ, когда-то захваченный католическимъ орденомъ Доминиканъ (1627 г.). Тогда и вся Малороссія подчинялась Польшѣ. Черезъ тридцать лѣтъ, послѣ вторженія доминиканцевъ, гетманъ Богданъ Хмѣльницкій изгналъ ихъ изъ Чернигова и возвратилъ православію Борисоглѣбскій монастырь. Паписты бѣжали въ Польшу.

Открытіе мощей св. Θεодосія праздновалось 9 сентября 1896 г. При небываломъ скопленіи богомольцевъ и духовенства прошли эти рѣдкія церковныя торжества. Мпожество брошюръ, съ жизнеописаніемъ угодника, возвѣстили во всѣхъ концахъ родины объ этомъ праздничномъ днѣ и теперь имя чудотворца стало повсемѣстнымъ. Чудеса, источаемыя св. мощами на вѣрующихъ, какъ по устнымъ преданіямъ, такъ и по описаніямъ—безконечны. Онѣ подробно изложены въ разныхъ изданіяхъ, посвященныхъ памяти святителя и по цѣнѣ доступныхъ всякому. Небольшія брошюры, у букинистовъ, напр., не превышаютъ гривенника.

Я стоялъ передъ святой гробницей, безъ молитвы. О чемъ было просить? Жизнь разбила мои молодыя надежды безповоротно, ея бури меня утомили. Мнѣ нуженъ былъ невозмутимый покой и я получилъ его у этихъ слабо мигающихъ лампадъ, въ полусумракѣ старинныхъ сводовъ, невидимо осѣненныхъ присутствіемъ чудотворныхъ останковъ. Зыбкій свѣтъ восковыхъ огней игралъ на шелковой ткани кипарисоваго гроба, желтой какъ бронза, отороченной золотымъ галуномъ. Его трепетныя пятна скользили по рельефамъ новой серебряной раки. Безъ напряженія воли, медленно, но неотступно снисходило на меня хорошее чувство мира. Оно походило на прощеніе или состраданіе, оказанное въ минуты душевнаго изнеможенія. Я никогда не отли-

чался особой чувствительностью, но слезы туманили мои глаза. Когда онѣ оросили мое лицо, я понялъ, что это были живыя слезы воскреснаго сердца. Сколько разъ оно, озлобленное людьми, замыкалось отъ нихъ и мучительно жгло своей отравой! Это была больная ожесточенная жизнь. Она представлялась мнѣ тысячеглавой гидрой. Когда я отрубалъ ей одну голову, выростала мгновенно другая, еще ядовитѣе и горше. Мои руки изнемогали, я погибалъ въ неравной битвѣ. Но святыня, у которой я стоялъ, вручила мнѣ новое оружіе: снисходительность и терпѣніе. Оно послужить мнѣ для предстоящихъ еще состязаній съ жизнью.

Мое полузабытѣе продолжалось, какъ легкій спокойный сонъ съ милыми видѣньями дѣтства и всего что дорого сердцу. Вокругъ гробницы шуршали и ползали люди. Я не глядѣлъ на нихъ. Знаю, что тутъ были безногіе, хромые и слѣпые, чающіе чуда исцѣленія. Молитвенный шопотъ мѣшался съ просительными словами молебна и еиміамомъ кадила.

Какъ-то сами собой подогнулись колѣна и я сталъ молиться, наравнѣ съ этими обездоленными бѣдняками-калѣками. Можетъ быть между ними было не мало нравственныхъ страдальцевъ, которымъ, какъ и мнѣ, необходимо успокоеніе.

Надо мной склонились русыя космы и блѣдное лицо Федора.

Мнѣ почудилось, что въ его углубленныхъ, но ясныхъ глазахъ была насмѣшка. Они какъ будто хотѣли доказать мнѣ всю тщету моей молитвы. Что-то недружелюбное къ этому „пророку“ нахлынуло въ мою душу. Я пересилилъ это непріятное чувство и тихо спросилъ:

— Что вамъ?

Онъ быстро зашепталъ:

— Я отхожу домой нынче-съ. Здѣсь для сѣятеля немѣется доброй нивы. Все каменистая, какъ говорится, почва-съ. Пришелъ проститься. Дозвольте что-нибудь на

дорогу, потому что извелъ добротныя даянія на нужды вѣрующихъ братьевъ.

Я подаль ему трехрублевку.

— А вы какъ? Со мной?

— Нѣтъ, Федоръ. Богъ съ вами! Наши дороги разны. Я пойду одинъ,—сказаль я.

Онъ отрывисто поклонился, взметнувъ гривой, и ушелъ.

Его уходъ облегчилъ меня. Не скажу чтобы я тяготился его обществомъ, но онъ производилъ на меня, своими догматами и произвольными толкованіями писаній, впечатлѣніе чего-то лишняго и ложнаго. Я былъ, почему-то убѣжденъ въ одномъ, что деньги, полученные отъ меня Федоромъ, пойдутъ, дѣйствительно, на какую-нибудь вопіющую нужду, которую онъ умѣлъ всюду отыскивать особымъ, свойственнымъ ему одному, чутьемъ.

На Александровской площади и по берегу Стрижня мнѣ попались богомольцы „сѣрой кости“. Они уже, такъ сказать, отпаломничали и собирались въ Кіевъ, съ первымъ отходящимъ пароходомъ. Я рѣшилъ собраться въ отъѣздъ вмѣстѣ съ ними. Оставляя стѣны ограды, окружающей черниговскіе соборы, по западной линіи, мнѣ показали мѣсто бывшихъ доминиканскихъ келій. Онѣ тянулись на югъ отъ колокольни и выходили за Любецкія ворота. Теперь отъ нихъ, конечно, нѣтъ и слѣда. Все передѣлано, а на разрушенныхъ фундаментахъ прежнихъ построекъ, возникли новыя.

На прощанье съ Черниговымъ, раннимъ утромъ, я попутно заглянулъ въ приходскую церковь св. Параскевы Пятницы, что на Торговой, когда-то бывшей женскимъ монастыремъ. Проходя мимо лавокъ Цвѣта, мнѣ попались на глаза олеографіи, изображающія пещеру святи-теля-чудотворца и его гробницу. Особенно выдѣлялись, среди прочихъ предметовъ рисунка, на темно-желтомъ фонѣ пещеры, два подсвѣчника съ тонкими свѣчами.

пламя которыхъ было несоразмѣрно велико. Однако, богомольцы раскупали ихъ на расхватъ. Покупка бережно завертывалась въ платокъ или чистую тряпку и пряталась за пазуху.

Съ пароходной палубы, пассажирамъ предстала, въ своей причудливой обстановкѣ, знаменитая Болдинская гора. На ней, въ двухъ верстахъ отъ города, раскинулся, сверкая главами, Троицко-Ильинскій монастырь, резиденція черниговскихъ архіепископовъ. За горой, чередуясь съ полями и пастбищами, снова выступали на южномъ небосклонѣ кудрявыя шапки роцей и „зеленькихъ“ гаевъ.

А молчаливая, глубокая Десна несла свои свинцовыя воды все впередъ и впередъ, приближая насъ къ Кіеву.

Х.

Почти всю дорогу—лѣсъ. Окропленные росой деревья недвижно, какъ зеленые исполины, стоятъ по обѣимъ сторонамъ дороги и дремлютъ въ прохладномъ воздухѣ ранняго утра. Только безсонныя вершины его едва примѣтно помахиваютъ своими макушками. Вверху снова безоблачная южная синева, снова золотистыя брызги южнаго солнца, слѣпящія непривычный глазъ. Вчерашняя непогодь исчезла безъ слѣда. словно это лучезарное небо никогда не хмурилось и не кропило землю сѣющимъ, сквернымъ дождемъ. Прозрачнымъ покрываломъ изъ голубыхъ нитей окутало оно лѣсныя чащи, мшистые овраги, удоля и мягкую дорогу, по которой неслышно бѣжали наши кони. Сыроватая пыль лѣниво вздымалась мелкими клубами изъ-подъ копытъ.

Лошади бѣжали бодро, преслѣдуемые оводами. Лѣсъ рѣдѣлъ, но не кончался. На плоскости, закрытой деревьями разныхъ породъ и примыкающей къ двумъ

оврагамъ, между стволами проглянула церковь, простенькаго вида, домъ окруженный садомъ и нѣсколько дачь. Мы рѣшили дать роздыхъ конямъ и поразмяться самими, чтобы разогнать докучливую сонливость, а кстати поближе посмотрѣть Голосѣвскую пустынь—лѣтнюю резиденцію кievскихъ митрополитовъ. Углубляясь среди раскиданныхъ тамъ и сямъ по лѣсу избушекъ, мы на-бредли на одного изъ дачниковъ, судя по костюму—горожанина съ достаткомъ. Въ свѣтло-сѣрой „разлетайкѣ“ и широкополой шляпѣ, низенькій, краснолицый, онъ пытливо посмотрѣлъ на насъ и выжидательно остановился. Съ нимъ было лукошко, гдѣ на днѣ лежала пара сыроѣжекъ, мокрыхъ отъ росы! Отъ насъ, въ разные стороны, разбѣгались, между кустовъ, тропинки и мы затруднялись, которую изъ нихъ выбрать, чтобы по-пасть въ самую пустынь. Онъ предупредительно спросилъ насъ:

— Вамъ, господа, вѣроятно, въ пустынь?

— Совершенно вѣрно. Но мы не знаемъ какъ по-пасть туда.

— А вотъ по этой тропчкѣ, вы какъ разъ выйдете напрямикъ къ церкви Іоанна многострадальнаго. Тутъ и пустынь. Да позвольте я васъ провожу.

Мы поблагодарили. Любитель грибовъ оказался чело-вѣкомъ разговорчивымъ и свѣдущимъ по части мѣстныхъ примѣчательностей. Прежде всего онъ сообщилъ намъ, что до слабости любить грибы и что, послѣ вче-рашняго дождя, ихъ должно быть уродилось особенно много. Наконецъ, ему извѣстны такія грибныя мѣстечки, какихъ никто, кромѣ его одного, не знаетъ. Все это онъ высказалъ залпомъ и, когда мы приблизились къ каменному, хорошенькому храму, скромному до про-стоты, онъ объяснилъ намъ, что это церковь во имя Покрова Богородицы и построена она митрополитомъ Филаретомъ на его личныя средства.

— Да-съ, знаете... Покойный владыко любилъ эту

пустынь,—продолжалъ онъ,—много пораждѣлъ онъ о ея процвѣтаніи.

Такъ, разговаривая, мы незамѣтно приблизились къ церкви св. Іоанна Сочавскаго, построенной еще митрополитомъ Петромъ Могилою, когда тотъ былъ еще архимандритомъ. Строитель разбилъ когда-то передъ нею садъ и рощу, въ которой разсадилъ вычурно деревья—въ общемъ изображавшіе Успенскій соборъ въ Лаврѣ. Уединенная отовсюду пустынь, всегда представлялась укромнымъ уголкомъ, любимымъ кіевскими архипастырями.

Покровская церковь, имѣющая два придѣла, по своему внутреннему помѣщенію очень уютна и красива. Въ ковчежцѣ заключена частица мощей св. мученика Іоанна Сочавскаго, принесенная изъ Молдавіи въ Кіевъ митрополитомъ Петромъ Могилою. Если какому-либо изъ мѣстъ, посѣщенныхъ нами, подобаеъ пазваніе пустыни, то скорѣе всего этой загородной митрополичьей лѣтней резиденціи. Здѣсь все пустынно. Какъ самая мѣстность, удаленная отъ житейской ярмарки и опущенная дремучимъ боромъ, такъ и раскиданныя по ней избушки и строенія скита, кажущіеся издали необитаемыми. За то цѣлительный смолистый воздухъ, почти гробовое безмолвіе, нарушаемое развѣ звономъ колокола, благотворно дѣйствуютъ на душу, требующую созерцательнаго уединенія и самоуглубленія. Дачниковъ здѣсь очень не много, да ихъ почти и не видно. Облюбовавъ эту, поистинѣ, святую тишину, они сами живутъ скромно, развлекаясь чисто деревенскими удовольствіями: уженьемъ рыбы, поисками грибовъ, прогулками по безконечному лѣсному пространству.

Мнѣ не хотѣлось уходить изъ этого благословеннаго мѣстечка, гдѣ тихо поскрипывали сосны, а пернаые пѣвцы, наоборотъ, какъ бы сговорились пѣть, что есть силы. День разгорался все ярче и ярче. Уже солнце пролагало по лѣсной муравѣ золотистыя дорожки, окрашивая всколъзь рыжева чмъ румянцемъ древесные стволы,

Нашъ случайный чичероне увлекся грибами и затерялся гдѣ-то въ чащѣ. Мы, говоря откровенно, не тужили объ этомъ. Какъ-то было не до него. Каждый изъ насъ, видимо, хотѣлъ въ одиночку насладиться рѣдкой прелестью лѣснаго утра.

Какъ ни жаль, но послѣ непродолжительнаго отдыха пришлось покинуть Голосѣевскую пустынь.

Попутно, мы перегнали нѣсколько группъ богомольцевъ. Это означало, что не далеко уже и Теофаніевская пустынь—дачное обиталище викаріевъ кіевской митрополіи. Припаривало. Походило на то, что къ полудню разыграется южная гроза, скоропреходящая, но сильная. Кавалькада статскихъ и военныхъ, съ двумя амазонками, сопровождающая чью-то элегантную коляску опередила насъ, совершенно задушивъ облаками дорожкой пыли. Пока мы отчихались и протерли засоренные глаза—она потерялась изъ виду. Вскорѣ насъ перегнало еще нѣсколько повозокъ, два - три извозчика съ сѣдоками и щегольской фаэтонъ, запряженный парю свѣтлорыжихъ шведокъ. Когда мы подѣхали къ пустынской гостинницѣ, довольно привлекательному зданію—всѣ номера оказались занятыми. Передъ нами извинились и заявили, что пріѣзжіе кіевляне и иногородцы размѣстились почти по всей гостинницѣ, кто на нынѣшній день, а кто и долѣе. Наше отчаяніе разсѣялъ мѣстный крестьянинъ, предложившій намъ временный пріютъ и самоваръ. Насколько я могъ замѣтить, при всѣхъ загородныхъ обителяхъ и скитахъ, куда стекаются паломники, такихъ „крестьянъ-самоварниковъ“,—вдоволь. Они установили родъ промысла самоварами, молокомъ, ягодами и булками.

Послѣ чая у сѣраго благодѣтеля мы кое-какъ пообчистились отъ пыли и отправились къ поздней литургіи въ церковь, построенную нѣкогда іеромонахомъ Вонифатіемъ, бывшимъ устроителемъ пустыни. Его же трудамъ обязана своимъ существованіемъ гостинница и

просторное зданіе, гдѣ живутъ на покоѣ престарѣлые иноки Златоверхо-Михайловскаго монастыря. Отличаясь высоко добродѣтельной, примѣрной жизнью, Вонифатій учредилъ при скитѣ сорокъ неугасаемыхъ лампадъ, чтеніе акафиста, въ воскресные дни, передъ образомъ арх. Гавріила. Тамъ же непрерывно читается псалтырь. Иноки преклонныхъ лѣтъ, посылаемые сюда на житіе изъ Михайловскаго монастыря, въ случаѣ своей смерти погребаются въ пустыни. По церковнымъ лѣтописямъ видно, что пустынь основана еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія епископомъ кіевской митрополіи Теофаномъ Шіяновымъ, отъ котораго и получила свое названіе, хотя до того времени именовалась деревнею Лазаревщиною, въ память какого-то старца-пчеловода Лазаря, устроившаго здѣсь ульи и пасѣку. Пустынь занимаетъ лѣсистое пространство холмистыхъ очертаній, протяженіемъ около 132 десятинъ. Кромѣ образа арх. Гавріила, особо чтимыхъ святынь въ пустыни нѣтъ. Она привлекаетъ къ себѣ паломниковъ скорѣе потому, что здѣсь, среди молчаливыхъ дебрей и доживающихъ свои дни старцевъ, все окутано молитвенной святостью и простотой. А это сильнѣе располагаетъ къ бесѣдѣ съ Богомъ и серьезной безмятежной мысли. Говорятъ, что знаменитый духовный писатель архипастырь Иннокентій каждое лѣто посвящалъ Теофаніевской пустыни, которую находилъ самой подходящей по своимъ особенностямъ для литературныхъ трудовъ. Намъ даже указали келью, гдѣ работалъ этотъ даровитый ораторъ и церковный писатель. Здѣсь зародилось и вышло изъ подъ пера его не мало богословскихъ сочиненій. Мы даже побывали на одной изъ высотъ, носящей данное ей арх. Иннокентіемъ названія *горы Елеонской*. Видъ отсюда на пустынь и окрестъ чарующій. Бродя по лѣсу, послѣ литургіи, отправленной архіерейскимъ служеніемъ, мы достигли источника воды, свѣтлой какъ горный хрусталь. Оказалось, что и этотъ, скользкій

между деревъ, ручей преосвящ. Иннокентій назвалъ *Силоамской купелью*. Вѣроятно, это новозавѣтное сравненіе было вызвано ничѣмъ инымъ, какъ необычайной прозрачностью источника.

Когда мы оставляли скитъ,—солнце садилось. За дорогой, на лѣсной луговинѣ, стояли повозки, ожидающіе своихъ сѣдоковъ. Между ними былъ и нашъ возница.

Взошла луна. За нашей повозкой бѣжали короткія тѣни. Въ серебряномъ полусвѣтѣ, лѣсъ казалось, сдвигался надъ нами живою аркой. Съ каждымъ поворотомъ колеса, мнѣ казалось, что я удаляюсь навсегда отъ священныхъ монастырскихъ оградъ, за которыми укрылись отъ мірской скверны и грязи сотни существъ. Во слѣдъ намъ смотрѣли ихъ строгія, просвѣтленныя близостью Бога очи, а подвижническія блѣдныя уста продолжали еще рассказывать былыя дѣянія и тайны изъ пыльныхъ страницъ древнихъ лѣтописей, о томъ, какъ изъ пепла и праха возникали святыни Приднѣпровья и укрѣпляли духомъ, словно твердынями окраины земли русской.

Привѣтъ вамъ златоглавыя мавзолеи Православія, глядящія въ голубыя воды Днѣпра! Увижу ли я васъ вторично — Богъ вѣсть. Самъ по себѣ возникаетъ вопросъ: почему люди, занятые и ушедшіе въ мелочи повседневныхъ нуждъ своихъ или взысканные особымъ довольствомъ и счастьемъ, приходятъ за тысячи верстъ въ смиренныя обители иноковъ, гдѣ обрѣтаются древнія святыни? На это можно отвѣтить: родъ человѣческій надѣленъ такимъ неисчислимымъ количествомъ бѣдствій, страданій, утратъ, волненій, что человѣку положительно невозможно прожить на землѣ бездѣйственно. Горе и нужда, заботы и скорбь безсмѣнно даютъ грѣшное человечество своимъ тяжелымъ гнетомъ и заставляютъ его искать помощи внѣ себя, прибѣгать съ молитвой къ высшему и всемогущему существу и у него находить облегченіе въ скорбяхъ житейской юдоли.

И вотъ, люди стремятся въ такія мѣста, гдѣ наиболѣе видимо проявляется божественная помощь. Мощи прославленныхъ святыхъ, чудотворные образа влекутъ къ себѣ страждущее человѣчество и храмы, хранящіе въ себѣ святыню преимущественно, посѣщаются поклонниками. Такіе храмы и обители молчаливые, но постоянные свидѣтели тѣхъ горячихъ молитвъ, которыя приносятъ люди передъ святынями: кто прося у Бога себѣ счастья, кто милости, кто утѣшенія. Тѣ же храмы зачастую бываютъ очевидцами горькихъ слезъ и тяжелыхъ вздоховъ страдальцевъ земныхъ, а равно восторженныхъ благодарностей счастливыхъ, которые уже воспользовались милостями Божиими и получили то, чего просили. Въ тѣхъ же самыхъ храмахъ расплавляются иногда, какъ металлъ отъ горнила, черствыя сердца, открывается подавляющее душу горе, безысходное, неутѣшное, противъ котораго безсильна самая высшая твердость человѣческаго духа... Лики угодниковъ Божіихъ, предъ которыми носятся цѣлые рои разнообразныхъ надеждъ и упованій молящихся, безмолвно и таинственно смотрятъ въ душу каждаго и тамъ въ нѣдрахъ души даютъ отвѣты на мольбы просящихъ. Нѣтъ человѣка, который послѣ беззавѣтной молитвы усердной и горячей передъ святыней — вышелъ бы изъ храма безъ новаго, необъяснимаго ощущенія въ своемъ сердцѣ. Благодагный миръ непостижимымъ образомъ касается души вѣрующаго и онъ исходитъ изъ храма всегда лучшимъ, обновленнымъ, нежели приходитъ туда.

Эта тайна невидимыхъ и непостижимыхъ перемѣнъ въ душѣ человѣческой въ минуты непритворныхъ молитвъ составляетъ общее и непрерывное чудо, чудо всѣмъ доступное и на всѣхъ дѣйствующее. Ощущеніе мира въ душѣ, а въ сердцѣ радости, испытываемое въ минуты нелицемернаго моленія передъ чудотворными иконами св. угодниковъ, оставляетъ надолго о себѣ живыя воспоминанія. Оно нерѣдко является тайнымъ по-

бужденіемъ спѣшить туда, гдѣ можно переживать столь благословенныя и счастливыя минуты.

Подъ сводами храма, передъ святынями, зарождается и крѣпнеть въ душѣ человѣческой та родственная связь, которая многихъ заставляетъ прибѣгать къ извѣстной святынѣ съ тѣми же чувствами, съ какими дѣти спѣшать на свиданіе къ любимому отцу.

Итакъ, поклонниковъ и ревностныхъ почитателей собираетъ къ чудотворнымъ мощамъ и иконамъ таинственная сила Божія, дѣйствующая своимъ проявленіемъ въ помянутыхъ святыняхъ. Передъ ними молился длинный рядъ отжившихъ поколѣній и дѣды и прадеды современниковъ нашихъ попирали здѣсь землю, освященную пребываніемъ на ней ликовъ или мощей святителей и чудотворцевъ.

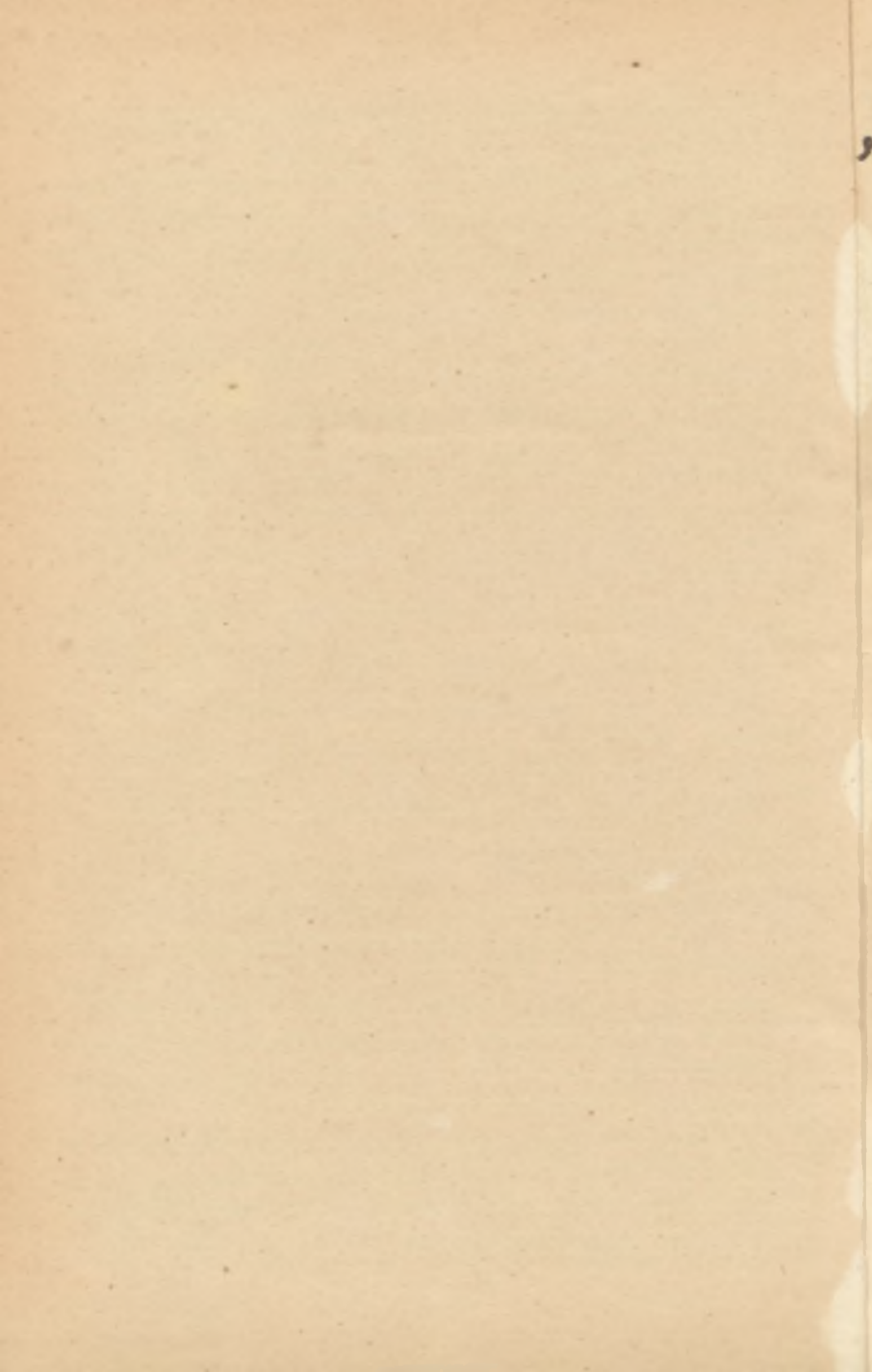
Еще пройдутъ года и сотни лѣтъ, а потомки теперь живущихъ людей, будучи вѣрны преданіямъ старины, станутъ также поирать эту землю, какъ попирали ихъ предки. Эта неразрывная связь прошедшаго съ будущимъ заставляетъ невольно благоговѣть передъ величіемъ милосердія Божія, которое, явнымъ образомъ, обнаруживается въ чудодѣйственной силѣ святыхъ мощей и прославленныхъ иконъ.

Они неистощимые родники живой воды, способной утолить самую ужасную и нестерпимую жажду души!

Кругомъ ежедневно обновляется видъ земли: все старое отживается, а юное нарождается, но мѣста святынь какъ несокрушимыя скалы—высятся среди человѣческихъ обществъ. Подъ ними свирѣпствуетъ ураганъ, ожесточается житейская буря, проходятъ и погибають лжеученія, а они стоятъ незыблемо.

Итакъ, кто успѣлъ укрѣпить свою душу вѣрою въ Бога, кто сталъ на вершинѣ такой скалы твердой ногою, тому гибель не грозитъ, какъ бы вблизи ни кипѣла мятежная житейская бездна.

Серія историческ., научно-популярн. и практическихъ
сочиненій подъ общимъ заглавіемъ

„Полезная Библиотека“

 Цѣна каждой книги 50 коп.

Какъ узнать характеръ человѣка. Опредѣленіе характера по чертамъ лица (физиогномонія), по рукамъ (хирософія), по почерку (графологія) и по вѣшнему виду головы (френологія). Состав. Гр. Ф.—тъ (съ 50 рис. и 45 образцами почерковъ). 2-е изданіе.

Исторія чудеснаго въ новѣйшее время. Соч. Л. Фигье. Перев. съ 3-го франц. изданія М. Рогунцева. Кн. I. Кудесничества Каліостро.—Магнетизеры—мистики.—Электро-біологія.—Стуч. духи. 224 стр. Кн. II. Электрическіе люди—Отзвѣчивыя ултики.—Вертящіеся столы и медумы. 130 стр.

Подъ водою.—Исторія водолазнаго дѣла и подводнаго плаванія. Л. Фигье. Переводъ подъ редакц. и съ дополненіями Гр. Ф.—та. 120 стран. (съ 27 рисунк.).

Учен. Ком. М. Н. Пр. допущена въ учебныя, старшаго возраста, бібліотеки Среднихъ Учебныхъ Заведеній.

Пять вѣшнихъ чувствъ.—Л. Фигье. Обработка и доп. Д-ръ Ю. Малисъ. 152 стран. (съ 20-ю рис.).

Чудеса гипнотизма. Исторія и современное положеніе вопроса о гипнотизмѣ. Очерки В. Битнера. 266 стр. (съ 6 рис.).

Первая помощь при несчастіяхъ съ людьми.—Общедоступное рук. для подачи помощи до прибытія врача. Сост. по проф. Эскарху, Мозетигъ—Мооргофу и др. 188 стр. (съ 45 рис.).

Популярная гигиена (Общедоступное руководство здраво охраненія). Сост. по проф. Доброславицу, Эрисману и др. Ф. Г. 140 стр.

Исторія электричества. (Популярные очерки изъ исторіи открытія законовъ электрическихъ явленій и ихъ приложенія). По Розенбергеру, Фигье и др. сост. Ив. Святскій. 163 стр. (съ 34 рис.).

Завоеваніе воздуха (Очерки изъ исторіи воздухоплаванія). Соч. Гр. Ф.—та 240 стр. (съ 44 рис., 5 портр. и 11 чертежами).

Общедоступная пиротехнія. (Руководство для изготовленія и спуска фейерверковъ). Сост. Д. Озерковъ. 174 стран. (съ 36 рис.).

Домашняя лабораторія. (Руководство къ ознакомленію съ основами химіи). Ф. Федо. Перевелъ и дополни. Ч. Ляминъ. 160 стр. (съ 37-ю рисунк.).

Научныя развлеченія. (Собр. простыхъ физич. опытовъ). В. Вурипскаго 128 стр. (съ 104 рисунк.).

Учен. Ком. М. Н. Пр. допущена въ ученич., старш.возр. бібліотеки Средн. Учебн. Завед.

Самоучитель фотографіи.—Теорія и практика фотографическаго искусства. Ф. Диллэй. Перев. подъ ред. В. Вурипскаго. 244 стр. (съ 35 рис.).

Гальванопластика. Общедоступное практ. руководство для любителей. С. Глаголева. 64 стр. (съ 7 рис.). 2-е изд.

Драгоценныя камни. Составилъ Ив. Святскій. 184 стр. (съ 38 рис.).

Учен. Ком. М. Н. Пр. допущена въ учен. библ. Средн. Учебн. Завед., Учит. Инст. и Семинарій и Гор. Учил., и въ учит. библ. Низш. Уч. Зав., а также въ безпл. народн. библ. и читальни.

Электричество въ домашнемъ быту. Рук. для любит. электротехн. Сост. Н. Н. Довяковскій. 194 стран. (съ 117 рис.).

Пѣвчія птицы. (Ловля, содерж. въ неволѣ, нравы и образъ жизни пѣвч. птицъ) Сост. Ив. Святскій. 238 стр. (съ 22 рис.).

Учен. Ком. М. Н. Пр. допущена въ учен., ст. возр., библ. мужск. Ср. Учебн. Зав. и Гор. Училищъ, а также въ безпл. народн. библ. и читальни.

Естественная исторія въ разсказахъ. Сочин. А. Майльса, перев. съ англійскаго М. Васанина. 173 стр.

Рыболовъ-любитель. (Жизнь, ловля и разведеніе прѣсноводныхъ рыбъ). Общедоступное практич. руководство. Ф. Пескова. 180 стр. (69 рис.).

Учен. Ком. М. Н. Пр. одобрена для ученич. библ., старш. и средн. возр., мужск. Ср. Учебн. Завед., а также и Город. Учил., и для безпл. нар. библ. и читальн.

Спортъ во все времяна года. (Англійскія подвижныя игры.—Велосипедъ.—Коньки.—Лыжи.—Буэръ.—Плаваніе.—Верховая ѣзда и проч.). Сост. Гр. Ф.—тъ. 200 стр. (съ 60 рис.).

Прѣсноводный анваріумъ. (Рук. люб.). Сост. Т. Богдановъ. 65 стр. (съ 14 рис.).

Домашній обиходъ. (Сборникъ совѣтовъ и рецептовъ по всемъ отраслямъ домашняго хозяйства).—Сост. Ф. Г. 184—XIX стр.

Съ требованіями обращаться въ Книжный складъ П. П. Соѣкина въ С. Петербургѣ.

Полезная Библиотека

Цѣна каждой книги 50 коп.

Фритъофъ Нансенъ. Среди льда и ночи. Переводъ съ норвежскаго В. Семенова. Съ приложеніемъ біографическаго очерка жизни Нансена, составл. по соч. Бреггера и Рольфсена. 212 стр. (съ 27 рис., картою и портретомъ).

Въ странѣ черныхъ христіанъ. (Очерки Абиссиніи). Ф. Волгина. 128 стр. (съ 15 рис.).

Въ дѣбряхъ Азіи. Очерки путешествія ген.-м. Пѣвцова, по подлиннику обработалъ Н. Соколовъ. 200 стр.

Древніе и новѣйшіе колоссы. (Исторія и описаніе замѣчательныхъ статуѣй, начиная съ древнѣйшихъ временъ). Е. Лебазейль. Перев. съ франц. Г. 224 стр. (съ 33 рис.).

Первые обитатели Москвы—разсказъ изъ временъ сѣдой старины. В. Битнера. 174 стр. (съ 18 рис.).

Чудеса полярнаго міра. (Исторія путешествій.—Природа—Жизнь и нравы обитателей). Е. Лебазейль. Перевелъ Е. Костко. 168 стр. (съ 35 рис.).

Во льдахъ и снѣгахъ. Путешествія на островъ Колгуевъ. Соч. Треворъ-Ветти, перев. съ англійск. А. Филиппова. 212 страниц. (съ 13 рисунк. и картою).

Южный полюсъ. (Исторія и описанія антарктическихъ путешествій). В. Фовиэлла. 150 стр. (съ 7 рисунк.).

Вокругъ свѣта на велосипедѣ. Т. Стивенса. Кн. I.—Отъ Санъ-Франциско до Тегерана. 184 стр. Кн. II.—Отъ Тегерана до Токагамы. 172 стр.

Амуръ. Природа и люди Амурскаго края. Состав. Ф. Волгинъ. 144 стр. (съ 17 рис., 2 портр. и картой).

Циркуляромъ Гл. Упр. Военно-Учебн. зав. реномендована для кад. библ. Кадетскихъ курсовъ.

На верблюдахъ. Воспоминаніе изъ жизни въ Средней Азіи. Соч. Н. Уралова. 188 стр.

Письма изъ Африки. Генриха Сенкевича. Перевелъ М. Круковскій. 271 стр. (съ 26 рис.).

Наши родичи (Изъ восп. о славянск. земляхъ). Очерки и разсказы В. Желиховской. 168 стр.

Современная Турція. Очерки и разск. о царствѣ Османовъ, соч. Юрія Казя-Бека. 116 стр.

Джонъ-Буллъ и его колоніи (Очерки изъ путешествій по колоніямъ Англіи). Макса О'Релля, переводъ съ англійск. Л. Богдановича. 148 стр.

Астрономъ-любитель. Руководство къ излакомленію съ небесными явленіями и ихъ наблюденіями. Сост. дѣйств. чл. Русск. Астрон. Общ. Е. Предтеченскій. 200 стр. (25 рис. и черт.).

Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ.—Г. Парвила. Перев. подъ редакц. профессора С. Глазенапа. 104 стр. (съ 20 рис.).

Микроскопъ и телескопъ. Соч. Зюршэръ и Марголле. Перев. и дополи. И. Святскій. 140 стр. (съ 42 рис.).

Начало и конецъ міра. Сочин. Ш. Ришара. Перев. и дополи. И. Святскій. 184 стр.

Міры дѣйствительные и воображаемыя Соч. Кам. Фламмаріона. Перевелъ Ив. Святскій. 192 стр.

Жизнь земли.—Очерки популярной геологіи. Профессора Ф. Пуше. Перев. и доп. Н. Ляминъ. 164 стр. (съ 30 рис.).

Учен. Ком. М. Н. Пр. одобрена для учен. старш. возр. бібліотекъ Реальн. Учил. и для ученич. библ. учиг. Инстит., а также для бесплатныхъ нар. библ. и читальн.

Натуральность на Ла-Платѣ. Сочин. У. Хедсона. Переводъ съ 3-го англ. изд. Кн. I. 180 страниц. (съ 15 рис.). Кн. II (окончаніе).—200 стр. (съ 11 рис.).

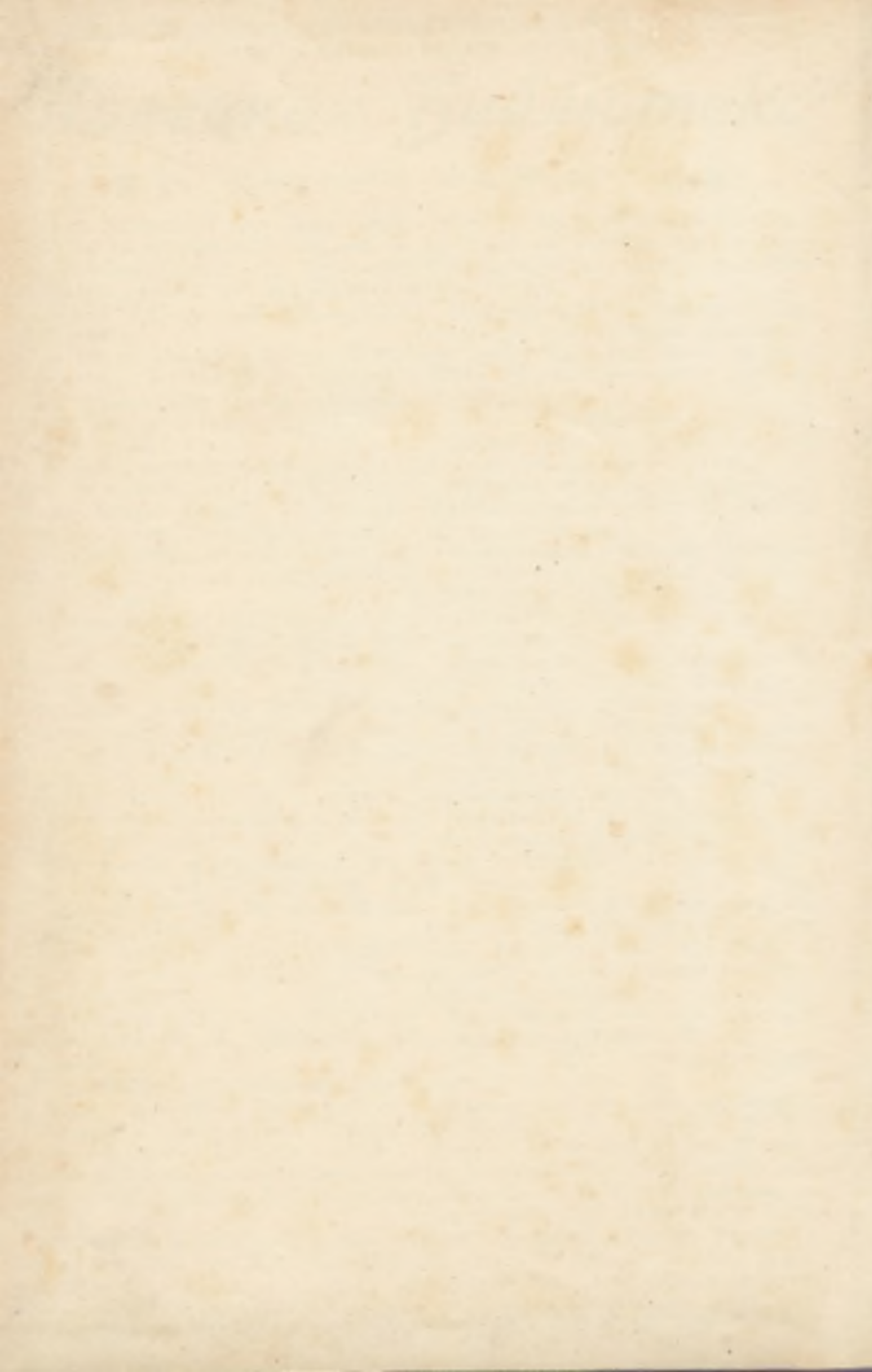
Учен. Комит. М. Н. Пр. одобрены для учен., ст. возр., бібліотекъ м. Ср. Учебн. Завед., для ученич. библ. Учиг. Инстит. и Семинарій и для бесплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читальн.

Чудеса растительнаго міра. Составилъ Ѳ. Медвѣдевъ. 148 стр. (съ 30 рис.).

Учен. Ком. М. Н. Пр. допущена въ безпл. народн. библ. и читальни.

Жизнь въ морѣ. Соч. К. Келлера. Переводъ Вл. Шацкаго, подъ ред. проф. А. М. Никольскаго. Кн. I.—208 стр. (съ 27 рис.). Кн. II (окончаніе).—184 стр. (съ 12 рис.).

Учен. Комит. М. Н. Пр. допущены въ ученич. библ. Средн. Учебн. Завед., Учиг. Инст. и Семинарій и Городск. Училищ., и въ учительскія библ. Нязш. Учебн. Завед., а также въ безпл. нар. библ. и читальни.

60-

446

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

109258

Biblioteka WSP Kielce

0152382